

63.3/2/46

1190

25112

783440

P4

Алексея Степановича
Вологодского и Петрозаводского.

cn 63.3(2)46
1190

ИСТОРИЯ
О НЕВИННОМЪ ЗАТЪЧЕНІИ
Ближняго Боярина
АРТЕМОНА СЕРГІЕВИЧА
МАТВѢЕВА,

Состоящая изъ челобитенъ, писанныхъ имъ
къ Царю и Патриарху, также изъ писемъ
къ разнымъ Особамъ, съ придвиженіемъ объ-
явленія о причинахъ его заточенія и о
возвращеніи изъ оного;

изданная

Николаемъ Новиковымъ;

Членомъ Вольнаго Россійскаго Собранія при
Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Издвденіемъ Типографической Компаніи.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1785.

783490

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Некрасова

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

СІЯТЕЛЬНѢЙШЕМУ ГРАФУ,
ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

РУМЯНЦОВУ-
ЗАДУНАЙСКОМУ,

ВЫСОКОПОВЕЛИТЕЛЬНОМУ

Г. ГЕНЕРАЛУ - ФЕЛЬДМАРШАЛУ,

СЕНАТОРУ,

КІЕВСКОМУ, ЧЕРНИГОВСКОМУ

и

НОВГОРОДСКОМУ - СѢВЕРСКОМУ

ГЕНЕРАЛЪ - ГУБЕРНАТОРУ,

Лейбъ-Гвардіи Коннаго полку

ПОДПОЛКОВНИКУ,

Кирасирскаго полку военнаго Ордена

свяшаго великомученика и побѣдо-

носца Георгія

ПОЛКОВНИКУ,

Россійскихъ Орденовъ св. Апостола Андрея, св.

Александра Невскаго, св. Георгія первой Сте-

пени и св. равноапостольнаго Князя Влади-

мира первой же Степени, Прусскаго

Чернаго Орла и Голстинскаго

святы Анны

КАВАЛЕРУ,

МИЛОСШИВОМУ ГОСУДАРЮ!

Машинъ Андрейевна Иван-
Сева, московская станция,
Два года не выжила
за Пучинина; в то же
время родилась станция Ак-
сентивъ Пучининъ.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

Милостивый Государь!

Издавая во свѣтъ Исторію о Невинномъ Запochenіи Ближняго Боярина Аршемона Сергіевича Машвѣва, не могу я никому посвящать ее присойнѣ, кромѣ Вашего Высокографскаго Сіятельства, его Правнука и преемника всѣхъ блистательныхъ добродѣтелей, украшавшихъ того Ироя. Писатели и Издатели во всѣхъ временахъ часто посвящали дѣянія Ироевъ людямъ, породю только знапнымъ, или высокостепеннымъ; но рѣдко имѣли случай посвящать оныя Ироямъ, каковы были описываемые ими: напрошивъ сего я посвящаю сію книгу шакому Ирою, которій дѣлами

) 3

сво-

своими еще и превышаетъ [своего Пра-
дѣда. Симъ дѣйствіемъ сугубо ис-
полняю я должность сына Опечества,
обязаннаго служить оному посильны-
ми своими шрудами и прославлять
дѣла и подвиги Собратій своихъ, заслу-
гами Государю и Опечеству знамени-
тыхъ. Аршмонъ Сергіевичъ Машвѣ-
евъ весьма достоинъ всемірнаго про-
славленія, яко истинный Ирой шого
вѣка; ибо неусыпными шрудами и по-
печеніями чрезъ всю жизнь свою спо-
спѣшествовалъ онъ благополучію Го-
сударства, и наконецъ, спасая Госу-
даря и Опечество, заслуги свои за-
печатавъ кровію своею. И такъ, из-
да-

давая во свѣпѣ сію книгу , свидѣпель-
спвую усердіе мое ко прославленію
его имени ; а посвящая оную Вашему
Высокографскому Сіяпельспву , зна-
менипому Ирою нашего вѣка , прино-
шу хопя слабую , но искреннюю жер-
пву Побѣдипелю , Покорипелю и Уми-
рипелю враговѣ моего Опечеспва. Я
бы желалѣ распроспранипѣ досподол-
жную похвалу великимѣ Вашего Вы-
сокографскаго Сіяпельспва душевнымѣ
свойспвамѣ и добродѣпелямѣ , но ску-
доспѣ пера моего налагаепѣ на меня
молчаніе. Оспаепся мнѣ просипѣ Ваше
Высокографское Сіяпельспво о помѣ,
чпобы сіе мое усердное приношеніе

приняли Вы съ обыкновенною Вашею
благосклонностію къ упражняющимся
въ Словесныхъ Наукахъ, и позволи-
ли бы мнѣ бысть навсегда,

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

Искреннѣйшимъ, усерднѣйшимъ и вѣрнымъ слугою,

НИКОЛАЙ НОВИКОВЪ.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Сообщаемая нынѣ мною Ученому Свѣту книга, содержитъ въ себѣ разныя извѣстія, касающіяся до жизни славнѣйшаго Мужа временъ Царя Алексія Михайловича: Исторія наша весьма мало можетъ намъ представить ему подобныхъ. Сей есть Артемонъ Сергіевичъ Мамыбевъ, Ближній Бояринъ, Намѣстникъ разныхъ городовъ, Царскія большія печати и Государспивенныхъ Посольскихъ дѣлъ Оберегатель, Приказовъ Стрѣлецкаго, Казанскаго и другихъ, такожъ и Монашяго двора Главный Судія. Сей Мужъ, неупомимыми услугами, вѣрностію и преданностію къ Государю, безпредѣльною любовію къ Отечеству, милосердіемъ къ Народу, мудростію и правосудіемъ въ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ, храбростію и прозорливостію въ дѣлахъ воинскихъ, и наконецъ ученостію своею, снискалъ себѣ славное названіе Царскаго друга и благодѣтеля Народа. Царь Алексій Михайловичъ писывалъ къ нему обыкновенно въ письмахъ своихъ: *Другъ мой Сергіевичъ!* Одно изъ шаковыхъ писемъ доказываетъ совершенно, сколь велики были къ нему любовь и довѣренность сего Государя. Сіе письмо писано было къ нему изъ Москвы подъ Смоленскъ, гдѣ тогда Артемонъ Сергіевичъ съ войсками находился; а въ немъ между прочимъ

написано: *Пріѣзжай къ намъ скорѣе: дѣти мои, и я, безъ тебя оскротѣли: за ними присмотрѣть не кому, а мнѣ посовѣтывать безъ тебя не съ кѣмъ, и проч.* Таковыхъ писемъ и другихъ извѣстій, и-собственныхъ Артемона Сергіевича записокъ и сына его Графа Андрея Артемоновича, весьма много находится въ домѣ Князей Мещерскихъ, о чемъ я самъ слышалъ отъ покойнаго Его Сіяшества Князя Василія Ивановича Мещерскаго, и котораго онъ розобравъ общалъ ко мнѣ прислать. Желательно бы было, чтобы сіи бумаги ко мнѣ сообщены были, дабы или при впоромъ изданіи пріобщить оныя къ сей книгѣ, или бы можно было приступить и къ сочиненію полной Исторіи сего великаго Мужа. Любовь же народную къ нему доказываетъ слышанное мною отъ многихъ достовѣрныхъ людей, а паче отъ покойнаго Князя Василія Ивановича Мещерскаго извѣстіе, которой увѣрялъ меня, что онъ сіе извѣстіе почерпнулъ изъ домовыхъ записокъ, находящихся у него, и которое я здѣсь сообщаю. Артемонъ Сергіевичъ Машвѣевъ имѣлъ весьма малый и тѣсный домикъ между Покровкою и Мясницкою, въ приходѣ церкви Николая Чудотворца, что въ Столпахъ, гдѣ послѣ уже построилъ онъ большія каменные палаты, которыя и нынѣ еще въ цѣлости стоятъ и принадлежатъ Князьямъ Мещерскимъ. Царь нѣсколько разъ ему говорилъ, чтобы онъ построилъ себѣ большія палаты, но Артемонъ Сергіевичъ всегда отговаривался недосугами и неисправностію; наконецъ Царь сказалъ, что онъ самъ прикажетъ ему построить па-

палаты. Аршмонъ Сергіевичъ, видно, что не старался обременять себя милостыями Государскими; и для того, благодаривъ Государя, сказалъ, что онъ уже исправился и намѣренъ того же лѣта строить себѣ палаты. И въ самомъ дѣлѣ приказалъ заготовлять матеріалы къ строенію; но тогда во всей Москвѣ не было въ привозѣ камня для фундамента. Слухъ о семъ въ городѣ разнесся, что Бояринъ Машвѣевъ хочетъ строить палаты, но за тѣмъ не начинаетъ, что нѣтъ камня на основаніе дома. Сирѣльцы и Народъ, собравшись между собою, переговорили, и нѣсколько человекъ на другой день пришли къ Боярину, сказывая, что Сирѣльцы и Народъ слышали, что онъ нигдѣ не нашелъ купить камня, такъ они ему кланяются, по естъ даряшъ, камнемъ подѣ цѣлой домъ. *Друзья мои!* отвѣчалъ Бояринъ, *я подарковъ вашихъ не хочу; а ежели у васъ камень есть, то продайте мнѣ, я богатъ и могу купить.* Присланные отвѣтствовали, что пославшіе ихъ, сего камня не продадутъ ни за какія деньги, а даряшъ своего Благодѣтеля, которой имъ всякое добро дѣлалъ; при чемъ просили его неопшупно, чтобы онъ приказалъ тѣ камня принять. Долго не склонялся Бояринъ, но наконецъ согласился и приказалъ привезть. Но въ какое пришелъ онъ удивленіе, когда на другой день увидѣлъ полонъ дворъ навезенныхъ камнейевъ съ могилъ. Выбранные говорили ему: *Привезенныя камни взяты нами со гробовъ отцевъ и дѣдовъ нашихъ; и для того - то мы ихъ ни за какія деньги продать не могли, а даримъ тебѣ,*
на-

нашему *Благодѣтелю*. Бояринѣ, не отпуская ихъ и не принимая каменя, потчасъ поѣхалъ къ Царю и увѣдомилъ его о семъ неслыханномъ случаѣ. Но Царь отвѣтствовалъ ему: *Прими, другъ мой, сей подарокъ отъ Народа; знатно, что они тебя любятъ, что гробы родительскіе обнажили, для того чтобъ сдѣлать тебѣ угодность. Такой подарокъ и я бы охотно принялъ отъ Народа.* Бояринѣ возвратился домой, принялъ каменя, дарилъ ихъ, но они ничего не приняли; и шакъ отпуская ихъ, началъ строить домъ. Къ чести сего мужа должно сказать и то, что Царица *Нашалья Кириловна*, мать Императора *ПЕТРА Великаго*, воспитана была въ его домѣ, и жила въ ономъ до самаго вступленія въ замужство Царское. Хорошій его вкусъ и знаніе въ Свободныхъ Художествахъ, утверждаетъ иконостасъ въ домовой его церкви, кошорой весь написанъ наилучшимъ Италіянскимъ письмомъ. Любовь его къ Наукамъ доказываетъ то, что онъ всегда имѣлъ обращеніе съ иносѣрными Учеными Мужами, что послѣ было причиною его несчастія и ссылки, въ правленіе Царя *Феодора Алексіевича*. Одинъ Польской Историкъ увѣряетъ, что Царь *Алексій Михайловичъ*, при кончинѣ своей предусматривая слабость силъ шѣлесныхъ обоихъ Царевичей, *Феодора* и *Іоанна Алексіевичевъ*, сдѣлалъ было завѣщаніе, кошорымъ наследникомъ и преемникомъ престола своего опредѣлялъ Царевича *Петра Алексіевича*, а *Артемона Сергіевича* назначалъ Правителемъ Государства до совершенныхъ лѣтъ младаго Царевича; но что до кончинѣ Царя *Алексія Михайловича* обстоя-

тель-

тельства перемѣнились, и сей случай, по его увѣренію, былъ причиною ссылки Боярина Артемона Сергіевича.

Что касается до сей издаваемой мною книги, то списокъ, съ котораго я издавалъ, угодно было ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ приказать сообщить изъ собственныя ЕЯ Книгохранищельницы и поручить мнѣ изданіе снзго. Судьбою предуставлено, чтобы въѣкъ Великія ЕКАТЕРИНЫ былъ въкомѣ славы и величества Россіи; и чтобы не токмо нынѣ живущихъ великихъ Мужей, но и умершихъ память и славныя дѣла, погребенныя во шьмѣ въковѣ прошедшихъ, извлекалися изъ подѣ спуда и полагалися предѣ очи всего міра при ЕЯ премудромѣ правленіи, для прославленія именѣ ихъ въ позднѣйшихъ потомкахъ. Сей списокъ, полученный мною отъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, списанъ съ находящагося въ домѣ покойнаго Князя Василія Ивановича Мещерскаго подѣ слѣдующимъ заглавіемъ :

Оправданіе о безвинномъ раззореніи и о седмилѣтнемъ страданіи, бывшемъ въ ссылкѣ въ Пустоозерскомъ острогѣ Боярина Артемона Сергіевича, и сына его Комнатнаго Стольника Андрея Артемѣевича Матвѣевыхъ, съ 7184 по 7190 годѣ, при державѣ Пресвѣтлѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Θεодора Алексіевича, вся Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, блаженныя памяти, каковое онѣ вышсменованный Бояринѣ весьма ясно

изнесъ по тремъ своимъ целобитнымъ, тогда отъ бывшаго у него Пристава, отъ Стольника Гавріила Яковлева сына Тухачевского, изъ Пустоозерскаго того острога посланнымъ въ Стрѣлецкой Приказъ для донесенія Его высокопомянутому Царскому Величеству, о всесовершенной той истинной правдѣ и о невинности своей по явной на него клеветѣ и по вымышленному отъ внутреннихъ его Боярскихъ злодѣевъ притворному и самому ложному составу, съ достовѣрными самими отъ себя доказательствами, къ ясному во всѣхъ тѣхъ злосоставныхъ и сказкою ему причтенныхъ винъ изобличеніемъ освидѣтельствованныхъ истиннымъ правосудіемъ Божиимъ и отъ Божественнаго Писанія святыхъ Правилъ, отъ Христіянскихъ всѣхъ Законовъ и всѣхъ гражданскихъ Правъ и Уложенія, которыя вины безъ всякаго испытанія чрезъ оныя еосударственныя Права безъ очныхъ ставокъ, необходимо надлежащихъ ему Боярину съ ворами и клеветниками оными, и прѣтивно всѣмъ Христіянскимъ Законамъ и Правиламъ, и гражданскимъ тѣмъ Правамъ и Уложенію, ему Боярину въ Казанской приказной Палатѣ, при Бояринѣ и Воеводѣ Иванѣ Богдановичѣ Милославскомъ, нарочно изъ Москвы присланнымъ Дьякомъ Иваномъ Гороховымъ сказаны были, который Дьякъ Гороховъ егожъ Боярскіе и сына его пожитки на его Великаго Государя съ Дьяками со Львомъ Нечаевымъ и съ Никитою Полунинымъ въ прошломъ 7185 году описывалъ и обиралъ. О чемъ о всемъ вышепомянутомъ обстоятельнѣе извѣстно будетъ изъ тѣхъ его Боярскихъ къ Его Царскому Величеству и къ Свя-

Святѣйшему Іоакиму Патріарху Московскому и
всѣя Россіи подлинныхъ челобитенъ и къ Ближ-
нимъ Боярамъ съ грамотокъ списанныхъ по по-
рядку ниже сего. А тѣ всѣ подлинныя челобит-
ныя писаны были собственною рукою сына его
Андрея Артемоновича. Кромѣ сего списка имѣлъ
я еще три другіе : одинъ находящійся въ Импе-
раторской Библіотекѣ при Академіи Наукъ; дру-
гой получилъ я отъ Г. Генералъ-Аудитора Лей-
шенанша Петра Кириловича Хлѣбникова ; третій
находился у меня купленный мною. Всѣ сіи че-
тыре списка сходствовали между собою совершен-
но , кромѣ того, что въ трехъ послѣднихъ спи-
скахъ весьма много погрѣшностей, отъ переписчи-
ковъ учиненныхъ. Къ сему списку прибавилъ я
собранныя мною надписи съ надгробій многихъ
Особъ изъ рода Матвѣевыхъ.

Въ заключеніи желаю Читателю моему,
чтобы онъ при совершенномъ здравіи пользовал-
ся сею книжкою, ожидая съ терпѣніемъ пол-
ной Исторіи сего великаго Мужа.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

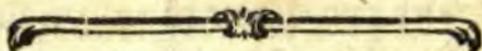
	Стран.
1. Первая челобитная къ Царю, посланная изъ Путяеля въ Москву въ 1677 годѣ	1
2. Вторая челобитная къ Царю, посланная изъ Пустоозерскаго острога въ Москву въ 1679 годѣ	80
3. Третья челобитная къ Царю, посланная изъ Пустоозерскаго острога въ Москву въ 1681 годѣ	146
4. Первая челобитная къ Патріарху Іоакиму	236
5. Вторая челобитная къ Патріарху	245
6. Третья челобитная къ Патріарху	264
7. Письмо прѣдсительное Благовѣщенскаго Собора къ Протопопу Никитѣ Васильевичу, бывшему Царскому Духовнику	299
8. Первое письмо къ Ближнему боярину Князю Юрью Алексѣевичу Долгорукову	311
9. Къ нему же второе письмо	320
10. Письмо къ Боярину Князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому	345
11. Письмо къ Боярину Князю Михайлу Юрьевичу Долгорукову	347
12. Письмо къ Боярину Родиону Матѣевичу Стрѣшневу	349
13. Письмо къ Боярину Князю Якову Никитичу Одоевскому	351
14. Письмо къ Боярину Кириллу Полиектовичу Нарышкину	353
15. Первое письмо къ Боярину Ивану Михайловичу Милославскому	357
16. Второе письмо къ нему же	359
17. Письмо къ Боярину Богдану Матѣевичу Хитрову	363
18. Объявленіе о возвращеніи изъ заточенія Ближняго Боярина Артемона Сергіевича Матѣева и о кончинѣ его	367
19. Вѣденіе, въ которыхъ годахъ какими чинами жалованъ Ближній Бояринъ Артемонъ Сергіевичъ Матѣевъ	418
20. Надписи, находящіяся при надгровіяхъ умершихъ Особъ изъ рода Матѣевыхъ	437

И С Т О Р І Я

О НЕВИННОМЪ ЗАТОЧЕНІИ

БОЯРИНА МАТВѢЕВА.

*Первая челобитная, которая послана
была изъ Пустоозерскаго острога въ
Москву, прошлаго 7185 (1677) года.*

Царю, Государю и Великому Князю
Феодору Алексіевичу, всея Ве-
ликія и Малыя и Бѣлыя Россіи Само-
держцу, неимѣющіе помощи и засшуп-
ленія, развѣ всеильнаго и милоспива-
го Бога и себя Помазанника Его Ве-
ликаго Государя, бьютъ челомъ хо-
лопи швои бѣдные и до конца раз-
зоренные, Артемошка Машвѣевъ съ
убогимъ сиротою сынишкомъ своимъ
Андрюшкомъ.

А

ВѢ

Въ прошломъ, Великій Государь; во 184 (1676) годѣ, зависти и ненависти ради принесено на меня, холопа швоего, чего въ умѣ моемъ не бывало, и дондѣже дышу, того не будешъ; и безо всякія моея вины ошлученъ премногія швоея Государскія милоспи, и посланъ въ Сибирь на Верьхошурье, и во 185 (1677) годѣ оставленъ въ Лаишевѣ. И Ноября въ 25 день, по швоему Великаго Государя указу прѣвжалъ Полуголова Московскихъ спрѣльцовъ Алексій Лужинъ, и спрашивалъ у меня, холопа швоего, книги Лечебника, въ которомъ Лечебникъ многія спашьи писаны цыфирью; и шотъ Лечебникъ и людишекъ моихъ, Ивашка Еврея и карла Захарка велѣно у меня взять. И я, холопъ швой, ему Алексію сказалъ, что у меня Лечебника шакого, что многія спашьи писаны цыфирью, нѣшъ, а людишекъ Ивашка и Захарка ему ошдалъ; и говорилъ ему Алексію съ великимъ прошеніемъ, чтобъ онъ въ домишкѣ моемъ, гдѣ я поставленъ, въ рухлядишкѣ моей обыскалъ, и къ человѣку моему на дворишко обыскашь пошелъ.

И онъ Алексій у меня, холопа твоего, въ рухлядишкѣ и къ человѣку моему на дворишко обыскашъ не пошелъ, а сказалъ, что ему о томъ твоего, Великаго Государя, указа нѣтъ. И ему же Алексію давалъ я, холопъ твой, шешрадку Славенскаго письма; а въ той шешрадкѣ писаны приемы ош всякихъ болѣзней, и подмѣчены шѣ спашьи словами цыфирными для прииска лѣкарствъ, и онъ шое шешрадку у меня, холопа твоего, не взялъ.

И въ томъ же, Великій Государь, во 185 годѣ, Декабря въ 22 (въ другомъ спискѣ показано въ 26) день, присланъ въ Лаишевѣ Думный Дворянинъ Ѳеодоръ Прокофьевичъ Соковнинъ, да Думный Дьякъ Василій Семеновъ, осмашривашъ и обыскивашъ книги и рухлядишку мою на дворишкѣ моемъ. Письма и книги осмашривали, и книги непошребныя и прошивныя закону Божию не нашли; для шого что ее нѣтъ и не бывало. Меняжъ, холопа твоего, да племянниковъ моихъ шрехъ человѣкъ, да людишекъ девять человѣкъ о книгѣжъ спрашивали, и взяли у насъ сказки за рука-

ми; да яжъ, холопъ твой, Думному
Дворянину Θεодору Прокофьевичу Соков-
нину, да Думному Дьяку Василью Семено-
ву объявилъ шепрадки, которыя писаны
выше сего, и шѣ шепрадки они у меня,
холопа твоего, взяли. Да ко миѣжъ, холо-
пу твоему, присланъ изъ Казани Дворя-
нинъ Гаврило Нармацкскій, да Полуголова
Алексій Лужинъ, и взявъ меня, холопа
твоего, въ Лаишевъ, и привезли въ Ка-
зань, и въ Казани данъ былъ за крѣпкіе
приславы и караулъ. А послѣ шего при-
сланъ твой, Великаго Государя, указъ:
велѣно миѣ людишекъ оставишь малое
число, а доспальныхъ оппустишь по
деревнишкамъ, а иныхъ на волю.

По твоему къ, Великаго Государя,
указу присланъ дьякъ Иванъ Гроховъ
въ Казань, и ко миѣ, холопу твоему,
пріѣхалъ на дворишко ночью, и швей
Великаго Государя указъ сказалъ. Ука-
зали вы, Великій Государь, взявъ гра-
мошы блаженныя памяти Ошца сво-
его Государева, Великаго Государя, Ца-
ря и Великаго Князя Алексія Михай-
ловича, всея Великія и Малыя и Бѣ-
лыя Россіи Самодержца, и всякія по-
сольскія письма и наказы, и дворовыя
и

и опчинныя и помѣстныя крѣпости,
и живописки мои, и сынишка моего.
И я, холопъ швой, ему Ивану далъ двѣ
книги рухлядишкѣ своей одною рукою
писаны: одна въ шепрадахъ въ пере-
плешѣ безъ кожи, а другая въ кожѣ
красной переплешена, тѣй же руки,
что въ шепрадахъ, и что было всѣхъ
отца моего и сынишка моего, что
ему отказала послѣ смерти своей машь
его, и что на Москвѣ оставлено бы-
ло, и то все въ той переплешной въ
красную кожу книгѣ написано. И онъ
Иванъ пересмотрѣлъ и переписалъ, и
переписавъ взялъ безъ остатка; толь-
ко дали мнѣ, холопу твоему, прошивъ
твоего, Великаго Государя, указа. Яжъ,
холопъ швой, видя гнѣвъ Божій и
швою Государскую опалу, объявилъ
ему лучшаго пожитчишка своего и
женишки моей, что она отказала сы-
нишку моему, и тому у него Ивана
четыре шепрадки въ полдешъ мою,
холопа твоего, рукою писаны. А за
какую вину я, холопъ швой, оставленъ
въ Лаишевѣ, и взятъ въ Казань, и
данъ за крѣпкіе присявы, и люди-
шекъ велѣно разослать по деревниш-
камъ,

камѣ, а иныхъ опустити на волю, и васъ, Великихъ Государей, грамошы и наказы, и всякія посольскія письма и крѣпосши, и всѣ мои живошишки взяшы, и за что, того мнѣ, холопу швоему, ничего не сказано. Юняжѣ въ 11 день, въ Казани, по швоемужѣ Великаго Государя указу, Бояринѣ Иванѣ Богдановичѣ Милославскій съ товарищи велѣли меня, холопа швоего, и сынишка моего и людишекѣ моихъ съ женами и съ дѣшми взять изъ дворишка моего Головѣ стрѣлецкому Ивану Садилову, и велѣли вешѣ меня, холопа швоего, и сынишка моего въ сѣзжую избу, какѣ злодѣевѣ, или измѣнниковѣ. И швой, Великаго Государя, указѣ сказали: указали вы, Великій Государь, у меня, холопа швоего, за великія вины и нецравды мои честь мою Боярство опнять, и написашѣ по Московскому списку; а помѣстья и опчины мои всѣ подмосковныя и въ городахѣ, и Московскій дворишко и загородный, и живошишки всѣ и рухлядишку всякую указали вы, Великій Государь, опписашѣ на себя, Великаго Государя, и приписашѣ ко

Дворѣ

Дворцовымъ селамъ; а людишекъ моихъ и сынишка моего оппустишь на волю съ оппускными. А вины будшо мои, холопа твоего, и неправды предъ шобою, Великимъ Государемъ, сыскались шѣ: въ сказкѣ моей, холопа твоего, какову я далъ въ Лаишевѣ Думному Дворянину Θεодору Прокофьевичу Соковнину, да Думному Дьяку Василью Семенову, за моею рукою писано, что про васъ, Великаго Государя, во время бывшія вашей Государскія скорби лѣкарства составляли ваши Государскіе Докторы, Косперіусъ, Стефанъ Симонъ, по рецепту, и шѣ рецепшы и нынѣ въ вашей, Великаго Государя, аптекарской палатѣ. А лѣкарство де накушивали прежде докторы, потомъ я, холопъ швой, а послѣ де меня ваши Великаго Государя дядьки, Бояре, Князь Θεдоръ Θεдоровичъ Куракинъ, да Иванъ Богдановичъ Хитровъ; а поврежденія де вашему Государскому здоровью отъ шого лѣкарства быши опнюдь было не отъ чего, что шѣ лѣкарства составляли самымъ свидѣтельствомъ. А что какого лѣкарства у васъ, Великаго Государя, послѣ вашихъ

Государскихъ пріемовъ оставалось, и шѣ лѣкарства при васѣ, Великомѣ Государѣ, выпивалѣ яжѣ, холопѣ швой. А ваши Великаго Государя дядьки сказали, что того не бывало: шѣхѣ лѣкарственныхъ составовѣ, которые послѣ нашихъ Государскихъ пріемовъ оставались, я, холопѣ швой, будто не выпивалѣ; и шо я будто сказалѣ и вѣ сказкѣ написалѣ ложно. И я, холопѣ швой, неимѣющій помощи и заступленія, кромѣ Бога и тебя, Великаго Государя, прошу у тебя Великаго Государя милосердія и премудраго швоего Государскаго разсмотренія вѣ правдѣ своей. Спрашивали меня, холопа швоего, о Докшорахѣ, а я, холопѣ швой, сказалѣ, какѣ было при тебѣ, Великомѣ Государѣ. А что швои Великаго Государя дядьки, Бояре, Князь Федорѣ Федоровичѣ Куракинѣ и Иванѣ Богдановичѣ Хишровѣ сказали, что того не бывало, что оставалось послѣ пріема швоего Великаго Государя, будто я, холопѣ швой, того не выпивалѣ, и вѣ томѣ ихѣ воля; какѣ они вѣ такомѣ дѣлѣ упомянули, такѣ и сказали: и да воздастѣ намѣ Господь Богѣ

Богъ по правдѣ и истиннѣ нашей
 въ день всѣмъ спрашный суда сво-
 его праведнаго ! А я, холопъ швой,
 какъ помню, такъ и сказалъ, и сказку
 далъ, не оправдывая Докшоровъ. А
 хошябъ, Великій Государь, я, холопъ
 швой, шого въ сказкѣ своей и не на-
 писалъ, что послѣ швоего Государска-
 го пріема не выпивалъ, и шого бы
 мнѣ вы, Великій Государь, въ вину
 поставишь не изволилъ, для шого что
 вашъ Государскій чинъ обдержишь,
 когда вы сосшавы Докшорскіе изволи-
 те принимашь, и при васъ Великихъ
 Государяхъ шолько чинъ исправляюшъ,
 накушнваюшъ малѣйшую долю; а что
 я, холопъ швой, выпивалъ, и шо угожда-
 я шебъ Великому Государю, и чаялъ паче,
 что усугублю милосшь швою Государ-
 скую къ себѣ. Ходилъ и работалъ за
 швоимъ Государскимъ здоровьемъ шакъ,
 какъ шебъ Великому Государю предъ
 свяшымъ Евангеліемъ обѣщался въ ис-
 тиннѣ всякаго добра хошѣшь, и хо-
 чу до послѣдняго моего издыханія, и
 не устращусь въ день испытанія, ко-
 гда всякое естество человѣческое на-
 го и умиленно нелицемѣрному Судіи

предстанетъ , и совѣсть человѣческая
нага и объявлена , и нѣсть сокровенно,
еже не явлено будетъ тогда. А
еслилибъ при тебѣ, Великомъ Госуда-
рѣ, того не было , и помыслишь мнѣ,
холопу швоему, не возможно, не ток-
мо написать въ сказкѣ, принявъ у те-
бя Великаго Государя рюмку , и что
въ ней останется , на ладонь вылью
и выпью. А швои Великаго Государя
дядьки и того не сказали , что они
накушивали сосавы , или нѣтъ. А
буде, Великій Государь , швои Велика-
го Государя дядьки , Бояре , сказали
о томъ ошаткѣ , что оставалось въ
сулейкѣ , и та сулейка ставала въ
швоихъ Великаго Государя хоромахъ
на окнѣ , и шѣхъ ошатковъ , что ос-
тавалось въ сулейкѣ , я , холопъ швой,
не выпивалъ , а снашивали Докторы
въ аптеку для переменны новыхъ со-
савовъ. Мнѣжѣ , холопу швоему, ска-
зано : всѣмъ швоимъ Великаго Госуда-
ря Боярамъ лѣкаръ Давыдко Берловъ
въ разпросѣ сказалъ : лечилъ де онъ
Давыдко у меня, холопа швоего, чело-
вѣка карла Захарка , и ему де карло
Захарко сказывалъ , что онъ боленъ
отъ

отъ моихъ, холопа твоего, побой. А билъ де будто я, холопъ твой, его за то, какъ будто я у себя въ домишкѣ въ палатѣ съ Стефаномъ Докшоромъ чли черную книгу, и въ то де время будто пришло къ намъ въ палату нечислыхъ духовъ множество, и говорили намъ, мнѣ, холопу твоему, и Докшору Стефану, иѣ нечислые духи въ слухъ, что есть у насъ въ избѣ трешій человекъ; будто я, холопъ твой, выскоча, и осмоляря его Захарка за печью, сорвавъ съ него шубу, и поднялъ и ударилъ его о землю, и шопалъ и выкинулъ изъ палаты вонъ замершво. И въ шомъ Давыдко съ Стефаномъ Докшоромъ на очной спавкѣ на карла Захарка Давыдко слался, да и самъ де онъ Давыдко, будучи во дворѣ у меня, холопа твоего, будто видѣлъ, какъ я со Стефаномъ Докшоромъ и съ Спатаріемъ черную книгу запершись чли, почто будто онъ вшелъ къ намъ въ палату не извѣстно; а та де книга въ полдеснѣ, а шолдиною пальца въ три; а училъ де будто по той книгѣ меня, холопа твоего и сынишка моего Андруш-

дрюшку Николай Спатарій. А карло
 Захарко предъ швоими Великаго Госу-
 даря всѣми Бояры въ разспросѣ и съ
 пышки говорилъ, будшо я, холопъ
 швой, съ Стефаномъ Докпоромъ и Спа-
 таріемъ книгу чли, а онъ Захарко за
 печью въ то время былъ и уснулъ и
 вахрапѣлъ, и будшо я, холопъ швой,
 услыша, что онъ храпитъ, взявъ его
 изъ запечья за волосы, и толкнулъ
 черезъ порогъ вонъ зазаднюю палату.
 А та де книга была невеликая, и Да-
 ыдку де о томъ онъ сказывалъ. А
 какъ де его будшо я, холопъ швой,
 изъ палаты вышолкнулъ, и книга де
 въ то время передъ нами была на
 столѣ. Да и костоправъ Ивашко Ма-
 ксимовъ, кошорый того карла лечилъ,
 скавалъ, что переломлены были у то-
 го карла два ребра; а сказывалъ де
 ему костоправу шомъ карло, что шо-
 пшалъ его карла я, холопъ швой; и по
 шому розыску объявилось, будшо моя,
 холопа швоего, ложь и неправда. И я,
 холопъ швой, Давыдково воровство
 и человѣка своего карла Захарка раз-
 спросными рѣчьми и ихъ размолвкою
 хочу правъ быль. Передъ швоимижъ
 Ве

Великаго Государя Бояры человекъ мой
 карло Захарко разспрашиванъ и пытанъ,
 а съ пышки того не говорилъ, какъ
 мы будто съ Стефаномъ Докшоромъ
 и съ Николаемъ Спатаріемъ чли кни-
 гу, и въ то время пришло къ намъ
 въ палату нечистыхъ духовъ множе-
 ство, и говорили будто намъ тѣ не-
 чистые духи въ сдухъ, что есть у
 насъ въ избѣ третій человекъ; и по
 онъ воръ Давыдко въ извѣстѣ своемъ
 воровски зашѣялъ, и тѣ ихъ рѣчи ро-
 знились, и воровство и составъ воров-
 скій Давыдковъ сталъ явенъ. А хо-
 тя бы человекъ мой карло Захарко
 сказаъ, что онъ видѣлъ нечистые ду-
 хи, и тому Великій Государь вѣришь
 не чему; но надлежало было допро-
 сить его, какъ онъ нечистые духи
 могъ видѣть, и каковы ихъ образы,
 и по чему онъ знаешь образъ духовъ
 нечистыхъ: по томубъ все было шебъ
 Великому Государю извѣстно, ложь ли
 то, или истинна. Не шокмо Великій
 Государь падшихъ духовъ видѣшь, но
 и свѣшлыхъ духовъ не возможно и
 свяшымъ видѣшь, какъ о томъ всѣхъ
 церквей око и вселенныя учишель Го-
 аннъ

аннѣ Златая Уста Божественными
 писаніями изъяснилъ и исполковалъ,
 яко инѣ никшоже, глагоleshъ, уго-
 дившимъ Богови являлися сходипель-
 ными образы свѣплыми духи, какъ
 возможно по добродѣшеляхъ видѣшь,
 а не естество духа, и отъ того схо-
 жденія имѣли страхъ и препешъ. Да-
 нилъ (10), постяся шри седмицы дней,
 имѣвъ желанія не яде, и вина и мяса
 не вииде во уста его, и мастію не
 помазася, и тогда узрѣ видѣніе оно,
 а не естество: гласъ словесе его, яко
 гласъ народа, и азъ единъ видѣхъ ви-
 дѣніе се, а сущіи со мною не видѣ-
 ша; но ужасъ велій нападе на ня, и
 бѣжаша отъ страха, и не оша во
 мнѣ крѣпосшь отъ видѣнія, и слава
 моя превратися во исплѣніе, и сошво-
 ри блѣдность, и погубивъ цвѣшъ кра-
 сошы, и истощи блаторумянство явле-
 ніе. Сего ради, рече, слава моя пре-
 вратися во исплѣніе; и се схожденіе,
 а не естество. Ездра (10) быхъ по-
 сшавленъ яко мертвъ, и рекохъ Ан-
 гелю: глаголи, Господи мой, не оша-
 ви мя, яко да не въ суешъ умру. То-
 вія (12), егда рече ему Ангелъ: азъ
 есмь

есмь Рааилъ Ангелъ, единъ отъ седми предстоящихъ; и слышавшии сія ужасошася, и плачуще падоша на землю ницы; рекъ, видѣбоя вамъ яко съ вами ядохъ и пихъ, но отъ пищи и пишія невидимаго, ихъ же отъ чловѣкѣ видѣши не можешъ. Егда сія глаголющу, зрящимъ имъ, невидимъ быспъ, и къ тому его видѣши не возмогоша. И сіе схожденіе, а не естество; а о естествѣ и пищи рекъ, ихъ же отъ чловѣкѣ видѣши не можешъ. Лука 1 и 2.

Захарія бѣ нѣкшо мужъ чуденъ, и великъ Архіерействомъ, почтенъ отъ Бога, видѣвъ Ангела внутрь стояща, и понеже ужаси зрѣніе, видѣвъ смушися, и страхъ нападе на нь; рече ему Ангелъ: не бойся Захаріе. И сіе схожденіе, а не естество. Духъ много во Свяшомъ Писаніи нарицаешся, и многи сущъ духове розныи, сотворенныи якодесять чиновъ Ангеловъ, якоже естъ писано, Псаломъ 143: Творяй Ангелы своя духи, и слуги своя огонь палящъ. Духъ и душа чловѣчская глаголется, Псаломъ 145: Изыдеши (рече) духъ его, и возвратишся

ся въ землю свою, Кто видѣ душу
 человѣческую отъ человѣкъ исходящу?
 Никшоже; духъ и въшрь. Псаломъ
 47: Духомъ бурнымъ сокрушиши ко-
 рабли Фарсійскія. Духъ буренъ шво-
 рящій слово его. И никто, Великій
 и милосливый Государь, изо всѣхъ
 богословцевъ и учителей церковныхъ
 не написалъ, чтобъ кто видѣлъ есте-
 ство духа чиста. А объ отпадшихъ
 и нечислыхъ духахъ шой же злопо-
 струнный языкъ, Іоаннъ Свяшій рекъ
 въ Маргаритѣ, въ словѣ 3 о Іовѣ:
 дѣволъ бо не естества имя, но
 произволенія; не бо дѣволъ созданъ
 бысть изначала, но Ангелъ убо со-
 занъ бысть, дѣволъ же именовася;
 естество бо благо, предложеніе же зло.
 Духъ бо не человѣки послушаетъ, но
 Бога; родъ, существо бесплотное,
 духи невидимы, духи скороходны, и
 якобы страсть молній, и не человѣ-
 ческая естъ мысль раздѣляти невиди-
 мая отъ чувственныхъ, какъ о томъ
 въ томъ же Маргаритѣ въ словѣ 1 о
 Іовѣ: Пріиде въспникъ ко Іову глаго-
 летъ: сыновомъ швоимъ и дочеремъ
 швоимъ ядущимъ и піющимъ у брата
шво-

твоего старѣйшаго, внезапно прииде
 духъ ошъ пустыни и коснуся чешы-
 ремъ угломъ храмины, и падеся, и
 умроша, азъ единъ оспахся, и при-
 идохъ возвѣспиши тебѣ. Откуду вѣси,
 рцы ми, яко прииде духъ ошъ пусты-
 ни и коснуся угломъ храмины, чело-
 вѣкъ еси, и како видѣ духъ, копо-
 рыма очима видѣхъ еси, шо яко не бѣ
 человекъ, иже сѣя глагола ко Іову, но
 самъ духъ во образѣ человекъ. И ве-
 ликоимениый Василій, ошъ усшъ сво-
 ихъ имѣя сполпѣ огненъ, царснвова-
 вшій надъ спрасшми тѣла, богоду-
 ховная усша премудроспи Божии, вѣ
 словесѣхъ ученія не шокмо бывшихъ
 вѣ лѣша онаго, но и древнихъ превзо-
 шедъ, когда услыша моленіе къ себѣ
 ошъ души Синклишика Проперія, а
 прельщеннаго опрока жены, моляся со
 множесшвомъ народа всю ношъ, Бого-
 ви со слезами вопіюще, да не одо-
 лѣешъ губитель души опрока, какъ
 о шомъ пространнѣе вѣ Прологу, Ген-
 варя во 2 день. И се духъ нечиспый,
 со всегубительною своею силою не-
 видимо хотящій схишиши опрока изъ
 руки святаго Василія, и рече къ нему

Б духъ

духъ нечистый: обидиши мя Василіе, якоже и многимъ отъ нихъ молящимся гласъ слышати, и въ шолікое безстудіе пріиде, якоже и чудеснаго Василія перзати и порѣвати. И сей великоименишый, и всѣ молящіеся обѣ опрокъ, духа нечиста не видѣли, кромѣ перзанія и слышанія гласа; а видѣли токмо писаніе опрока несено по воздуху; и пріиде, и вложено бысть дивнаго отца Василія въ руцѣ, а духовъ нечистыхъ не видѣли, и видѣти не возможно. И во святомъ Евангеліи отъ Марка, зачало 40, рекъ Господь: изыди душе нѣмой и глухій, азъ ти повелѣваю изыйши отъ чловѣка сего, и къ тому не вниши въ него. Лука, зачало 51: Господь же рече: видѣхъ сатану яко молнію съ небеси спадша. Чшо сего слова сильнѣе? О сотвореніи своемъ рекъ, и сатанною понося, именовалъ, а рекъ молнію. И паки во Евангеліи шолковомъ, Лук. зачало 38: во страѣ Гадаринской мужъ нѣкій, иже имяше бѣсовъ отъ лѣтъ многихъ; видѣвъ же Іисуса, и возопивъ припаде къ Нему, и гласомъ великимъ рече: чшо мнѣ и

Те-

Тебѣ, Иисусе, Сыне Бога Вышняго, молюшися, да не мучиши мене. Видѣвъ же Иисуса челоуѣкъ возопи: что мнѣ и Тебѣ, пришелъ еси прежде времени мучиши насъ; и въ семъ чудотвореніи гласъ челоуѣка народи слышали, а духа нечиста не видѣли и видѣши не возможно. И паки, благосердый и милосливый Государь, аще сіе не явно, и сему сомнѣвашися имущъ, на прикладъ да возъмущъ: праведніи и грѣшніи челоуѣцы одинаго ли естества, или ни? Все рекущъ одинаго, почію яко праведные благими дѣлы прославяшся, грѣшныя же злыми дѣлы осудяшся: тако и души благіе прославишся, а злыя осудишся. Злашусый же рекъ: закры бо Богъ добротливыя очи челоуѣческія, да не видяшъ шяжкаго ихъ зрака, а не только естества ихъ; и единъ бо Творецъ ихъ почію вѣстъ естество ихъ. Въ житіи же, Великій Государь, святаго Саввы Сербскаго написано: видимый міръ и невидимый, и видимый міръ глаголется челоуѣкъ, невидимый же міръ Ангели. Не почіюжъ Ангели невидимый міръ наричущся, но и челоуѣцы;

вѣщцы; понеже бо сугубѣ есть чело-
вѣкъ, ошѣ души бо и тѣла сложенѣ.
Зане плоть челоуѣка, и шого ради
челоуѣкъ наречешя видимый мѣръ; ду-
ша же, зане невидима, и шого ради
невидимый мѣръ. И сея ради вины и
челоуѣкъ можешѣ нарещися видимый
мѣръ и невидимый. И паки, кто ви-
дѣлъ ошѣ челоуѣкъ изѣ челоуѣка ду-
шу исходящу? Никшоже, не шокмо
духа чиста Ангела, или духа нечи-
ста, аггелажѣ по естесшву. Аще ли
же кто речешѣ, ко гнѣву швоему Го-
сударскому, нынѣ существу на мнѣ, и
не любя меня, холопа швоего, зави-
сти и ненависти ради, что бѣси на-
писаны вѣ челоуѣкъ моемѣ аггелами,
и шо слово не мое, холопа швоего, но
всей вселенней учителя свяшаго Иоан-
на Златоглаголиваго. Онѣ написалѣ:
естесшво ихѣ благо, предложеніе же
зло; какѣ Богомѣ сотворены, вѣ шомѣ
естесствѣ неизмѣнны пребываютѣ, со-
блюдомы вѣчному огню, какѣ о шомѣ
пишешѣ свяшый Апостолѣ Іуда, вѣ
посланіи своемѣ вѣровавшимѣ Іудеомѣ
же и Еллинамѣ, зачало 77, рекѣ:
вспомянуши же вамѣ хошу, вѣду-
щимѣ

щимъ и вамъ единое сіе, яко Господь
 люди ошъ земли Египетскія спасе, по-
 слѣди невѣровавшихъ погуби; аггелъ
 же несоблюдшихъ свое начальство,
 но оставшихъ свое жилище, на судъ
 великаго дне узами вѣчными подъ
 мракомъ соблюде. И самъ Господь
 рекъ во святомъ Евангеліи, въ Мат-
 теѣ, зачалъ Іоѳ: идите ошъ мене
 проклятіи во огнь вѣчный, уговорен-
 ный діаволу и аггеломъ его. Самъ
 Спаситель рекъ аггелами духовъ не-
 чисныхъ. А я, холопъ швой, о нихъ
 низверженныхъ и ошъ Бога ошрино-
 венныхъ и проклятыхъ, и о ихъ су-
 ществѣ не токмо въ челобитшѣ сво-
 емъ написалъ, но и на свободѣ бы ни-
 когда объ нихъ не рекъ; но самая,
 Великій Государь, нужда привлекла
 къ лукавную лукавыхъ доводчиковъ
 моихъ и враговъ. Долженъ имъ даши
 ошвѣтъ, и ошъ неправды правду въ
 челобитшѣ своемъ тебѣ, благосердому
 и милосшивому Великому Государю на
 премудрое швое Государское разсмотрѣ-
 ніе приносить: шо зашѣли, чему не
 возможно быши, и духовъ нечисныхъ
 множество видѣши, какъ ошомъ вы-

ше сего въ челобитъѣ же моемъ, холопа твоего, писано. Моему ли сиротинѣ, бѣдному и глупому, и спящему подъ шубою за печью, духовъ нечислыхъ и проклятыхъ видѣтъ; или вору Давыдку одноглазому и отъ сохи взятому? Божіе, Великій Государь, слово: орало когда умудрился. И не можешь древо зло плодъ добръ твориши. А въ извѣстѣ, Великій Государь, вора Давыдка лѣкаря написано, духовъ нечислыхъ множество, копорыхъ не токмо множество, но и единого видѣши не возможножъ, какъ о томъ выше сего въ челобитъѣ моемъ, холопа твоего, писано. И въ томъ сего воровскомъ и наученномъ составномъ воровствѣ, и въ составѣ не имѣя вины, разоренъ и учиненъ нищимъ. Онъ же воръ на меня, холопа твоего, доводилъ, онъ же и свидѣтелемъ учиненъ; а въ вашихъ Государскихъ указахъ того нѣтъ, чшобъ извѣтчикъ свидѣтелемъ былъ: врагъ то, а не свидѣтель; а свидѣтель и свидѣтели бывають кромѣ извѣтчиковъ. Всѣ, премилостивый и Великій Государь, Пророки и Богословцы и Училиши цер-

ко-

ковные не возмогли видѣти не шокмо шблесными , но и душевными очима духа чиста и нечиста , и въ сей лукавой сложной клеветѣ и на спрашномѣ Божиѣмѣ судѣ , егда придетѣ свѣдущій шайныя шмы и объявляяй совѣшны сердечныя , и шогда я не пошпыжуся вселукавой клеветы ; ибо кромѣ Бога жива , и законовѣ Его и Апостольскихѣ и опеческихѣ , не училсѣ злу и богопротивному ничему , что Богу противно , и въ шомѣ свидѣшель ми естѣ шой же Господь Богѣ , вѣдущій предбудущая , настоящая и грядущая ; просто рещи , яко вся шварь нага предѣ очима Его Всевидца и ничшоже утаенно . А что швоимѣ же Великаго Государя Боярамѣ Давыдко Берловѣ въ разпросѣ своемѣ сказалѣ , что будшо , будучи у меня , холопа швоего , во дворѣ , видѣлѣ , какѣ будшо я съ Стефаномѣ Докторомѣ и Снашаріемѣ черную книгу запершисѣ чди , и будшо онѣ кѣ намѣ вшелѣ въ палашу неизвѣспнымѣ дѣломѣ ; а та де книга въ полдестѣ , а шолщиною пальца въ шри ; а училѣ де по шой книгѣ будшо меня , холопа швоего , и

сынишка моего Николай Спатарій ,
и шѣ его рѣчи воровскія и составныя.
Для чего онѣ того не сказалъ , что
чли, и какія дѣла , и какія слова слы-
шалъ во чшеніи , и чему меня , холо-
па швоего, и сынишка моего училъ ? А
онѣ ворѣ Давыдко и грамошѣ не
умѣшѣ , и бѣжалъ отѣ Солника Тер-
пигорева отѣ сохи , и дано изѣ вашей
Великаго Государя казны Солнику ,
по челобитью Благовѣщенскаго Прото-
попа Андрея, пятьдесятѣ рублевѣ. Чело-
вѣкѣ же мой , холопа швоего , карло
Захарко, убояся и не прешерпя пытки,
зашѣялъ на меня , холопа швоего,
чтобѣ ему отѣ шѣхѣ своихѣ рѣчей
свободну быши, и рѣчи свои рознилъ.
Вѣ первой сказкѣ своей предѣ всѣми
Бояры вѣ разспросѣ и сѣ пытки гово-
рилъ , что будшо я , холопѣ швой ,
сѣ Стефаномѣ Докшоромѣ и сѣ Нико-
лаемѣ Спатаріемѣ книгу чли , а онѣ
Захарко вѣ то время за печью ус-
нулъ и захрапѣлъ , и будшо я , хо-
лопѣ швой, услыша, что онѣ храпишѣ,
взявѣ его изѣ запечья за волосы , и
толкнулъ его черезѣ порогѣ вонѣ вѣ
заднюю палату ; а ша де была книга
не

не велика. А въ другой егожъ Захаркиной сказкѣ, какъ онъ сказывалъ костоправу Ивашку Максимову, что поппалъ его карла Захарка я, холопъ швой, и переломилъ будно я, холопъ швой, у него два ребра. Въ первой сказкѣ, что передъ всѣми Бояры сказалъ, вытолкнулъ изъ палашы черезъ порогъ въ другую палашу, а что переломилъ, и того не говорилъ. А въ другой сказкѣ, что сказалъ костоправу Ивашку Максимову, и въ той сказкѣ прибавилъ: два ребра переломилъ. И разспросныя его рѣчи стали несогласны, спраха ради и болѣзни мукъ. А игралъ томъ карло съ Иваномъ Соловцовымъ и съ робяшы, и пихнулъ его съ стуломъ и переломилъ ему два ребра Иванъ Соловцовъ; а я, холопъ швой, по прѣздѣ Думныхъ, Дворянина и Дьяка, въ Лаишевѣ, того не вѣдалъ, что переломилъ ему Иванъ Соловцовъ. А допрашиванъ ли онъ Иванъ о томъ, или нѣтъ, и очиспилъ ли меня, холопа швоего, или заперся, и дана ли ему съ шѣмъ карломъ очная ставка, или нѣтъ, того всего не вѣдаю. Давыдкожъ въ доводѣ своемъ сказалъ:

сказывалъ де ему человекъ мой карло Захарко, какъ лечилъ его Захарка онъ Давыдко, что онъ отъ моихъ, холопа своего, побой боленъ; а билъ де будто я, холопъ свой, его за то, какъ будто я у себя въ домишкѣ въ палатѣ съ Стефаномъ Докторомъ чли черную книгу, и въ то де время пришло будто къ намъ въ палату нечиспыхъ духовъ множество, и говорили будто намъ, мнѣ, холопу своему, и Доктору Стефану, тѣ нечистые духи въ слухъ, что есть у насъ въ избѣ претій человекъ. Карложъ Захарко предъ своими же, Великаго Государя, всѣми Бояры въ разспросѣ и съ пышки говорилъ, будто я, холопъ свой, а со мною сидѣлъ Стефанъ Докторъ и Николай Спасарій, и книгу чли, а онъ Захарко за печью былъ и уснулъ и храпѣлъ. И то воровство и соснавъ Давыдковъ спали явны, и рѣчи Давыдковы и карла Захарка спали ложны. И врознь Давыдку карло Захарко сказалъ, что былъ въ палатѣ я, холопъ свой, и Стефанъ Докторъ; потъ же карло Захарко предъ своими Великаго Го-
су-

сударя Бояры сказалъ, что книгу чли я, холопъ швой, Стефанъ Докшоръ и Николай Спатарій, да онъ карло за печью, и того спало чешыре чловѣка, а не три. И я, холопъ швой, въ бѣдахъ своихъ и въ конечномъ раззореніи того не могу познать, кто изъ нихъ очолся, или въ счетѣ помѣшался, и палашы съ избою не познали, духиль прокляшые и низверженныя, или воры Давыдко и карло чешырехъ чловѣкъ счишающъ за три, а палашу называющъ избою. Давыдко и карло сказывали, что будто мы сидѣли въ палашѣ, а духи будто говорили: что вы сидите? есть у васъ въ избѣ прешій чловѣкъ. И сіе, премногомилоспивый Великій Государь, не воровство ли и не лукавный ли и явный составъ? Яко нѣсть въ нихъ истинны, егда говорили, ошъ своихъ говорили, яко ложъ есть, и ошецъ ихъ діявольски ошецъ. Чловѣкъ же мой карло Захарко сказалъ, что спалъ за печью, и у меня, холопа швоего, въ той палашикѣ за печью спать не лѣзя: двѣ стѣны у печи свободны въ палашикѣ, а прешья печью придѣлана нѣ

самой палашишкѣ, и промежка нѣтъ; а четвершая спѣна, у шой печное устье и въ шомѣ мѣстѣ кладутъ дрова, и то спало передъ печью. Онѣ же карло Захарко сказалъ, что онѣ спалъ и храпѣлъ. Какъ, Великій Государь, спящему челоѣку возможно слышать, кто что говоритъ? И сіе мечтаніе, а не испинна. Или челоѣку храпленіе свое слышать, ошнюдь сему не возможно бытъ. А о лишнемъ четвершомъ челоѣкѣ допрашиваны ли они, или нѣтъ, и о палашишкѣ и о избѣ, и въ палашишкѣ моей осматривали, что есть ли за печью гдѣ спалъ, и возможноль спящему слышать рѣчи и свое храпленіе; и что прошивъ вышеписанныхъ спашей Давыдко и карло Захарко сказали, того всего не вѣдаю, и въ сказкѣ того мнѣ въ Казани не сказано. Мнѣжѣ, холопу швоему, сказано, какову я, холопѣ швой, далъ сказку въ Лаишевѣ Полуголовѣ Алексію Лужину за своею рукою: писано, что книги лечебныя на Славенскомѣ языкѣ, въ кошорой многія шайныя спашьи приписаны цыфирью, кошорую книгу будто укралъ чело-

человѣкъ мой Ивашко Еврей, у меня, холопа своего, нѣшъ; въ домишкѣ его Ивашковѣ я, холопъ твой, обыскивалъ, и такой книги нѣшъ. А человекъ де мой Ивашко Еврей у пышки въ разпросѣ сказалъ, что будто я, холопъ твой, у себя въ домишкѣ съ Думнымъ Дьякомъ съ Лариономъ Ивановымъ смотрѣли лечебныя книги, а говорили будто: принесли де ко мнѣ книгу, годишся де она въ аптеку, и смотря ошдалъ Алхимисту Ивану Ефимьеву, и велѣлъ ошнести въ аптеку и ошдать Дьяку Ивану Патрекѣеву, и приказалъ, чтобъ показалъ Докшорамъ; а будетъ въ ней дѣло есть, и ее бы держали въ аптекѣ; а будетъ не годишся, и ее бы, показавъ Докшорамъ, сжечь. И какъ будто Алхимистъ ту книгу ошъ меня, холопа своего изъ палаты вынесъ, и онъ де Ивашко ту книгу у того Алхимиста взялъ, и нынѣ де та книга у жены его Ивашковой въ Лаишевѣ положена въ дарчикѣ, схоронена въ сѣняхъ подъ моспомъ, въ присылку Алексія Лужина. И по тѣмъ разпроснымъ рѣчамъ человекъ моего Ивашка

Еврея,

Еврея, будто моя, холопа швоего, вина, и о книгѣ сказка объявилась ложна. А какъ де я, холопъ швой, въ Лаишевѣ, въ присылку Алексія Лужина, обыскивалъ на дворишкѣ человѣка своего Ивашки Еврея книгѣ, и писемъ осматривалъ и обыскивалъ, и въ ларчикѣ, который былъ во время шого осмотра, сшоялъ подѣ головами у поштели Ивашковой и жены его, была въ шомѣ ларчикѣ, и шу книгу ша Ивашкова жена по приказу мужа своего въ Лаишевѣ сожгла. И ешълибѣ ша книга была не дурная, для чего бы было шу книгу подѣ моспомѣ хоронить и жечь? Миѣжѣ, холопу швоему, сказано, что я, холопъ швой, съ Думнымъ Дьякомъ съ Ларіономъ Ивановымъ книгу, про кошорую сказалъ Ивашко Еврей, не читалъ и въ аптеку не посылалъ съ Алхимистомъ Ивановъ Ефимовымъ. Да Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ сказалъ: показывалъ де ему Ларіону я, холопъ швой, у себя книжку, величиною въ часовникѣ, и при немѣ въ аптеку послалъ, а съ кѣмъ, шого не упомнить. И какъ, Великій Государь, прежѣ сего въ сказ-

кѣ

кѢ моеѣ, холопа швоего, написано, что я, холопѢ швой, съ ДумнымѢ ДьякомѢ съ ДаріономѢ ИвановымѢ шу книгу, что писаны многія спашьи цыфирью, не читалѢ и въ апшекѢ жечь не приказывалѢ; а читали книгу лѣкарствамѢ, что соспроена въ новую апшеку съ цѣбною. ТакѢ и Думный ДьякѢ ДаріонѢ ИвановѢ сказалѢ, что видѢлѢ книгу; а какая она, и что въ ней писано, того не сказалѢ; да и того не сказалѢ же, что въ шой же книгѢ многія спашьи писаны цыфирью. И что я посылаѢ кѢ Дьяку Ивану ПатрекѢеву, и приказалѢ, показавѢ ДокшорамѢ, буде не годится, и ее сжечь, того всего въ допросѢ Думнаго Дьяка Даріона Иванова нѢшѢ, и человѢка моего Ивашка Еврея рѢчи ложны, и клепаѢ себя, не претерпя пышки. А что человѢкѢ мой, онѢ же Ивашко, и жена его, сказали: Ивашко сказалѢ подѢ мостомѢ въ сѣняхѢ, а жена его сказала у постели подѢ головами, и они рѢчи свои рознили, и въ шѢхѢ мѢсцахѢ схоронишѢ не лѣзя; для того что въ шѢхѢ мѢсцахѢ обыскивалѢ я, холопѢ швой. А какѢ по швоему,

Ве-

Великаго Государя , указу прїѣзжали
Думный Дворянинъ Федоръ Прокофье-
вичъ Соковнинъ , да Думный Дьякъ
Василій Семеновъ , и въ Ивашковъ дво-
рѣ того ларчика не нашлижъ , и чело-
вѣка моего Ивашка Еврея жена его
про шомъ ларчикъ Думному Дворяни-
ну и Дьяку не сказала , гдѣ схоро-
ненъ былъ ; а нашли шомъ ларчикъ
по моей , холопа швоего , послыкѣ къ
нимъ , а по извѣсту челоуѣка моего Ни-
конка Павлова , и сысканъ шомъ лар-
чикъ въ самой нуждѣ . А у меня , Ве-
ликій Государь , холопа швоего , кни-
га не бывала , и я имъ хоронишь и
жечь не веливалъ , и шого не вѣдаю ,
какая у нихъ книга была , и челоуѣкъ
мой Ивашко Еврей и жена его на ме-
ня не говорили , что я , холопъ швой ,
о шой книгѣ вѣдалъ , что у нихъ есть ,
и жечь ее не приказывалъ , и шо сло-
во кровію и смернію своею закрѣпилъ .
А Алхимистъ Иванъ Ефимовъ въ
допросѣ сказалъ : шому де нынѣ дру-
гой годъ , далъ ему Ивану челоуѣкъ
мой Игнашка , вынявъ изъ поставца ,
книжку съ часовникъ величиною , и
говорилъ ему Алхимисту , чтообъ онъ
шу

ту книгу отдалъ въ аптеку Дьяку Ивану Пашрекѣву. И въ палатѣ ту книгу взялъ у него Ивана человекъ мой, холопа твоего, Ивашко Еврей, и положилъ ее въ зѣпъ къ себѣ; и онъ де Алхимистъ у него Ивашка той книги просилъ недѣль съ шесть безпреспани. Ивашкожъ Еврей ему Алхимисту сказалъ, что онъ шоя книги ему не отдастъ. А Алхимистовъ, Великій Государь, допросъ прошивъ допроса Думнаго Дьяка Ларіона Иванова, и человекъ моего Ивашка Еврея допроса и пышки врознь. Думный Дьякъ сказалъ: послалъ будто я, холопъ твой, книгу въ аптеку, а съ кѣмъ, того не упомнишь; а Алхимистъ сказалъ, что далъ ему книгу человекъ мой Игнашка. Человекъ же мой Ивашко Еврей сказалъ, что будто я, холопъ твой, далъ книгу Алхимисту, и велѣлъ ее отнести въ аптеку и показать Докторамъ; и буде не годишься, и ее сжечь. А Алхимистъ того не сказалъ, что я въ аптеку съ нимъ Алхимистомъ послалъ, и велѣлъ отдать въ аптеку, а сказалъ, что далъ ему человекъ же мой Игнашка. Да и того

Алхимистъ не сказалъ же, что и человекъ мой Игнашка приказалъ шу книгу, будетъ не годится, и ее сжечь. Въ сказкѣжъ моей, холопа швоего, написано, какову я далъ Полуголовъ Алексію Лужину, что у меня никакой книги человекъ мой Ивашко Еврей не крадывалъ; и Алхимистъ Иванъ Ефимовъ сказалъ, что далъ ему человекъ мой Игнашка книжку не велику, а не я, холопъ швой; а взялъ шу книжку у него Ивана и положилъ въ зѣпъ; и не отдалъ будшо человекъ же мой Ивашко Еврей; и ша моя сказка объявилась рѣчьми Алхимиста Ивана Ефимова и распросомъ и пышкою человека моего Ивашка Еврея правая, а не лживая. Какъ я, холопъ швой, сказалъ, что у меня, холопа швоего, Ивашко Еврей не крадывалъ, такъ и въ дѣлѣ объявилось; и я, холопъ швой, шѣми рѣчьми очищенъ, для шого что швой, Великаго Государя, указъ въ извѣстныхъ дѣлахъ рѣчи сводитъ: будетъ явнаго обличенія нѣшъ, идушъ несогласные врозь; и шому, Великій Государь, вѣришъ не чему. А что Алхимистъ Иванъ Ефимовъ сказалъ, что

что у него взял книгу челобѣкъ мой
 Ивашко Еврей, и ему не отдаѣ, и
 въ томъ его Алхимистова какая пра-
 вда? Молчалъ два года; мнѣ, холопу
 своему, и въ аптекѣ Дьяку не ска-
 валъ. А какъ вы, Великій Государь,
 указалъ въдашь аптеку Боярину Кня-
 вю Никишѣ Ивановичу Одоевскому,
 для чего же онъ Алхимистъ ему Боя-
 рину не извѣщалъ? Во извѣстѣ вора
 Давыдка Берлова мнѣжъ, холопу сво-
 ему, сказано, что той книги безъ
 своего Великаго Государя указа и безъ
 розыска жечь не довелось; пошому
 что еспьлибъ въ той книгѣ по мое-
 му, холопа своего, или Докшорскому
 осмошру объявилось худо, и мнѣ де
 было, холопу своему, на того своего
 челобѣка извѣстивъ шебѣ Великому
 Государю, а безъ розыску жечь было
 ее не довелось, помня спрахъ Божій
 и швой Великаго Государя указъ. И
 я, холопъ швой, книги той въ аптеку
 не посылавалъ, и жечь ее въ аптекѣ,
 показавъ Докшорамъ, будетъ не го-
 диться, не веливалъ, и Думный Дьякъ
 и Алхимистъ того не сказали, что я
 велѣлъ сжечь, и вина мнѣ, холопу сво-

ему, съ рѣчей Думнаго Дьяка Ларіона Иванова и Алхимиспа Ивана Ефимова, и людишекъ моихъ Ивашка, Еврея и Игнашки сказана; а моею, холопа твоего, вины по тѣмъ ихъ разспроснымъ разнымъ и несогласнымъ рѣчамъ не токмо дѣломъ, но и словомъ нѣтъ. Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ сказалъ, съ кѣмъ я, холопъ твой, послалъ, того не упоминишь, и въ той книгѣ злаго ничего не сказалъ. Алхимиспъ сказалъ, что книгу далъ человекъ мой, а не я, и что въ ней видѣлъ злое, или благое, и того ничего не сказалъ, и мнѣ, холопу твоему, извѣщать было нечего и не на кого; а страхъ Божій имѣю, и вашу Государскій имѣши не престану до послѣдняго моего издыханія. А и костоправъ Ивашко Максимовъ того въ допросѣ своемъ не сказалъ, что ему человекъ мой Захарко Карло сказывалъ, что онъ видѣлъ нечистые духи въ палатишкѣ моею, какъ будто мы съ Стефаномъ Докторомъ и Снашаріемъ чли книгу; и та, Великій Государь, костоправова сказка мнѣжѣ, холопу твоему, ко оправданію отъ извѣща вора доводчика. А что костоправъ

правъ сказалъ , что переломилъ будто
 два ребра я , холопъ швой , и по
 коштоправъ сказалъ , что слышалъ онъ
 человекъ моего карла Захарка . А Да-
 выдко на меня , холопа швоего , извѣ-
 щалъ тебѣ , Великому Государю , за-
 шѣявъ воровски , и рѣчи приложилъ
 къ рѣчамъ человекъ моего Захарка ,
 чего онъ ему не сказывалъ , избывая
 своей вины и не хоша плашить день-
 ги испцамъ , и шѣмъ доводомъ онъ
 великаго правежа хоша свободенъ бышь .
 А какъ по швоему , Великаго Госуда-
 ря , указу допрашивали меня , холопа
 швоего , въ Лаишевѣ Думный Дворя-
 нинъ Феодоръ Прокофьевичъ Соков-
 нинъ , да Думный Дьякъ Василій Семе-
 новъ , и они меня , холопа швоего ,
 допрашивали извѣшомъ человекъ моего
 карла Захарка , а не лѣкаря Давыдка
 Берлова . А въ Казани сказываны мнѣ ,
 холопу швоему , будто мои вины и
 неправды , и въ той сказкѣ чли извѣшѣ
 Давыдка Берлова , а не человекъ моего
 карла Захарка . А что воръ Давыдко
 зашѣялъ на меня , холопа швоего , и
 на сынишка моего и на Спапарія ,
 что будто меня училъ и сынишка

моего Спатарій, и онъ меня, холопа твоего, не училъ, не шокмо что Богу прошивно, и ничему; да и не до ученья было въ вашихъ Государскихъ дѣлахъ; а сынишка моего училъ по Гречески и по Латинъ, лишерамъ малой части. А книги я, холопъ твоя, читалъ и сприлъ въ домищкѣ своемъ ради душевныя пользы, и которыя Богу не прошивны. А служба вамъ, Великимъ Государямъ, и желая ваша Государскія къ себѣ милоспи, сдѣлалъ книги съ шоварищи своими, и съ приказными людьми, и съ переводчики, въ Посольскомъ Приказѣ, какія не бывали, и нынѣ на свидѣтельство мое, холопа твоего, и ихъ работы въ Посольскомъ Приказѣ. Первая книга: всѣхъ Великихъ Князей Московскихъ и всея Россіи Самодержцевъ персоны, и шипла и печати (*), какъ они, Великіе Государи, сами себя описывали; также и всѣхъ Государей Христіанскихъ и бусурманскихъ, которые имѣюшъ ссылки съ вами, Великимъ Го- су-

---

(*) Копія съ сея и слѣдующія по ней книги найдены въ книгохранилищѣ Его Свѣщлости Князя Григорія Григорьевича Орлова.

сударемъ, персоны ихъ и шипла и печашн. Другая книга въ лицахъ же съ реченіемъ: Избраніе и посылка на Коспрому, и о прошеніи, и о приходѣ къ Москвѣ, и о вѣнчаніи на царство Московское дѣда швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, всея Россіи Самодержца. Третія книга всѣхъ предковъ швоихъ, благочестивыхъ Великихъ Государей Князей, и благочестивыхъ Великихъ Государей, Царей и Самодержцевъ, славныхъ въ раннихъ побѣдахъ, въ лицахъ съ исторіями; и шое книгу поднесъ шебѣ, Великому Государю, при опцѣ швоемъ Государевѣ, Великомъ Государѣ, я, холопъ швой. Четвертая книга въ лицахъ и съ реченіемъ, перевода Спапаріева, а письмо шарца Маркела, что въ Тіунской; а переводилъ книгу Святѣйшаго Макарія, Патріарха Антіохійскаго. А ешьлибъ, Великій Государь, шо дѣло не составное и не воровское, для чего онъ воръ Давыдко молчалъ многое время, и не извѣспилъ на меня, холопа швоего, опцу швоему Государеву, Великому Государю,

какъ онъ Великій Государь здравство-
валъ, а какъ уже повелѣніе Божіе
приде и время дойде отшествію его
въ вѣчныя обители, а благоволеніемъ
Божіимъ и благословеніемъ отца шво-
его Государева, Великаго Государя,
учинилися вы Великимъ Государемъ
Царемъ, за что шомъ же Давыдко на
меня, холопа швоего, не извѣщаль
многое время. А какъ мнѣ, холопу
швоему, сказано на Вѣрхошурѣ, и
безо всякой моей, холопа швоего, ви-
ны оплученъ отъ милости швоей Ве-
ликаго Государя, и шѣ мои видя и
слыша упадки, приложилъ и затѣялъ
рѣчи, и спалъ воровски доводитъ на
меня, холопа швоего. А я, холопъ швой,
свидѣтельствовавался Господомъ Богомъ
и отцами своими духовными, Преосвящен-
нымъ Архіепископомъ Семіономъ Тфер-
скимъ, да Успенскимъ Пропопомъ Кон-
драшомъ, что за мною такихъ бого-
негодныхъ дѣлъ нѣшъ и не бывало;
а жилъ и живу по се время, какъ за-
конъ Божій повелѣваетъ; хошя и грѣш-
никъ предъ Богомъ, шолько не въ
шѣхъ дѣлахъ, и что годно очищаюсь
покаяніемъ, и свяшой шайнѣ, шѣлу и
кро-

хрове Христа Спасителя нашего при-
 общаюсь; и опцевъ моихъ духовныхъ
 не допрошено, и имъ и мнѣ, холопу
 швоему, и шремъ человѣкамъ племян-
 никамъ моимъ, и девяти человѣкамъ
 людишкамъ моимъ, не повѣрено, еще
 и осмошру Думнаго Дворянина Федо-
 ра Прокофьевича Соковнина, и Думна-
 го Дьяка Василья Семенова, что они
 осмашривали въ рухлядишкѣ моей, и
 книги не нашли, для того что ее не
 бывало, не повѣреножъ; а повѣрено,
 Великій Государь, одному вору Да-
 выдку лѣкарю, и по непошребному.
 А вашъ Великихъ Государей указъ,
 хошя бы кто мнѣ, холопу швоему,
 чешью былъ равенъ, а спалъ бы на
 меня, холопа швоего, что запѣвать
 безъ свидѣтелей истинныхъ, и шому
 не вѣришь. Еще и для того, что Сло-
 во Божіе изъ Его пречиспыхъ устъ
 речено: всякій глаголъ спанетъ ис-
 шиненъ двою, или шрїю свидѣтели;
 а мнѣ, холопу швоему, два человѣка,
 опцы мои духовные, шри человѣка
 племянники мои, девять человѣкъ лю-
 дишекъ моихъ, не свидѣтели! Дум-
 ныхъ осмошру и обыску не повѣреножъ.

Чѣмъ же мнѣ, холопу швоему, бытъ оправдану? Повѣрено, Великій Государь, лѣкарю, и еще ни къ чему негодному, а мнѣ, холопу швоему, будучи еще по вашей Государской милости и по своей заслугѣ въ Боярахъ, не повѣрено. А при ошцѣ швоемъ Государевѣ, Великомъ Государѣ, въ вашемъ Государскомъ общемъ здоровьѣ, въ посольскихъ, въ полковыхъ и смущенныхъ и во всякихъ вашихъ Государскихъ дѣлахъ было повѣрено, и былъ я, холопъ швой, у вашихъ Государскихъ дѣлъ многія лѣта безъ всякаго претыканія. А что Стефанъ Докшоръ въ допросѣ по извѣсту вора Давыдка сказалъ, говорилъ ли онъ на себя и на меня, или себя и меня очищалъ, и шого мнѣ, холопу швоему, въ сказкѣ не сказано. А Спагарій во ученіи и во чтеніи книги допрашиванъ ли, училъ ли меня и сынишка моего, или не допрашиванъ до посылки Китайской, и безъ его допроса шо дѣло вершено, и шого мнѣ, холопу швоему, не сказано, и въ шомъ воля швоя Великаго Государя. А что на меня, холопа швоего, ненависти и

зави-

зависши ради, воспоминаая ко мнѣ милость блаженныя памяти отца своего Государева, Великаго Государя, шебѣ Великому Государю доносяшѣ, будшо я, холопѣ швой, многія взяшки ималѣ и шѣсношу швоимѣ, Великаго Государя, людямѣ чинилѣ; покупалѣ опчины шѣсношою, и кошорые города по указу отца швоего Государева, Великаго Государя блаженныя памяти вѣдалѣ я, холопѣ швой, вѣ приказѣ Новгородскомѣ и вѣ чешвертяхѣ вѣ Володимирской и вѣ Галицкой, Новгородѣ, Псковѣ, городѣ Архангельскій, Холмогоры, Олонецѣ, Вяшка, Соль-Камская, Вологда, Нижній, Арзамасѣ, Володимирѣ, Коломна и иные многіе города, и шѣ вышеписанные швои, Великаго Государя, города ничѣмѣ опѣ меня, холопа швоего, не шокмо раззорены, и малою шѣсношою не истѣснены. И видя надо мною гнѣвѣ Божій, и швою Государскую опалу, и конечное мое раззореніе, и вѣ упадкѣ моемѣ явномѣ на меня, холопа швоего, шебѣ Великому Государю не бивали челомѣ шѣ города и уѣзды, и впрעדѣ биши челомѣ

ломъ тебѣ Великому Государю на меня, холопа швоего, ни въ чемъ не будушѣ. А копорыми городами меня, холопа швоего, везли въ Пуспоозерскій острогъ, а шѣ города были вѣдомы въ Новгородскомъ Приказѣ, Соль Камская, Кай городъ, Еренескъ, Турья; и я, холопъ швой, отъ шѣхъ жишелей кромѣ пріятства и поданія домовыхъ ихъ пищъ, какъ подаюшѣ убогимъ и развореннымъ, не слышалъ на себя никакого пореченія; и не шокма я, холопъ швой, но и приставъ мой. А что на меня, холопа швоего, билъ челомъ тебѣ, Великому Государю, Иванъ Лавреншевъ сынъ Салпыковъ, также буде и иные обѣ отчинахъ, и я, холопъ швой, у Ивана отчины не купливалъ, а купилъ у Петра Пушкина; и Пешрова челобитья на меня, холопа швоего, быши не въ чемъ. Купчія мои, холопа швоего, записаны въ Помѣшномъ Приказѣ безъ челобитья съ допросами; а отчины, Великій Государь, купливали, и нынѣ купятъ и впредъ всякими образцы купишь будушѣ. А въ помѣшномъ Приказѣ смотряшѣ шого, чтошѣ во-

ровства и подписи въ крѣпостяхъ не было, и челобитья о запискѣ. А буде кто осмошришъ, а послѣ записки хошя и челобитье будетъ, кромѣ воровства, и такимъ челобитчикамъ отказывашъ вашими Государскими указы; а заказа о куплѣ и о продажѣ и о мѣнѣ опчинъ и помѣстей вашихъ Великихъ Государей нѣтъ, чшобъ не покупашъ и не продавашъ и не мѣняшъ, въ шомъ ваша Государская милость, дана воля продашъ и купишъ и мѣняшъ. А что на меня, холопа швоего, били челомъ шебѣ, Великому Государю, Андрей Безобразовъ о человѣкѣ, и Дьякъ Иванъ Гороховъ о человѣкѣ же, и у меня, холопа швоего, шѣхъ людей взяли безъ суда, и суда на меня, холопа швоего, въ шѣхъ людяхъ не дали; а человѣка того отказалъ послѣ смерти ошець Андреевъ Илья по дружбѣ, и жилъ шомъ человѣкѣ у меня, холопа швоего, послѣ смерти опца Андреева многія лѣта по крѣпости до швоего Государскаго гнѣва. А Дьяка Ивана Горохова человѣкѣ служилъ у меня, холопа швоего, по крѣпости и съ оппускною; на челобит-

бишной его подписано, Думнаго Дьяка, Гарасима Докшорова, и изъ Приказа холопья суда его Дьяка дана ему воля; а не неволею, ни подговоромъ пошъ человѣкъ у меня, холопа шво-его, служилъ. И многихъ побрали, и дали волю безъ суда, и ни надъ кѣмъ такихъ образцовъ не бывало, что надо мною, холопомъ швоимъ, учинено. А ваши Государскіе законы не допускаютъ выдашь человѣка на раззореніе и гибель, прежде даже оклеветаемый не имать оправданія своего предъ лицомъ клеветующихъ его, и мѣста ошвѣта пріимешъ о своемъ согрѣшеніи. И не судишь законъ человѣка, аще не слышишь ошъ него прежде, и разумѣешь, что шворитъ.

А при ошцѣ швоемъ Государевѣ, блаженныя памяти Великомъ Государѣ, кошорые были въ винахъ, и сами на себя говорили въ прошивныхъ и богошмешныхъ книгахъ, и шѣ книги у нихъ и заговоры выняшы, и шѣмъ ошца швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, милость и пощада была. Также и при шебѣ, Великомъ Государѣ, въ такихъ же двѣ-лахъ

лахъ милость швоя Великаго Государя показанажъ; и кшо въ какомъ чинѣ былъ, чинѣ ихъ и помѣстья, и ошчины, и дворы, и живомы не опняты; а законъ, Великій Государь, согрѣшившаго мучитъ; человеклоубіе же Божіе и царство согрѣшившаго милуетъ. А я, холопъ швой, кромѣ работъ своихъ всегдашнихъ къ чести, къ славѣ, къ повышенію имени Вашему Государскому, и къ пространству государства вашего ни въ чемъ зло не согрѣшилъ, а разоренъ кромѣ вины. А служилъ я, холопъ швой, блаженныя памяти дѣду швоему Государеву, Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Россіи Самодержцу, въ жившѣ въ Сиряпчихъ, въ Головахъ спрѣлецкихъ, и былъ въ полковыхъ службахъ съ Бояриномъ и Воеводою Князь Яковомъ Куденетовичемъ Черкасскимъ, товарищемъ на Волуѣ; съ Спольшникомъ и Воеводою, Князь Машвѣемъ Васильевичемъ Прозоровскимъ съ товарищи въ Переславлѣ Рязанскомъ; при отцѣ швоемъ Государевѣ, Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Кня-

Князѣ Алексіѣ Михайловичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцѣ, съ Бояриномѣ и Воеводою съ Князѣ Никишою Ивановичемѣ Одовскимѣ съ товарищи на Ливнахѣ, въ Бѣлѣградѣ; со Спольшникомѣ и Воеводою Князѣ Михайломѣ Щешиннымѣ на Карповѣ Спорожѣвѣ; съ Бояриномѣ и Воеводою Князѣ Дмитріемѣ Алексіевичемѣ Долгоруковымѣ на Волуйкѣ на размѣнѣ; съ Аѣзанасѣемѣ Опяевымѣ въ Царевѣ Алексіевѣ городѣ. А послѣ тѣхѣ полковыхѣ служебѣ, по указу ошцажѣ швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, посыланѣ къ Гешману Хмѣльницкому призыватѣ въ подданство. Я же, холопѣ швой, посыланѣ съ Бояриномѣ и Дворецкимѣ съ Васильемѣ Васильевичемѣ Бушурлинымѣ съ товарищи приводишѣ Гешмана Богдана Хмѣльницкаго къ вѣрѣ на вѣчное подданство подѣ вашу Великаго Государя руку. А какѣ ошецѣ швой Государевѣ, блаженныя памяти Великій Государь, ходилѣ войною на Польскаго Короля Яна Казимира, за его многія неправды и нарушеніе вѣчнаго до-

конѣ

кончанія, подѣ Смоленскѣ, и я, холопѣ швой, въ томѣ походѣ и на присшупѣ подѣ Смоленскимѣ былѣ же, и на сѣздѣ подѣ Смоленскѣ съ Бояриномѣ Иваномѣ Богдановичемѣ Милославскимѣ посланѣ былѣ же; и милосшію Божіею, а вашимѣ Государскимѣ щасшіемѣ, Смоленскѣ стоворили съ чины рѣчи Посполишой, которые и нынѣ шебѣ Великому Государю служашѣ. И какѣ Воевода Смоленскій Обуховичѣ съ чины рѣчи Посполишой Смоленскѣ оидавѣ, шолѣ изѣ Смоленска, и предѣ опцемѣ швоимѣ Государевымѣ, какѣ оиѣ Великій Государѣ сидѣлѣ въ сбруѣ рашной, и обшояли около его всѣ чины множественной его Государской рашы, конными и пѣхошою; а шомѣ вышепомянушый Воевода Обуховичѣ со всѣми чины и пѣхошою, знамена и барабаны, и мушкетшы, и всякой рашной спрой клали на землю и сами лежали, а учинилѣ шо Бояринѣ Иванѣ Богдановичѣ Милославскій. И я, холопѣ швой, вспомяная преждебывшее дѣло подѣ шбиѣ же Смоленскимѣ, да яжѣ посланѣ изѣ подѣ Смоленска къ Гешману Бог-

дану Хмѣльницкому для вашихъ Государскихъ дѣлъ. Да яжъ, холопъ швой, съ Бояриномъ и Дворецкимъ и Воеводою, съ Васильемъ Васильевичемъ Бушурлинымъ съ товарищи, и съ Гешманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, подъ Каменцомъ Подольскимъ, подо Львовымъ, и посланъ былъ съ Бояриномъ и Воеводою, съ Князь Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ подъ Польской городъ Черняковъ, и на приступъ былъ; и послѣ того на сговоръ былъ съ Державцомъ того города, и Петра Пошоцкаго и Калиновскаго сговорилъ и привезъ въ Таборъ къ Боярину Князю Григорью Григорьевичу, и Бояринъ, приведши къ вѣрѣ, послалъ въ полкъ къ Ошцу своему Государеву, Великому Государю. Яжъ, холопъ швой, посланъ съ нимъ же Бояриномъ за Львовъ на Гешмана Спанислава Пошоцкаго подъ городъ Соленой, и Божіею милостию, а вашимъ Государскимъ щасіемъ Гешмана Пошоцкаго побили, и въ языкахъ Яна Пошоцкаго, Болобана, Врища и иныхъ двѣсти человекъ взяли; обозъ и два города высѣкли. А какъ,
Вели-

Великій Государь, Бояринъ съ товарищи съ ратными людьми пошли ошо Львова, и въ то время приходили на обозы Ханъ Крымскій съ ордою, да Андрей Пошоцкій, Староста Каменецкій со многими людьми, и Бояринъ посылааь меня, холопа швоего, изъ обоза съ выборнымъ полкомъ противъ шѣхъ рашей, и бои были, а вашимъ Великаго Государя ратнымъ людямъ урона никакого не учинилъ, и бився ошошолъ (въ обозъ въ цѣлости. Меняжъ, холопа швоего, посылааь Бояринъ Василій Васильевичъ съ Бояриномъ Князь Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, и съ Гешманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, на сѣздѣ къ приказнымъ отъ Хана Крымскаго къ Мурзамъ, Скупханъ къ Азы-Агѣ, да къ Отлашыршѣ Мурзѣ Сулешеву съ товарищи, о мирѣ и о размѣнѣ Стольника Ивана Андреева Сына Бушурлина съ товарищи, и размѣну и мирѣ учиня разошлись. А какъ, Великій Государь, Бояре и Воеводы и ратные люди пошли изъ подо Львова, и пришла самая нужда: ошецъ сына; братъ брата мечушъ, и пришоаь

холодъ и голодъ, солдаты и стрѣльцы, Дворяне, и пушки всѣ большія, числомъ всѣхъ 59, порохъ, фишиль и свинецъ, и всякіе рашные припасы покинули на степи и разбѣжались; а Бояринъ и Воевода Василій Васильевичъ Бушурлинъ съ товарищи, и кошорые рашные люди его не покинули, пошолъ скорымъ походомъ напередъ для рашныхъ людей, а меня, холопа швоего, оспавилъ съ шѣми помешанными пушки и со всякими запасы на степи; и я, холопъ швой, съ остаточными людьми, что у меня, холопа швоего, въ полку ошалося, впрягаясь сами подъ пушки, всѣ 59 пушекъ и съ запасомъ допровадилъ до Бѣлой церкви и до Москвы, а урона вашимъ, Великаго Государя, рашямъ не учинилъ. А какъ, Великій Государь, отецъ швой Государевъ, блаженныя памяти Великій Государь, ходилъ войною на Свѣйскаго Короля за его неправды и за нарушеніе вѣчнаго докончанія, подъ Ригу, и я, холопъ швой, былъ же. А какъ блаженныя памяти отецъ швой Государевъ, Великій Государь, пошелъ изъ подъ Риги къ Москвѣ,

сквѣ, а меня, холопа швоего, указалъ послать къ Лишовскому Гешману Ви-кеншію Корвину Гонсевскому для ва-шихъ Великаго Государя дѣлѣ; и бу-дучи я, холопѣ швой, и развѣдывая, писалъ всякія вѣдомости неложно, и какъ писалъ, такъ послѣ надѣ ваши-ми Государскими раши и учинилось. Да яжѣ, холопѣ швой, посланъ къ Гешману Богдану Хмѣльницкому выго-варивашѣ, какъ онѣ соединеніе учи-нилъ съ Свѣйскимъ Королемъ и съ Ра-коціемъ, и давалъ часть войска За-порожскаго Ракоцію безѣ воли и ука-за отца швоего Государева, Великаго Государя; и Гешманъ Богданъ Хмѣль-ницкій вину свою къ отцу швоему Государеву, Великому Государю, при-несѣ, и добилчеломѣ и вѣ поддан-ствѣ ушвердился, и вѣ листѣ своемъ писалъ, что по вѣкѣ живота своего безѣ воли и указа вашего Государ-скаго войска Запорожскаго непріятелю не дастѣ. Яжѣ, холопѣ швой, посы-ланъ къ Гешману Ивашкѣ Выгобскому, и пріѣхавъ отѣ него, отцу швоему Государеву, блаженныя памяши Вели-кому Государю извѣстилъ, что онѣ

измѣнникъ и добра отъ него не будетъ. И послѣ шого моего, холопа швоего, прѣзда и извѣша вскорѣ своровалъ и измѣнилъ, и швоимъ Великаго Государя рашнымъ людямъ великій уронъ учинилъ. Да яжъ, холопъ швой, былъ съ Бояриномъ и Воеводою Князь Алексіемъ Никишичемъ Трубецкимъ съ шоварищи подъ Коношопомъ. А какъ волею Божіею упадокъ учинился вашимъ Государскимъ людямъ, и шото ради упадка отступили ваши Великаго Государя Бояре и Воеводы, и шли отшводомъ до Путивля, окопъ и обозъ, и образецъ, и путь, строилъ я, холопъ швой, и што извѣсно вашимъ Великаго Государя Боярамъ и рашнымъ людямъ, и опошли въ Путивль въ цѣлости; а непріятельскихъ Польскихъ и Крымскихъ рашныхъ людей многихъ побили. И какъ по указу опца швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, пришолъ Окольничій и Воевода Петръ Алексіевичъ Долгоруковъ съ шоварищи съ рашными людьми, и Бояре и Воеводы, Бояринъ и Воевода Князь Алексій Никишичъ Трубецкій съ шова-

ва-

варищи, хотѣли ийти въ Черкасскіе города, и рашные люди, которые не похотѣли ийти за Семь въ Черкасскіе города, учинили бунтъ, и привели его Боярина за спанчу, и я, холопъ швой, съ стрѣльцами его Боярина опнялъ. А какъ пришли въ Переславль на раду, и на радѣ при нихъ Боярахъ и Воеводахъ работишка моя, холопа швоего, былажъ. Да яжъ, холопъ швой, былъ съ Бояриномъ съ Князь Пепромъ Ивановичемъ Прозоровскимъ у Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ, и Святѣйшіе Вселенскіе Патріархи со всемъ освященнымъ соборомъ учинили спашьи церковному исправленію. А въ началѣ написали двѣ спашьи, вашего Царскаго чина и вашихъ Государскихъ достоинствъ не свѣдая; и дошло до того времени, прикладывать руки. И я, холопъ швой, доложу Боярина Князь Пепра Ивановича Святѣйшимъ Вселенскимъ Патріархамъ, и всему освященному собору рукъ прикладывать не далъ. И Преосвященные Митрополиты, Павелъ Крушицкій и Даріонъ Рязанскій, на меня, холопа швоего, яростію и не-

навистію великою вознегодовали. А какъ Бояринъ Князь Пётръ Ивановичъ извѣспилъ ошцу своему Государеву, блаженныя памяти Великому Государю, и отецъ швой Государевъ, Великій Государь, съ ближними Бояры, шѣхъ спашей слушавъ, указалъ ошспавить шѣ двѣ спашьи; а Пресвященные Митрополиты, Павелъ и Даріонъ, стояли упорно, чтобъ учинить имъ по своему намѣренію и шѣхъ спашей не ошспавить, и рукъ приложить не хошѣли, и за то ошѣ Вселенскихъ Папріарховъ были они въ ошлученіи. Яжъ, холопъ швой, взяшъ у Свяшѣйшихъ Вселенскихъ Папріарховъ и посланъ былъ на раду въ Глуховъ, съ Бояриномъ и Воеводою, съ Князь Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, и раду учинили, и Гепмана войскомъ выбрали, и къ вѣрѣ привели; и съ той рады ваши, Великаго Государя, подданные ушвердились подъ вашею Государскою рукою и доднесъ. И на шѣхъ всѣхъ вышеписанныхъ Боярѣ и Воеводѣ, кошорые нынѣ при вашей Государской милоспи предшояшъ, шлюсь, какъ я, холопъ швой,

пвой, съ ними былъ у вашихъ Государскихъ дѣлъ, нигдѣ на меня, холопа швоего, челобитья и явокъ и извѣшовъ ни въ какихъ дѣлахъ не бывало. А какъ я, холопъ швой, съ рады изъ Глухова прѣхалъ, и ошецъ швой Государевъ, блаженныя памяти Великій Государь, указалъ мнѣ, холопу швоему, сидѣшь въ Малороссійскомъ Приказѣ, и я Гешмана и начальныхъ людей чрезъ посланцовъ ихъ вашу Государскою милостию обнадеживалъ, и свое подаяніе, елику силу имѣлъ, подавалъ для шишины и покоя. И ваши Государскіе подданные, Гешманъ и все войско, безъ всякаго премѣненія и по сіе время у васъ Великаго Государя въ подданствѣ; и на увѣреніе вѣрныя своя службы и дѣшей своихъ къ вамъ Великимъ Государямъ прислалъ жишь къ Москвѣ. Подай всемогій Богъ и до скончанія вѣка дней быти имъ у васъ Великихъ Государей! А какъ увидѣли вашу Государскую премногую милосшь, и прирѣніе къ себѣ великое, и Гешману Демкѣ не потерпѣли: со единомышленники его связавъ, прислали къ намъ,

Великимъ Государямъ, при моемъ же, холопа швоего, сидѣньѣ въ Приказѣ Малыя Россіи. А какъ объявился воръ самозванецъ, именемъ брата вашего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Царевича и Великаго Князя Семіона Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и отъ того вора учили быши на Запорожьѣ и на Украинѣ Черкасской смушы великія: и я, холопъ швой, по указу ошца швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, посылааь на Запорожье ваши Государскія милосшивыя и обличительныя грамоты, увѣряя истинною, чшобъ они къ шему вору и самзванцу и къ его воровшву не приставади и помнили свое обѣщаніе. А какъ, Великій Государь, прислади изъ Запорожья послѣдній листъ на искушеніе, и чаяли, что я у нихъ приму: и я, холопъ швей, имъ сказаь, что о шомъ ихъ пріѣздѣ и о листахъ Кошеваго Ашамана и самозванца вора извѣщу вамъ Великимъ Государямъ; и по моему, холопа швоего, доношенію ошець швой Государевъ, Великій Государь, шѣ листы указаь при-

принять, и при себѣ указалъ вычестъ. И выслушавъ на нихъ кручинилъ, и свою Великаго Государя милоспивую и обличительную грамоту при себѣ, Великомъ Государѣ, на каменномъ крыльцѣ запечашавъ, отдасть посланцамъ миѣ, холопу швоему, повелѣлъ: и услышавъ отъ посланцовъ своихъ Ашаманъ Серко съ войскомъ милость и гнѣвъ отца швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, и грамоту милоспивую и обличительную слыша, шого вора и самозванца сковавъ, прислалъ къ вамъ, Великимъ Государямъ; и ша моя службишка шебѣ, Великому Государю, извѣстна, и швоимъ Великаго Государя Боярамъ вѣдома. При оцѣ же швоемъ Государевѣ, блаженныя памяти Великомъ Государѣ, съ другаго Андрусовскаго договора Бояринъ и Царшвенныя большія печати и Посольскихъ дѣлъ Оберегашель, Аванасій Лавреншевичъ Ординъ-Нащокинъ, прѣбхавъ и запись съ шого договора привезъ, что пославилъ съ великими и полномочными послы, по кошорой записи обѣщаніе предъ святымъ Евангеліемъ

говорить отцу своему Государеву, Великому Государю. И учало, Великий Государь, доходишь къ великимъ тѣсношамъ; для того что въ тѣхъ договорахъ пославлено: сшавишь съ стороны Вашего Царскаго Величества межъ Днестра и Днестра, или куда воинскій случай употребляти будешь, дванцать пять тысячъ конныхъ и пѣшихъ; а будешь Турскій Султанъ, или Ханъ Крымскій, наступишь съ войски своими изъ обоихъ Великихъ Государей на которое ни есть государство, и тѣ обои Великіе Государи должны всѣми своими силами поступать прошивъ общаго непріятеля Турскаго Султана и Хана Крымскаго, и ихъ силъ. А буде изъ оныхъ обоихъ Великихъ Государей одинъ другому повѣришь въ войскѣ, и тотъ Государь долженъ обомъ войски во владѣніи имѣть. И по тому договору назначены къ вамъ, Великимъ Государямъ, бытъ великіе и полномочные послы, Янъ Гнинскій, Воевода Хельминскій, для обѣщанія и подтвержденія предъ святымъ Евангеліемъ. А въ Посольскомъ, Великий Государь,
При-

ПриказѢ, кромѢ АндрусевскихѢ договоровѢ и Московскаго пославленія, инаго ничего нѣшь, чшобѢ сыскано на Посольскую страну кѢ нарушенію договоровѢ, и чѢмѢ бы шу запись основившь и тѢ договоры не подтвердишь. А я, холопѢ швой, еще будучи вѢ МалороссійскомѢ ПриказѢ, шодѢло по вашей Государской милости вѢдалѢ, и служба вамѢ, ВеликимѢ ГосударямѢ, посылаѢ вѢ Черкасскіе города для листовѢ КоролевскихѢ и СенапшорскихѢ и книгѢ укоризненныхѢ, вѢдая ихѢ неопасные нравы; и изѢ ЧеркасскихѢ городовѢ привезли многіе прописные листы, которые объявились прошивны АндрусевскимѢ договорамѢ и Московскому пославленію, и книгу ПашквилѢ, реченіемѢ СлавенскимѢ: подсмѣвнїе, или укоризна, печашную, кошорая печашана вѢ ПольшѢ. ВѢ шой книгѢ положенѢ совѢшѢ лукавешвія ихѢ: время доходитѢ поспупашѢ сѢ Москвою такимѢ образомѢ, и время ковашѢ цѢпѢ и Троянскаго коня, а прочая явствениѢ вѢ шой книгѢ. ВѢ договорѢжѢ, Великій Государь, АндрусевкомѢ и МосковскомѢ

скомъ поспавлено между вами, Великими Государи, такъ, чтобъ совѣша и умышленія ни тайно, ни явно къ недружбѣ одному Государю прошивъ другаго Государя не искашь; а искашь долженъ браться брату лучшаго. И въ то время по доношенію моему, холопа твоего, онецъ твой Государевъ, блаженный памяти Великій Государь, всѣхъ вышеписанныхъ спашей и записи, и прописныхъ листовъ, и книги, слушавъ съ Бояры; указалъ послашь изъ посредства великихъ и полномочныхъ Пословъ, которые въ то время были наряжены, Думнаго Дворянина Ивана Ивановича Чадаева, чтобъ Польскихъ Пословъ опередить, и застать ихъ отъ Королевскаго Величества неопущенныхъ къ Москвѣ, къ вамъ Великимъ Государямъ; а велѣно ему, будучи въ опѣшѣ, Сенаторамъ говорить, чтобъ Королевское Величество велѣлъ дать своимъ великимъ и полномочнымъ Посламъ полную мочь на договариваніе иѣкакихъ новыхъ спашей, которые явились прошивны договорамъ къ споронъ вашего, Великихъ Государей,
Цар-

Царскаго Величества. И Думный Дворянинъ, Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ, къ опцу своему Государеву, блаженныя памяти, Великому Государю, привезъ Королевскую грамоту; а въ той грамотѣ писано, что накажетъ Посламъ своимъ противныя спашь исправити. И какъ, Великій Государь, Польскіе Послы опца своего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, очи видѣли и посольство правили, и послѣ того, въ отвѣсѣ будучи, ближнему Боярину и Тверскому Намѣстнику, Князю Юрью Алексіевичу, и брашу его Бояринужъ и Суждальскому Намѣстнику, Князю Дмитрію Алексіевичу Долго-рукову съ поварищи, говорили, чтобъ по записѣ вышеписанный отецъ твой Государевъ, блаженныя памяти Великій Государь, учинилъ обѣщаніе предъ святымъ Евангеліемъ, а прежде подтвержденія ни въ какіе договоры вступать не будутъ. И естлибъ, Великій Государь, не въ прописные листы и книга укоризненная, нечегобъ было противъ записи и спашей говорить съ Послами. А какія были трудности и премногіе отвѣсы вашимъ, Велика-

го Государя, Боярамъ, и по извѣстно шебѣ, Великому Государю. Однакожъ по вашему Государскому указу Бояре службою своею и разумомъ учинили пакъ, какъ вамъ Великимъ Государямъ годно: шѣ ошвѣшы совершили во благо, и прежніе договоры, чшобѣ Кіевъ отдашь и войско спавить, по все опложено до шого времени, какъ прежніе договоры исправлены будущѣ и въ своей силѣ спанушѣ; и учиненѣ съ Польскимъ государспвомъ покой. У опца же швоего Государева блаженныя памяти Великаго Государя, были Свѣйскаго Короля послы, Графъ Густавъ Оксенспирнѣ съ шоварищи, и обѣявили въ ошвѣшѣ вашимъ Великаго Государя Боярамъ, ближнему Боярину и Намѣспнику Тверскому, Князю Юрью Алексіевичу, да сыну его ближнему Боярину и Суждальскому Намѣспнику, Князю Михайлу Юрьевичу Долгорукимъ, нарушенныя спашьи, кошорыя были съ спороны вашей, Великаго Государя, и въ шѣхъ ошвѣшѣхъ Бояре имѣли великія шрудносшижѣ. Однако же, Великій Государь, шѣхъ Пословъ и самихъ учинили винныхъ паче вашей,

Вели-

Великаго Государя, стороны, въ пропискахъ; и съ Москвы они побѣхали съ великою печалію; и моя же работница, холопа швоего, была, и свидѣтельствуюсь ими, ближними Бояры. Да у ошцажъ швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, были Цесарскаго Величества чрезвычайные Посланники, Аннибалъ Францискъ де Ботоній съ товарищемъ; а прежь сего и въ шой Цесарской грамотѣ и въ отвѣсныхъ письмахъ писалъ къ вашимъ Царскаго Величества лицамъ Пресвѣплѣйшество, также и всѣмъ Хрисціанскимъ Великимъ Государямъ, Королю Испанскому, Королю Французскому, Королю Датскому, Королю Польскому, Королю Аглинскому, и шѣмъ умаляетъ честь всѣхъ Государей и Курфиршовъ; шакожде пишешъ для чести и повышенія имени своему. А во время, Великій Государь, царшвованія блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Феодоровича, всея Россіи Самодержца, и блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Василія Іоанновича,

Д

всея

всея Россіи Самодержца, у Цесарскихъ Посланниковъ чрезъ великую куплю учинили, что и Пресвѣтлѣйшество написали въ шиплѣ, и тому Великій Государь выписка есть въ Посольскомъ Приказѣ. А я, холопъ твой, съ Цесарскими Посланниками договоръ за руками учинилъ, чтобы впредь васъ, Великихъ Государей, въ грамошахъ и въ отвѣльныхъ письмахъ писать Величествомъ, а не Пресвѣтлѣйшествомъ, и такъ, какъ Цесарю приписуютъ. Дажь, холопъ твой, остерегая вашей Государскія чести, и не допуская до васъ Великихъ Государей шудности, учинилъ съ Польскими и Свѣйскими великими и полномочными Послы договоръ, что имъ Посламъ, пришедъ передъ палату, въ которой палашъ вы, Великій Государь, изволише посольство и грамошу принять, и передъ шою палашою шапки и шляпы снимаешь, и на скамьѣ передъ вами, Великимъ Государемъ, въ шапкахъ и въ шляпахъ не сидѣшь; и о томъ споры и описки къ Государямъ ихъ отъ нихъ были; однакожь учинили они такъ, какъ вашей Государской чести

чести достоитъ бытъ. А Цесарскіе Посланники когда ваши Государскія очи видѣли, и на посольствѣ въ селѣ Коломенскомъ были, и за дворомъ шляпы сняли. А прежде сего, Великій Государь, Польскіе и Свѣйскіе Послы при дѣдѣ швоемъ Государевѣ, блаженныя памяти Великомъ Государѣ, въ палату входили и сидѣли на скамьяхъ въ шапкахъ; а изъ Думныхъ Дьяковъ только одинъ Иванъ Грамошинъ оговаривалъ ихъ въ шакомъ ихъ дерзновеніи. А при Бояринѣ, Аѳанасьѣ Лавреншѣвичѣ Ординѣ - Нащокинѣ, Биневскій также и въ палату входилъ и сидѣлъ на скамѣ въ шляпѣ; а договора о томъ съ ними Послы до меня, холопа швоего, никто не учинилъ. Яжъ, холопъ швой, съ Польскимъ Посланникомъ, съ Александромъ Кладницкимъ, договоръ учинилъ; а каковъ его былъ прѣздъ и съ чемъ, и каковъ отвѣтъ учиненъ, и то извѣстно швоимъ, Великаго Государя, Боярамъ. А какъ, Великій Государь, вашъ Государскій и всѣхъ Государей Христіянскихъ непріяшель, Турскій Султанъ, у Польскаго Короля Каменецъ

нецѣ Подольскій взялъ, и Дорошенко учинился у негожѣ въ подданствѣ, и дошло Польскому Королю къ великой тѣсношѣ, и по Королевскому и всей Рѣчи Посполитой указу, Послы его съ Турскими Послы договорѣ и мирѣ учинили, и ту всю Заднѣпрскую сторону поступили Турскому Султану до сѣраго рубежа; и съ тѣми пославленными спашьями присланѣ къ отцу швоему Государеву, блаженныя памяти Великому Государю Польскій Посланникѣ Іеронимѣ Комарѣ; а просилѣ Королевское Величествѣ совѣща у отца швоего Царскаго Величествѣ, что тѣ спашьи держать ли, или не держать; и ему Комару отвѣстѣ учиненѣ: какѣ Государь ихѣ изволилѣ, держать, или не держать. А въ договорахѣ пославлено, что одинѣ Государь безѣ другаго Государя ни въ какіе (дѣла) договоры вступать съ Турскимѣ Султаномѣ не долженѣ, и тѣмѣ договоромѣ Дорошенко съ шюю стороною онѣ подданства увольненѣ. И какѣ, Великій Государь, учало бышѣ къ тѣсношѣ сей сторонѣ вашимѣ Государскимѣ подданнымѣ отѣ

Дорошенка, а Гешманъ учалъ присы-
 лашь о многихъ замѣшаніяхъ, и я,
 холопъ пвой, докладывалъ ошца шво-
 его Государева, блаженныя памяти
 Великаго Государя, чшо дошло время
 призывашь Дорошенка съ шюю споро-
 ною Дибра, для шого чшо Король
 Польскій послушилъ Дорошенка съ шюю
 спороною Турскому Султану, и шѣмъ
 бы пріемомъ ошдѣлишь войну ошѣ
 Турскаго Султана ошѣ Кіева и ошѣ
 иныхъ Черкасскихъ городовъ. И ошецъ
 швой Государевъ, блаженныя памяти
 Великій Государь, съ Святѣйшимъ Пи-
 ширимомъ, Патріархомъ Московскимъ
 и всея Россіи, и со всемъ освященнымъ
 Соборомъ совѣшовавъ, указалъ къ До-
 рошенку послать свою Великаго Госу-
 даря грамоту, и призывашь его ошѣ
 Турскаго Султана велѣлъ. И я, хо-
 лопъ пвой, посылалъ ваши Государ-
 скія милосшивыя грамоты, чшобъ онъ
 былъ подѣ вашею Государскою рукою;
 и каковы ваши Государскія грамоты
 и его лиспы, и каково его было же-
 ланіе вѣ подданшво и на раду вѣхашь,
 и шю все ешть вѣ Приказѣ Малыя Рос-
 сіи. А какъ увидѣлъ вѣ подданшвѣ

шой спороны начальныхъ людей, и все войско подъ вашею Великаго Государя рукою, и шу спорону въ запусѣннѣи, и переходъ тамошнихъ жителей на сю спорону, и та спорона учинилась пуста, и Дорошенко тебѣ, Великому Государю, добилъ - челомъ, и Чигиринъ ошдалъ, и самъ прѣбхалъ на вѣчную службу. Да отецъ же твой Государевъ, блаженныя памяти Великій Государь, по челобитью Гепмана и всего войска Запорожскаго, и по опискѣ и по сташьямъ Боярина Князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго съ товарищи, изволилъ войну готовитъ на Крымъ, и о томъ походѣ указалъ послать свою, Великаго Государя, грамоту къ Польскому Королю. А какъ волею Божіею отецъ твой Государевъ, Великій Государь, ошѣде въ вѣчныя обители, а тавойна по твоему Великаго Государя указу ошпавлена, и тавова твоя Великаго Государя грамота послана, и ошписана на прежнюю грамоту ошца твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя; и то тебѣ, Великому Государю, извѣстно, и при ошданіи твоей,

ей, Великаго Государя, грамоты Резиден-
 шу Павлу Свидерскому въ споловой
 швоей Государское милосшивое слово
 ко мнѣ, холопу швоему, было. Да по
 указужь отца швоего Государева, бла-
 женныя памяти Великаго Государя,
 были многія посылки къ подданнымъ
 вашимъ, ко Князь Каспулашу Муцало-
 вичу Черкасскому и къ Таишамъ, чшобъ
 они шли на Крымъ, или Улусныхъ сво-
 ихъ людей послали. И хошя они Таиши
 Улусныхъ своихъ людей и посылавали,
 а до Юршовъ они не дохаживали,
 шолько въ стадахъ дальныхъ ошъ
 Перекопи бывали. А какъ ошець
 швой Государевъ, блаженныя памяти
 Великій Государь, указалъ бышь къ
 Москвѣ Князю Каспулашу Муцаловичу;
 и какъ онъ видѣлъ очи отца швоего
 Государева, и я, холопъ швой, съ
 нимъ договоръ учинилъ, и онъ обѣщал-
 ся по своему закону, хошя нужи вели-
 кія, или самую смерть применъ, а
 милость отца швоего Государева за-
 плашитъ; и по своему обѣщанію такъ
 и учинилъ: въ Крыму войною былъ,
 а съ нимъ Спольшникъ и Воевода Иванъ
 Леоншевъ, съ рашными людьми и съ

козаки Донскими и Запорожскими, и Калмыки были; а прежде сего никогда ваши Государские рашные люди въ Крымъ не хаживали, и славы о томъ походѣ такой имени Вашему Государскому не бывало. Яжъ, холопъ швой, будучи въ Приказѣ, вамъ Великимъ Государямъ служба, учинилъ прибыли великія: а вновь учинилъ аптеку, кружечный дворъ, и изъ шѣхъ сборовъ сдѣлалъ дворы каменные, Посольскій, Греческій, лавки; а въ расходы иманы чпо годъ, въ Приказы Тайныхъ дѣлъ, въ Спрѣлецкій, въ Иноземскій, въ Хлѣбный, шысящъ по шпидесять и больше, кромѣ покупокъ въ мастерскія палаты и во Дворецъ. А въ Кіевъ, и въ Черниговъ, и въ Переяславль, и въ Нѣжинъ, и въ Остръ, рашнымъ людямъ жалованья и на хлѣбную покупку все посылавано изъ доходовъ изъ Новгородскаго Приказа и съ четвершей, а изъ иныхъ Приказовъ не посылавали. А до моего, холопа швоего, сидѣнія въ Малороссійскомъ Приказѣ, посылавали вашимъ, Великаго Государя, рашнымъ людямъ въ Кіевъ и въ иные города хлѣбные

запасы изъ Брянска въ судахъ; а тѣ суда дѣлывали шупъ же во Брянскѣ, и четверть цѣною спавливалась въ Кіевѣ по семи рублевъ и больше. А какъ я, холопъ швой, учалъ посылать на хлѣбъ деньги, и четверть дороже рубля въ куплѣ не бывала; а и за шѣми расходы послѣ представления ошца швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, объявилъ тебѣ, Великому Государю, я, холопъ швой, сто осмьдесятъ двѣ тысячи золотыхъ и ефимковъ и денегъ мѣлихъ. Денежный дворъ 15 лѣтъ стоялъ пустъ, пуда серебра въ заводѣ на дѣло денежное не бывало; яжѣ, холопъ швой, завелъ дѣлать на помѣ дворъ деньги, и ошѣ того дѣла непрестанная прибыль была въ швою Государскую казну: и за всѣ вышеписанные мои, холопа швоего, службишки пожалованъ я былъ вашею Государскою милостію, чешью Боярствомъ, опчинами, помѣспьями; и куплены опчины вашимъ же Государскимъ жалованьемъ, а нажишкомъ ошца моего, который онѣ наживалъ на вашихъ Государскихъ службахъ,

въ посольствѣ въ Царѣградѣ и въ Кизылбашахъ, также и у вашихъ Государскихъ дѣлъ. А я, холопъ швой, наживалъ вашею Государскою милостию на службахъ полковыхъ, и въ посылкахъ, и въ Посольскихъ подаркахъ, и у вашихъ Государскихъ дѣлъ будучи, и собирали мы ихъ въ 67 лѣтъ, и то все безъ ошашка безъ вины ошяшо. Естъ, Великій Государь, копорые въ чужихъ домахъ живали, и чужія плащя нашивали, и чужій хлѣбъ ѣдали, и шѣ при дѣдѣ швоемъ Государевѣ, блаженныя памяти Великомъ Государѣ, и при оцѣ швоемъ Государевѣ, блаженныя памяти Великомъ Государѣ, шолькожъ, или и больше моего, у такихъ же дѣлъ будучи, наживали. Одинъ я, холопъ швой, возненавидѣнъ и оглашенъ многими деньгами, и золопыми, и живошны; а нынѣ о всѣхъ моихъ деньгахъ и о всей моей, холопа швоего, рухлядишкѣ шобѣ, Великому Государю, извѣстно: не шакovy объявились, какъ обѣ нихъ донесено. Да у меняжъ, холопа швоего, Дьякъ Иванъ Гороховъ спрашивалъ многое число пороха, свинца, пушекъ, караби-

биновъ, пистолетовъ, Пансырей, наручней, шапокъ; и я, холопъ швой, сказалъ: какъ поволокся съ Москвы, были для опасенія оиъ воровскихъ людей двѣ пушечки небольшія, да самыхъ малыхъ меньшихъ пистолетовъ небольшоежъ число, и въ томъ прежде сего заповѣди не бывало, и многіе и на Москвѣ по ближнимъ деревнямъ держашъ; а которые Бояре и Воеводы хаживали въ Казань, и у нихъ на судахъ пушки для опасенія воровскихъ людей бывали, и у торговыхъ людей на судахъ пушки бывалижъ, а нынѣ еснъ же; и взялъ у меня, холопа швого, пороха шолько два пуда; а карабиновъ и мушкетеровъ и на Московскомъ дворишкѣ нѣтъ, а пистолей малое число, и что всего пансырей, наручней, шапокъ, и шо извѣстно тебѣ, Великому Государю, по переписи домишка моего, кто переписывалъ на Московскомъ моемъ дворишкѣ, и шо держалъ для вашей Государскія службы. Рабошалъ вамъ Государямъ чистымъ сердцемъ, а не лукавымъ, и лукаваго не помышлялъ, и впредь помышляшь не буду, дондеже дышу, и

за швое Государское повелѣніе должѣнъ и послѣднюю каплю крови своей испочитъ, и въ томъ свидѣтельствуясь Господемъ Богомъ. А во время случаевъ злыхъ, какъ были на Москвѣ въ Коломенскомъ, въ Путивлѣ, въ Переяславлѣ, и я, холопъ швой, служба вамъ, Великимъ Государямъ, всегда былъ ко уняшю починщикъ, и шо шебъ, Великому Государю, извѣсно, и швоимъ, Великаго Государя, Боярамъ вѣдомо. Да яжъ, холопъ швой, будучи многія лѣта въ Полковникахъ и Шольникахъ и въ Головахъ спрѣлцкихъ, работалъ вамъ Великимъ Государямъ на приспунахъ и на бояхъ, въ скорыхъ и часныхъ посылакахъ и на пожарахъ, изувѣченъ, и все шѣло и кости мои сокрушены, кровь моя какъ вода пролила за васъ Государей, и вопію ко Всесильному Богу на шѣхъ, которые меня, холопа швоего, безъ всякія моя вины отъ милости швоей Государской оплучили, и посланъ въ заточеніе въ Пустоозерскій острогъ, гдѣ гладомъ и шамошніе житшели шаюли и скончавающся, а миѣ, холопу швоему, гладажъ ради прежде времени

ни

ни душа изврещи. Дано, Великій Государь, мнѣ, холопу твоему, изъ нажилковъ отца и моего пожитченка тысяча рублевъ денегъ, копорые пожитченки наживалъ чрезъ смерти и кровь и работы свои непрестанныя, и по швое, Великаго Государя, жалованье не вѣмъ, на что издавать, на пишуль себѣ, или и червю своему бѣдному сиропинѣ вѣ наслѣдіе. Охъ увы! охъ горесшь! слезы и кровавыя слезы! не имѣючи и вѣ мысли своей вины, не шокмо вѣ словѣ, или вѣ дѣлѣ. Однако же, Великій Государь, надежда моя Господь Богъ, да ваше Царское премилостивое разсмотреніе и милость. Глаголетъ премудрый Царь Соломонъ: якоже устремленіе водное, шако и сердце Царево вѣ руцѣ Божіи: аможе хощетъ обратиши, шамо и уклонишь е. Умилосердися, благочестивый Великій Государь! буди подобенъ Царю и пророку Давиду милосердому, иже непрестанно вопіетъ: сотвори хъ судъ и правду. Не предаждь меня обидящимъ мя. Умилосердивися, благосердый Великій Государь, буди славенъ и подобенъ славному и премудрому Царю Со-

домону, иже рече: даждь рабу швоему сердце смысленно на послушаніе, и осужденіе людемъ швоимъ въ правду, еже разумѣваши посреди добра и зла. Умилися, многомилоспивый Великій Государь Царь и Великій Князь Феодоръ Алексіевичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ! буди подобенъ и милоспивъ Царю сроднику Пророка Даніила, когда осудиша на умершвіе Сусанну, она же возопи гласомъ веліимъ: Боже вѣчный и сокровенныхъ Свидѣтелю, свѣдый все прежде бышія ихъ! Ты вѣси, яко лжу послушеспивовасша на мя: и се умираю несотворша ничтоже, еже сія слукавспивовасша на мя. И послуша Господь глагола ея, воздвиже ошрока юна, ему же имя Даніилъ, и возопи гласомъ веліимъ: чистъ азъ отъ крове ея, и двою древесы, шерніемъ и чресминою, и двоюнадесяти лѣшъ, спарцамъ и судіямъ судія бѣ, нача судъ и соверши. Возврати раззореніе мое невинное, и даждь благодареніе и славу имени своему Государскому! ушолі мое со убогимъ моимъ червемъ рыданіе слезное для блаженныя памяши благоче-

честиваго и милостиваго отца своего
Государева, Великаго Государя Царя и
Великаго Князя Алексія Михайлови-
ча, всея Великія и Малыя и Бѣлыя
Россіи Самодержца; вспомяни милость
его и свою Государскую ко мнѣ сиротѣ
и сынишку моему, и неимѣющимъ
помощи, копорую милость вашу на
всякое время вспомянувѣ, горькими и
крававыми слезами обливаемся, что
безо всякія вины ненависти ради
отогнаны, и отѣ приславовѣ и отѣ
карауловѣ такѣ сѣснены, какѣ зло-
дѣи, что и описати не возможно. Не
только, Великій Государь, въ ну-
ждахъ моихъ прошивѣ приказанія
Божія и закона Христіанскаго и ва-
шего Государскаго указа умилишься, или
какая ослаба учинишь, но и того не могѣ
сѣ горькими и крававыми слезы упро-
сишь, чтобѣ сѣ начала послыки моей,
какѣ меня, холопа швоего, изѣ Каза-
ни повезли въ Пустоозерскій острогѣ,
чтобѣ челобитную мою приняли и по-
слали къ тебѣ, Великому Государю,
чтобѣ обѣ моей невинности тебѣ, Вели-
кому Государю, было извѣстно. Не
заставъ насѣ сиротѣ бѣдныхъ и не-
имѣ-

имѣющихъ помощи спранствовать
межъ чужихъ жилищъ, и вели насъ
изъ того заточенія взять и изъ за
пристава свободишь, и жишь намъ
бѣднымъ и за себя, Великаго Госу-
ря, и за весь вашъ Государскій Домъ
Господа Бога молишь, гдѣ швоя Го-
сударская милоспивая воля будешъ.
Царь Государь! смилуйся.

*Вторая челобитная, какопа послана пѣ
прошломъ 187 годѣ изъ Пустоозерска-
го острога съ нарочнымъ посыльщи-
комъ, съ Андреемъ Мезенцомъ.*

Царю Государю и Великому Кня-
зю Феодору Алексіевичу, всея Вели-
кія и Малыя и Бѣлыя Россіи Само-
держцу, всеконечно раззоренные и ни
ошъ кого милоспи и помощи и заступ-
пленія вѣ невинностяхъ своихъ неимѣ-
ющіе, развѣ Всевысочайшаго и Всесиль-
нѣйшаго Бога, и себя Помазанника
Его, Государя премилоспиваго, бьюшъ
челомъ холопи швои, Аршешка Ма-
швѣ-

швѣвѣ, съ убогимъ своимъ червемъ съ
 сынишкомъ. Въ первой, Великій Го-
 сударь, мой, холопа швоего, челобит-
 ной, которая писана въ Казанѣ, во
 185 годѣ, Іюня въ 13 день, и не
 приняша, а приняша въ Пустоозер-
 скомъ острогѣ, и послана къ шебѣ,
 Великому Государю во 186 годѣ, Іюня
 въ 26 день, и въ той мой, холопа
 швоего, челобитной, старости ради
 и увѣчья ошѣ вашихъ Государскихъ
 служебъ и работъ, и скорыхъ и ча-
 стыхъ посылокъ погорбленъ, а наи-
 паче всего, гнѣва ради швоего Госу-
 дарскаго и опалы и ошлученія ошѣ
 вашей Государскія милости, и раззоре-
 нія моего спраннаго, обезпамятѣлъ,
 и многое что видѣлъ въ Божествен-
 номъ писаніи, и того безпамятствомъ
 не написалъ; а что воспоминавалъ для
 очищенія себя, чтобъ паче невинностьъ
 моя предъ шобою, Великимъ Госуда-
 ремъ, ошѣ лукавыхъ и злосердыхъ че-
 ловѣкъ очислилась, и то написалъ
 всѣмъ швоимъ Великаго Государя Боя-
 рамъ. Лѣкаръ Давыдко въ разпросѣ
 сказалъ: лечилъ де онѣ Давыдко у
 меня, холопа швоего, человекна моего

карла Захарка, и ему де карло Захарко сказывалъ, что онъ боленъ отъ моихъ побой; билъ де будто я его за то, какъ будто я у себя въ домишкѣ въ палашѣ съ Стефаномъ Докторомъ чли черную книгу, и въ то время будто пришло къ намъ въ палашу нечистыхъ духовъ множесшво, и говорили намъ, мнѣ, холопу швоему, и Стефану Доктору, шѣ нечистые духи въ слухъ, что есть у васъ въ избѣ шрешій человекъ, и то, Великій Государь, по наученью лукавыхъ зашблалъ воръ Давыдко, хотя себѣ свободы отъ правежа; и человекъ мой карло, сиропина увѣчный, убояся страха и пышки, не спорилъ вору Давыдку. Не шокмо шакон сиропина увѣчный, но многіе въ крѣпости и въ силѣ великой, не прешерпя мукъ, клеветушъ на людей невинныхъ, и сами на себя говорятъ, чего не дѣлали, и шѣхъ, Великій Государь, дѣлалъ въ Приказахъ много. А я, холопъ швой, отъ воровскаго ихъ сосшава и наученья очищаюсь Божештвеннымъ Писаніемъ: Книги Моисеовы, 5 глава, 5 ст. Всевысочайшій Господь глагола къ Мойсею:

Азѣ

Азъ есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнивъ, отдавая грѣху ошецъ на чада до шрешяго и до четвершаго рода ненавидящимъ мя. Паки: Не приѣмли имени Господа Бога твоего всуе; не очистишь бо Господь приѣмлющихъ имя Его шуне. И паки: Гласъ слышанъ Архангельскій, когда созва и собравъ Архиспрашигъ Михаилъ весь родъ Ангельскій и начальныхъ Воеводъ, и рекъ великимъ гласомъ: вонмемъ, премирнии друзи мои, и разумѣмъ, чесо ради создани быхомъ Богомъ Творцемъ нашимъ, шому единому со страхомъ и шрепетомъ падше поклонимся, и дадимъ славу и честь непосшижимой благости создавшаго насъ. И паки, Христа Сына Божія глаголюща: Аще и всю поднебесную кшо овладѣешь, и всего свѣша славу и богатштво соберешь, не можешь даши измѣну за душу свою. По Евангельскому слову: весь свѣшъ не шоченъ есть, одинаго кождо души. А я, холопъ швой, ошъ благочестивыхъ своихъ родителей ошъ юности моя вѣ наказаніи истинныя вѣры воспишанъ быхъ, вѣ ней же и до днесь

Божією помощію укрѣпляемъ пребываю,
уповая на щедроты Божественнаго
милосердія Его, яко и до изхода ду-
ши моя непоколебимо въ ней со-
хранишь мя. А что, премилосливый
и Великій Государь, нынѣшняго вре-
мени злохитрою кознію вселукаваго
врага и супостата народа Христіян-
скаго, который отъ начала міра и до
днесь не пресная воюешъ на невин-
ностьъ различными козньми, пріемля во
орудіе злонравныхъ и несмысленныхъ
человѣкъ, и злодѣйскими составы въ
пагубу сводишь невинныхъ, какъ ны-
нѣ злонравнаго вора Давыдка, научен-
наго и вооруженнаго пооспираль лукав-
ствы, и сиротину моего пьянаго и
увѣчнаго карла Захарка, и въ сѣти,
копторыя они льстиво и скрытно на
насъ, холопей твоихъ, неповинныхъ
угошовали, сами впадуть, по писан-
ному: Въ сѣти сей, юже скрыша,
увязе нога ихъ. Знаемъ есть Гос-
подь, судьбы шворяй въ длѣхъ рукъ
своихъ, и отъ шѣхъ сѣтей очищаемся
Божественнымъ Писаніемъ, какъ о
шомъ Пророцы и Апостоли и Учители
церковные пишутъ, что отъ живыхъ
су-

сущихъ не возможно видѣти души чистыя и нечистыя, и души человѣческія. И такъ, Помазанникъ благочестивый, и милосливый Великій Государь, явное свидѣтельство въ Маргаритѣ, слово 3 о Іовѣ: Бысть, рече, яко день сій, придоша Ангели Божіи предсташи Господеви, и діаволъ посреде ихъ. Убо со Ангельскою ли службою предстоитъ діаволъ, и посреди ли святыхъ духовъ нечистый духъ предстоитъ? Никако же, ниже со святіи Ангели предсташа Богови тѣлеснѣ, ниже самана тѣлеснѣ, но всяка служба предстояніе глаголется: сще и діаволъ ста не на небесемъ мѣстѣ, ниже въ премирныхъ силѣхъ, яко созданіе Божіе, повелѣваемъ бываетъ творити подобающая. Въ строителства, Великій Государь, въ чловѣцѣхъ святіи Ангели посылаеми сущь. На беззаконныхъ же чловѣкѣ муки бѣсамъ повелѣваемы сущь. Егда святыя Ангели, поминаетъ Апостолъ святыи Павелъ, глаголя: Не вси ли сущь служebníи души, на служеніе посылаеми ради хопящихъ наслѣдовати спасеніе? Отнюду же вѣдомо,

яко святіи Ангели служатъ на спасенія чловѣческая, гордыи же бѣсове на грѣшныхъ мученія. И посла Богъ, Давидъ рече, на Египетъ ярость и гнѣвъ и скорбь посланіе аггелы люшыми. Лукавии убо и нечисти бѣсове аще и опадоша предложеніемъ, но подъ игомъ лежатъ работы. Сего ради отвѣщавающу на Ахава, Богъ глаголетъ: Кшо пойдешъ, и прельстившъ Ахава, и падешъ? Отвѣща духъ лукавый: се азъ; вѣдѣше бо, яко на се учиненъ есть діаволъ. Посылаишъ же ся и къ праведнымъ, не яко мучашъ, но да искусятъ; понеже Ангелъ святыи послужити искушенію не повелѣваемъ есть, и не бо Богъ повелѣваетъ недостоинное Ангелу. Сего ради бѣсове на сіе повелѣваеми суть на искушенія; не гласъ бо исходитъ отъ Бога къ лукавому бѣсу, ниже сподобляешся сіе неприсупное оно произволеніе. Естество бо благо, предложеніе же зло; діаволъ бо не естества есть имя, но произволенія; не бо діаволъ бысть изначала, и не сотвори Богъ діавола, но Ангелъ убо созданъ бысть, діаволъ же имя ново, яко

яко оболгуй Богa, чистъ и не чистъ Богу. Иоаннъ свящый Дамаскинъ глаголетъ, книга Небеса, глава 4: Отъ сихъ Ангельскихъ силъ первостоятель приземнаго чина и земли вручивыйся отъ Бога, не естествомъ лукавъ бысть, но благъ сый, и во блазнь бывъ, самовластнымъ произволеніемъ превращися отъ сущаго по естеству въ сущее чрезъ естество; того же бо естества Ангеломъ суще, зли быша, произволеніемъ вольно отъ благаго ко злу уклонишася. Глава 19: Духъ глаголется же, и сицы Духа Святаго, дуси, духъ, и Ангелъ благій духъ и демонъ; духъ и душа есть же, егда и умъ духъ глаголется, духъ и вѣтръ и воздухъ. Глава 14: Душа убо есть существо живущее, простое и безшѣлесное, шѣлесными очесы по свойственному естеству невидимое, безсмертное, словесное же, умное, безобразное. Глава шаяжде: Безшѣлесное же, невидимая и безобразная по двоимъ образомъ имѣемъ: ово убо по существу, ово же по благодати, и ово убо естествомъ суще, ово же къ вещи дебелести; въ Бозѣ убо естествомъ, во Ангелахъ же и демо-

нахъ и душахъ благодатию. Святый же Аѳанасій Александрійскій, безсмертный умъ глаголетъ, духи служебные огненный пламень наричешъ, за безпѣлесное ихъ и легкое и выпреносное и скорѣйшее, идѣже аще повелѣннѣ бывши содѣшелемъ устремляются. Ѣеодоритъ глаголетъ: Творый Ангелы своя духи, и слуги своя огонь палящъ; указуешъ его не видимыхъ Творца суща пощю, но и невидимыхъ Содѣшеля; шѣ же духи и огонь нарече, сильное и скорое обоимъ показуя, быспро бо естество духа, крѣпкожъ огненное дѣйство; слуги же имѣяй аггелъ: всѣмъ Богъ добро шворитъ доспойнымъ, и мучитъ прошивные. Святый Григорій Богословъ Назіанзинъ въ словѣ б глаголетъ: Къ началомъ, ко владычествамъ, подвижаемъ, къ неявленнымъ гонителямъ и мучителямъ, къ миродержавцемъ шмывѣка сего, къ духамъ лукавства поднебеснымъ. Благочестивый и милоспивый Великій Государь! что глаголетъ Богословъ неявленнымъ? А когда неявленны, видѣши ихъ человѣкомъ не возможно. Книгажъ, Великій Го-

су:

сударь, Ключь разумѣнія, глаголетъ: Два естества наичестнѣйшии Богъ сотвори, Ангельское, человѣческое, на образъ свой и подобіе. Такъ рекъ самъ Богъ, глава 1 въ Библии: Сотворимъ челоѣка по образу своему и по подобію. Обаче не по тѣлу, но по душѣ челоѣкъ есть образъ Божіимъ. Богъ всевысочайшій, невидимый, и душа челоѣческая невидима. Въ Маргаритѣжъ бесѣда 5: Что есть душа; убо воздухъ ли, или духъ, или вѣспрь? Ни чтоже отъ сихъ рекутъ; сія бо вся тѣлеса суть. Коринѣяномъ нравоученіе 29: Аще бы мощно было изврещи душу изъ тѣла неправеднаго, видѣлъ бы еси ю: но не возможно. Нравоученіе 23: Аще бы мощно душа видѣши, якоже въ воинствѣ сраженію мимошедшу, иныя убо мертвы естъ видѣли, иныя же ураненныя плоти, а души видѣши не возможно. Во нравоученіижъ, Великій Государь, къ Колоссаемъ 11: Аще бы тѣло разсѣкше коегождо душу мощно было видѣши, показалъ бы имъ; но не возможно. Въ Маргаритѣжъ въ словѣ, о еже предста Царица, той же

же Златострунный глаголетъ о добродѣтели шѣлесной: Что есть доброта шѣлесная, явѣ есть, яко отъ естества, а не отъ произволенія. Онъ же глаголетъ: Пойдемъ къ души, зри оную; не бо можеша видѣти ю, невидима бо есть. Иоаннъ же свяшый Дамаскинъ глаголетъ, книга 1: Въ насъ есть духъ отъ нашего естества, ниже воздухъ есть вдохновеніе, и отъ дохновенія вдыхаемо и опдыхаемо, иже во время глаголанія, егда что рцемъ, и гласъ слова учиняется и на воздухъ разсыпается. Древній же философъ Сократъ, его же Златоглаголивый во нравоученіи 125 похваляетъ, всѣхъ сущихъ любомудріемъ одолѣвая глаголетъ: Солнца убо плоть вси челоуѣцы видяшъ, плоти же духа ни единъ можетъ видѣши. Въ житіижъ, Великій Государь, чудотворца Аврамія Ростовскаго напечатано, Октября 29 день: Нѣкогда свяшому хопящу руцѣ умыши, влѣзѣ духъ лукавый во умывальницу свяшаго. Свяшый же разумѣвъ, а не видѣлъ коварства вражія, вземъ крестъ положи на умывальницу, и огради около сосу-

суда крестнымъ знаменіемъ , и не можаше изыти отполѣ духъ лукавый. Княземъ же Ростовскимъ , пришедшимъ ко святому въ келію , и дерзнувшимъ крестъ сняти со умывальницы , и въ томъ часѣ изыде духъ смраденъ изъ сосуда , аки дымъ чернъ , и успрашишу всѣхъ сущихъ. На сіе паки свидѣтельство въ житіижѣ , Великій Государь , святаго мученика другаго Кона , Марша 5 день , иже во Ассиріи: Пріятъ власть свяшый мученикъ надъ духи нечистыми , и въ корчазѣ заключи , и запечатавъ погребѣ подѣ основаніемъ дома своего , и по смерти его дому его на церковь успроену , копающимъ же основаніе церкви , обрѣтеша сосудъ скудельный , и мнившие злато , сокрушивше единъ сосудъ , и изыдоша духи въ видѣніи огня , и вси успрашишася , яко не мощи прейти изъ дома до захожденія солнца. И по сему , Великій Государь , вышеписанному естеству ихъ измѣны нѣспъ ; но шокмо славы Божія не видяшъ , и опѣмѣста своего пали и не возстанутъ ; а видѣти ихъ высокіе угодники Божіи не могли , но шокмо коварства ихъ

ихъ разумѣли, и благодатию Божіею и молишвами своими имѣли власть затвориши ихъ; а и благородные Княви еще и дерзосно учинили, крестъ съ сосуда сняли, а духа нечиста не видѣли. А моему сиротинѣ, глупцу пьяному и спящему за печью, какъ онъ врагъ, котораго запечья нѣтъ и въ палатишкахъ моихъ во всѣхъ, духи нечистые, безтѣлесные, безобразные, тѣлесными пьяными глазами видѣшь? Суди Господи и воздаждь, который, или и не единъ, ненавидя и завидя милости ради вашей Государскія, и злобою на меня, холопа швоего, дыша, безвинно осудили, не вспоминая Божія слова, еже рече: Вню же мѣру мѣрише, возмѣришся и вамъ. Сей судъ, которымъ я, холопъ твой, осужденъ, прошивенъ будешъ законамъ; аще воля швоя, Великаго и милосливаго Государя, о малыхъ дѣлахъ, кто оспоришъ челобитьемъ своимъ къ тебѣ, Великому Государю, и вашъ Государскій указъ и Боярскіе приговоры, изъ Уложенья выписываютъ подъ дѣла. А по сему воровскому составному доводу довелось выпи-

писатъ изъ книгъ Божественнаго Писанія. Возможнолю тому бышь, чшобъ души нечистыя видѣши, или не возможно, какъ о томъ въ первой моей, холопа твоего, челобитной писано, и въ сей во второй къ тебѣ, Великому Государю. А кто, Великій Государь, показуя себя ненависти ради и недружбы, и показуя себя во многомъ глаголаніи, и хощя въ разумѣ услышанъ быти, возможно было ему и нашихъ кровавыхъ слезъ правдою въ разумѣ услышану быти, и показати себя мудростію безъ мученія насъ убогихъ холопей твоихъ. Отъ прилѣжныхъ, Великій и милостивый Государь, въ Божественное Писаніе чтящяся, внимающяся, уразумѣвающяся и въ памяти полагающяся. Сего ради всепремудрый Хриосъ Спаситель нашъ рекъ: Ошходящъ отъ обручницы своей церкви, и никогда же ошступая и пребывая неотшступно, ключи разумнія оставилъ, еже согласующимъ съ нимъ тайны Божія чрезъ разумъ ошкрывающій ошверзаетъ, отъ невнимающихъ же разумнія заключаетъ. А я, холопъ твой, не отъ своего ра-

разумишка сіе смыслилѣ, но Пророкомѣ
 и Апостоломѣ и Учителиемѣ сіе въ Пи-
 саніи ихѣ изнесѣ; но аще писанія до-
 стоинства святаго чшоша, или чшу-
 ще оныхѣ, разумѣ уразумѣши могоша:
 аще паки чести возгнушаша, или чшу-
 ще разумѣши нерадиша, не по моему чело-
 бишью, холопа швоего, да приносятъ не-
 разумѣнія, но своему неравсмотренію,
 немилосердія ради и ненависти и зло-
 бы, да пріимутъ непохваленіе, по пи-
 санному: разумнаго есть благое изби-
 раши, злое же отвергаши; и онѣ, или
 единомысленніи, и злое мнѣ, холопу
 швоему, избрали, а благое отвергли.
 Богобоязливый, почиая и спрашася
 закона Божія, и высокою любве ше-
 спвуя, не шочію въ Бозѣ друзей, но
 и враговѣ Бога ради любитѣ, и уко-
 ризну пріемши, не шочію просящему
 прощенія и обиду оставляетѣ, но и
 самѣ смиритися ускоряетѣ, по рече-
 нному опѣ Всевысочайшаго: Любите вра-
 ги ваша. А что Давыдко сказалѣ, что
 нечистые духи говорили будшо мнѣ, хо-
 лопу швоему, и Доктору Стефану въ
 слухѣ, что есть у васѣ въ избѣ шре-
 шій челоувѣкѣ; а карло въ разпросѣ и
 сѣ

съ пышки говорилъ, будто я со Спе-
 фаномъ Докшоромъ и съ Николаемъ
 переводчикомъ книгу чли, а онъ За-
 харко спалъ въ то время, и того
 чешыре человѣка, а не при. Да Давыд-
 кожъ и карло сказали, что книгу чли
 въ палатѣ, а духи нечистые говори-
 ли, что вы сидите въ избѣ? Чему,
 Великій Государь, вѣримъ, кто счешу
 не знаетъ? Воры ли доводчики и
 глупцы, или нечистые духи, счешу
 людямъ и палаты съ избою не знаютъ?
 Сіе ли, Великій Государь, не воров-
 ство и не лукавый явный составъ?
 А въ вашемъ, Великаго Государя, ука-
 зѣ и въ сборномъ Уложенѣ напеча-
 тано, глава 2, статья 12: Будешъ
 кто на кого учнетъ извѣщати вели-
 кое ваше Государское дѣло, а свидѣ-
 телей на шотъ свой извѣстъ никого
 не поставитъ, и ничѣмъ не улучитъ,
 и сыскашь про шакое великое дѣло
 будешъ нечѣмъ, и про шакое великое
 дѣло указъ учинитъ по разсмотренію;
 а рабъ и доводчикъ Божиими и ва-
 шими Государскими законы свидѣте-
 ли не бывающъ, и мнѣ отъ того ихъ
 составнаго наученія и воровства очи-
 щз-

щались, кромѣ Божественнаго Писанія и вашихъ Государскихъ указовъ и Уложенья, нечѣмъ, какъ писано выше сего. А что они по наученью врали, и тому быти не возможно. Человѣкъ же мой карла сказалъ, будто я, холопъ твой, вскоча и смотря его Захарка за печью, и сорвавъ съ него шубу, и поднявъ ударилъ его о землю, и топталъ и выкинулъ за мертво: и у меня, Великій Государь, въ той палатишкѣ запечья нѣтъ, и спашь за печью не лъзя; двѣ спѣны у печи свободны, а шрешья спѣна печи придѣлана къ самой палатишкѣ, и промежка нѣтъ, а четвертая спѣна, у той печное устье, и въ томъ мѣстѣ кладушь дрова, и то передъ печью. Миѣжъ, холопу твоему, сказанъ твой, Великаго Государя, указъ: Давыдко на очной ставкѣ съ Стефаномъ Докторомъ на карла Захарка въ томъ вышеписанномъ слался, что Стефанъ Докторъ на очной ставкѣ говорилъ ли онъ на себя и на меня, или себя и меня очищалъ, того всего миѣ не сказано. А противъ вашего Государскаго указа и Уложенья, по той же выше-

пи-

писанной 12 спашьѢ, доводчики свидѣшели не бывающьѢ. Давыдкожь сказалъ, будучи онъ у меня, холопа твоего, во дворѢ, будно видѣлъ, какъ я, холопъ твой, со Спашаріемъ и со Стефаномъ Докпоромъ черную книгу запершись чли; потому что онъ будно вшолъ къ намъ въ палату изневѣстно; а ша де книга въ полдешь, а шолщиною пальца въ три. А училъ де будно меня и сынишка моего Андрюшку Николай Спашарій: и меня, холопа твоего, Спашарій и сынишка моего злomu, что Богу не угодно, ничему не училъ; и желаніе мое было съ почашка лѣшъ моихъ все на благое, и въ вашихъ Государскихъ дѣлахъ былъ въ великихъ, въ ратныхъ, въ Посольскихъ посылкахъ, въ Приказахъ великихъ, и по вашей Государской милосши былъ въ Боярахъ, и въ близости крайней, и повѣрено было, и былъ многое время безо всякаго прешыканія; а сынишка моего училъ малое время малымъ лишеркамъ по Греческу. А допрашиванъ ли онъ воръ лѣнаръ Давыдко о книгѢ, по чему разумѣлъ назвашъ черною книгою,

Ж

по

по кожѣль, или по разуму, что въ ней слышалъ, какое дѣло и чему меня и сынишка моего Николай Спатарій училъ, и что слышалъ во ученіи, какія слова, и по чему знаетъ по ученіе, и кто его шому училъ, и даналъ ему съ нимъ Николаемъ очная ставка, и что на очной ставкѣ Николай говорилъ, очищалъ ли себя и меня и сынишка моего, или на себя и на насъ говорилъ: и того всего мнѣ, холопу твоему, въ сказкѣ не сказано. А воровство Давыдково и всѣ рѣчи, Великій Государь, явное и воровское умышленіе. Сказалъ онъ въ вышеписанномъ разпросѣ, какъ будшо мы книгу запершишь чли, а онъ будшо видѣлъ и вшолъ къ намъ въ палату изневѣстнымъ дѣломъ. И въ запершую, Великій Государь, палату кто видѣши можешъ сквозъ стѣну, кто что дѣлаешъ? Въ запершуюжъ палату кто изневѣстно входитъ, покамъстѣ кого позовушъ, или пустяшъ? Запворенному внутрь уду вратъ не возможно избѣжати, шакожъ не возможно пройти внутрь, бывъ внѣ. Сіе ли, Великій Государь, не явное воровство на

наученное, и не составъ явно ложный
опъ безумныхъ? Слово ихъ и совѣтъ
ихъ судяшъ, и осуждаюшъ ихъ са-
михъ; словомъ челобкѣ своимъ оправ-
дится, словомъ и осудится. А допра-
шиванъ ли онъ воръ Давыдко, или нѣтъ,
какъ видѣлъ сквозь снѣгу палату, и
въ запершую палату внезапно какъ вхо-
дилъ, того мнѣ, холопу швоему, въ
Казанѣ въ сказкѣ не сказано; а въ
вашемъ, Великаго Государя, указѣ и въ
Соборномъ Уложеньѣ, и въ малыхъ дѣ-
лахъ, естли кто рѣчи свои не про-
шивъ дѣла спанетъ говоришъ, и по-
му не вѣришъ. А челобкѣ же мой
карло Захарко предъ швоими, Вели-
каго Государя, всѣми Бояры въ раз-
спросѣ и съ пытки говорилъ, будшо я,
холопъ швой, съ Стефаномъ Докшо-
ромъ и Спашаріемъ книгу чли, а онъ
Захарко за печью въ шо время былъи
уснулъ и захрапѣлъ: и будшо я услы-
шалъ, что онъ храпишъ, взявъ его изъ
запечья за волосы и толкнулъ его
черезъ порогъ вонъ въ заднюю палату,
а ша де была книга не велика, а Да-
выдку де онъ о шомъ сказывалъ; а
какъ де его будшо изъ палаты вы-

попкнулъ, и книга де въ то время
передъ нами была на сполѣ. И въ
томъ, Великій Государь, я, холопъ
швой, свидѣтельствуюсь Писаніемъ же,
что не возможно спящему и не-
спящему духи нечистые видѣть и
слышать свое храпленіе. Къ Римля-
номъ нравоченіе 24 глаголетъ: Азъ
убо сіе реку, иже во глубочѣй ноши
спящимъ же и храпящимъ уподобимся
все; и аще бы мощно существо без-
плодное было видѣти, показалъ быхъ
вамъ, како убо множайшіи храпятъ,
а діаволъ прокапываетъ стѣны, и за-
каляетъ лежащихъ, и отѣмлетъ су-
щая внутрь сонъ; спя убо ниже зло
вѣщаетъ что, ниже благо. Да не по-
жмо, Великій Государь, духи, или ду-
ши спящему и храпящему человѣку
видѣть, или слышать кое глаголаніе,
нѣсть мощно человѣку видѣти искрен-
няго; кто бо видѣ отъ человѣкъ, ре-
че, яже въ человѣцѣ, развѣ духъ че-
ловѣка, иже въ немъ? Премилостивый
и благочестивый Великій Государь!
се не возможно видѣти духи чистые
и нечистые; а о измѣнѣ существа
ихъ духовъ нечистыхъ и низу вер-
женъ;

женныхъ и проклятыхъ никто не написалъ, чтобъ въ естество ихъ была измѣна. Сего ради и видѣти ихъ по естеству не возможно, какъ Злашоустый глаголетъ: Естество благо, предложеніе же зло. И какъ писали въ посланіяхъ свящій Апостоли, Петрѣ, зачало 66, во 2 посланіи: Аще бо Богъ Ангеловъ согрѣшившихъ не пощадѣ, но плѣницами мрака связавъ, предаде на судъ мучимыхъ блюсти. Иуда, зачало 77: Ангелъ же несоблюдашихъ свое начальство, но оставльшихъ свое жилище, на судъ великаго дне узами вѣчными подѣ мракомъ соблюде. Никто же, Великій и милостивый Государь, выше можетъ сихъ учителей себя разумѣніемъ явити, какъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Иоанна Злашоустаго, достославныхъ Архіереовъ, и Кирилла и Аѳанасія Александрійскихъ, и иныхъ многжайшихъ, иже древле въ церквѣ восточнѣй процвѣтша, и не токмо чтоша книги Божественнаго Писанія, но и написаша. И никто написа о сихъ, а паче о Злашоустѣ: все бо Иудейское писаніе и Христіанское зѣло тонко

написа и исполкова, яко инѣ никшоже. Всѣмъ же писаніямъ его считаши число не челоуку естъ; сіи вси о видѣніи духовъ благихъ и злыхъ, и душахъ челоуческихъ написали, невидими сущь: и то все ученіе ихъ опсшавлено, а воровскому составному доводу повѣрено. А шого челоукъ мой не говаривалъ, какъ будшо мы съ Стефаномъ Докшоромъ и со Спашаріемъ чли книгу, и въ то время пришло къ намъ въ палашу нечисныхъ духовъ множештво, и говорили будшо намъ шѣ нечисные души въ слухъ, что естъ у насъ въ избѣ третій челоукъ. А въ Казанѣ, какъ мнѣ, холопу швоему, по швоей, Великаго Государя, грамошѣ вины и неправды сказываны, кошорыми я, холопъ швой, невиненъ, и шѣ выщеписанные Давыдовы извѣшты, а не карла Захарка, и шо воръ Давыдко въ извѣшѣ своемъ прибавилъ и зашѣялъ по наученію. Да онижъ въ шѣхъ же разспросахъ рѣчи свои рознили. Давыдко въ разспросѣ сказалъ, что чолъ книгу я, холопъ швой, да Спешанъ Докшоръ, а карло былъ въ то время за печью; а челоукъ

вѣкъ мой карло сказалъ, что будшо
 я, холопъ швой, изъ палаты его вы-
 шолкнулъ, а книга вѣ шо время была
 будшо передъ нами; а чли будшо я,
 холопъ швой, да Шефанъ Докторъ,
 да переводчикъ Николай Спатарій; а
 Давыдко про Спатарія не сказалъ, а
 духи нечисшые прибавилъ; и будшо
 пришелъ вѣ палату Давыдко, а карло
 того не говорилъ. Доводчикъ воръ не
 самовидѣцъ, избывая свою бѣду и на-
 ученъ, и вѣришь ему прошивъ зако-
 новъ Божіихъ и вашихъ Государскихъ
 не довелось многихъ ради причинъ:
 1) чшо многое время не извѣщалъ;
 2) чшо свидѣтелей никого не поста-
 вилъ; 3) чшо я, холопъ швой, съ
 нимъ на очной спавкѣ не ставленъ;
 4) чшо ссылки моей на него не быва-
 ло. А чшо онъ воръ Давыдко свидѣ-
 шеля раба моего, сиропину увѣчнаго
 карла учинилъ, и рабъ свидѣтелемъ
 на господина не бываетъ; а вѣ ва-
 шемъ Великаго Государя указѣ и вѣ
 Соборномъ Уложеньѣ, вѣ главѣ 2, вѣ
 13 сташѣ напечатано: будешъ уч-
 нушъ извѣщашъ ваше Государское дѣ-
 ло чьи люди на шѣхъ, у кого они

служашъ, и въ томъ дѣлѣ ни въ чемъ ихъ не уличашъ, и тому ихъ извѣсту не вѣришь, и учиня имъ жестокое наказаніе, бивъ кнупомъ нещадно, отдашь шѣмъ, чьи они люди; и они, Великій Государь, не токмо уличили, и сами межъ себя изобличились. Въ вашемъ же, Великаго Государя, указѣ и въ Соборномъ Уложенъ не токмо въ такомъ великомъ дѣлѣ (за что не имѣя въ себѣ такіа вины раззоренъ), но и о малыхъ судныхъ дѣлахъ напечатано, глава 10, 160 сташья: буде кто пошлется изъ виноватыхъ, а шѣ люди по допросу скажутъ не прошивъ его ссылки, да не всѣ въ одну рѣчь, хошя одинъ не по немъ скажетъ, и его обвинишь, потому что онъ на шѣхъ людей слася изъ виноватыхъ, а они сказали не прошивъ его ссылки; а онъ Давыдко доводиъ на насъ, холопей швоихъ, и слася на людей моихъ, и для того взяшы изъ Лаишева людишки мои, Ивашко Еврей да карло Захарко къ Москвѣ. Онъ же Давыдко на Москвѣ въ томъ же дѣлѣ, на очной ставкѣ съ Стефаномъ Докшоромъ, на человѣка моего

кар-

карла сласяжѣ, и пѣми вашими Великаго Государя указы и Соборнымъ Уложеніемъ, что писано выше сего, я же очищенъ, а обвиненъ и спраннымъ разоренъ безъ вины чрезъ швой Великаго Государя указъ и Уложение. А что костоправъ Ивашко Максимовъ, кошорый того карла лечилъ, сказалъ, что переломлены были у того карла два ребра; а сказывалъ де ему костоправу шомъ карло, что шопшалъ его карла будшо я, холопъ швой: и мнѣ костоправъ Иванъ Максимовъ не свидѣшель прошивъ швоего, Великаго Государя, указа и Уложения. Когда бы онъ костоправъ видѣлъ, а не слышалъ, и ябъ на него слася, а онъ бы сказалъ, что я шому карлу переломилъ два ребра: шогда бы былъ свидѣтелемъ мнѣ. А въ швоемъ, Великаго Государя, указъ и въ Соборномъ Уложении напечатано въ 10 главѣ, во 172 сташѣ: будетъ кошорая ссылка по допросу скажетъ, что онъ про шакое дѣло слышалъ отъ людей, а самъ того дѣла не вѣдаеть, и ша ссылка не въ ссылку. Игралъ шомъ карло Захарко съ Иваномъ Со-

ловцовымъ съ робяшы, и пихнулъ его карла шуломъ Иванъ Соловцовъ, и переломилъ ему два ребра; а я, холопъ твой, того по приѣздѣ Думнаго Дворянина Ѳедора Прокофьевича Соковнина, и Думнаго Дьяка Василья Семенова въ Лаишевѣ, не вѣдалъ, что переломилъ ему два ребра Иванъ Соловцовъ; а допрашиванъ ли онъ Иванъ, или нѣтъ, и очистилъ ли онъ меня, или заперся, и даналъ ему Ивану съ шѣмъ карломъ очная сшавка, того всего я, холопъ твой, не вѣдаю. Онъ же карло рѣчи свои рознилъ: въ первой сказкѣ передъ швоими, Великаго Государя, Бояры сказалъ, будшо я, холопъ твой, вытолкнулъ его изъ палашы черезъ порогъ въ другую палашу; а въ другой сказкѣ, что сказалъ вору Давыдкѣ, что онъ былъ боленъ опшъ моихъ, холопа твоего, побой; а въ третшней сказкѣ разсказалъ костоюправу, и прибавилъ, будшо я, холопъ твой, переломилъ два ребра; и противъ вашего, Великаго Государя, вышешписаннаго указу и Уложенья виненъ въ воровствѣ онъ съ воровомъ Давыдкомъ, и вѣришь
имъ

имѣ прошивѣ Уложенья не доведется. Мнѣжѣ, холопу швоему, швой Великаго Государя указѣ сказанѣ, что по шому розыску объявилась будшо моя ложь и неправда, и моей, холопа швоего, лжи и неправды во всемѣ вышеписанномѣ челобишѣ не объявилось, свидѣтельствуюсь Господомѣ Богомѣ и Его угодники, Писаніемѣ и вашими Государскими указы и Уложеньемѣ, а не изѣ своего разумишка выбираю себѣ на избавленіе. Мнѣжѣ, холопу швоему, вина сказана, какову я далѣ сказку вѣ Даишевѣ Полуголовѣ Алексѣю Лужину за своею рукою, что книги лечебныя на Славянскомѣ языкѣ, вѣ кошорой многія спашьи приписываны цыфирью, кошорую книгу будшо укралѣ у меня человѣкѣ мой Ивашко Еврей, у меня нѣшѣ, и не крадывалѣ, и вѣ домишкѣ лечебныя книги нѣшѣ. А человѣкѣ мой Ивашко Еврей у пышки вѣ разпросѣ сказалѣ, что будшо я у себя вѣ домишкѣ сѣ Думнымѣ Дьякомѣ, сѣ Ларіономѣ Ивановымѣ, смощѣли книги лечебныя, а говорили будшо: принесли де ко мнѣ книгу, годишся ли де она вѣ аптеку, и смощѣ

шря

прѣ отдаѣ Алхимисту Ивану Ефимьеву, и велѣѣ опнести въ аптеку и отдаѣ Дьяку Ивану Папрекѣву, и показавъ Докшорамъ, и будетъ годишся та книга, и себѣ держали въ аптекѣ; а будетъ не годишся, и себѣ, показавъ Докшорамъ, сжечь; и какъ будто Алхимистъ свое книгу отъ меня изъ палаты вынесъ, и онъ Ивашко свое книгу у того Алхимиста взялъ, и та де книга у жены его Ивашковой въ Лаишевѣ положена, и въ ларчикѣ схоронена въ сѣняхъ подъ мостомъ, въ присылку Алексія Лучина. И по шѣмъ распроснымъ рѣчамъ человека моего Ивашка Еврея будто моя, холопа твоего, вина и о книгѣ сказка объявилась ложна, и какъ я, холопъ твой, въ сказкѣ своей написалъ, что человекъ мой Ивашко Еврей у меня книги лечебныя не крадывалъ, такъ противъ моего сказки и въ дѣлѣ явилось, по копорому дѣлу я, холопъ твой, обвиненъ невинно. Алхимистъ Иванъ Ефимьевъ въ допросѣ сказалъ: далъ ему Ивану человекъ мой Игнашка, вынявъ изъ посадца, книжку съ часовникъ, и го-

ворилъ ему Ивану, чшобъ онъ шое книжку ошдалъ въ аптеку Дьяку Ивану Папрекѣву, и въ передней палатѣ шу книжку взявъ у него Ивана человѣкъ мой Ивашко Еврей, и положилъ въ зѣпъ къ себѣ, и онъ де Иванъ у него Ивашка просилъ недѣль съ шесшь безпресшани; и Ивашко де Еврей ему Ивану сказалъ, чшо онъ шой книжки ему не ошдасшѣ. А шого Алхимисшѣ не сказывалъ, чшо я, холопъ швой, послалъ съ нимъ книжку къ Дьяку Ивану Папрекѣву, и велѣлъ сжечь; да и человѣкъ мой Игнашка не приказывалъ же съ Алхимиспомъ, чшобъ шое книжку сжечь же. А какая ша была межъ ихъ книжка, и я шого не вѣдаю, И сказка, Великій Государь, моя, холопа швого, обѣявилась права, а не лжива, какъ въ сказкѣ моей написано, чшо у меня человѣкъ мой Ивашко Еврей не крадывалъ, шакъ и въ дѣлѣ явилось; взялъ у Алхимиста, а не у меня укралъ. А чшо прошивъ шого людишки мои, Ивашко Еврей и Игнашка, разспрашиваныль, или нѣшѣ, какая ша была межъ ихъ книжка, и чшо въ кра-
жѣ

жѢ Ивашко послѢ допроса говорилѢ; шого не вѢдаю; а вина мнѢ, холопу швоему, сказана, а моей вины нѢшѢ. ВзялѢ человѢкѢ мой Ивашко у Алхимиста, а не укралѢ; да и по шому разспросу человѢка моего Ивашка можно знашѢ, что онѢ говорилѢ на себя внѢ себя, какѢ будишо книжку казалѢ я Думному Дьяку Ларіону Иванову, и говорилѢ, принесли де мнѢ книжку, годишсяль де она вѢ апшеку; и мнѢ, холопу швоему, Думному Дьяку для чего было книжка казашѢ, вѢдаючи подлинно, что Думный ДьякѢ ЛаріонѢ ИвановѢ ДокшорскихѢ и МедицинскихѢ и АлхимистскихѢ наукѢ неискусенѢ; да и ДокшорамѢ, Великій Государь, показываши не для чего: шакожде всѢ Докшоры Славянскаго письма и разума неискусны. А Божій законѢ, и вашѢ Великаго Государя указѢ, и Соборное Уложение, рабамѢ безѢ свидѢтелей благихѢ вѢришѢ не повелѢно и вѢ малыхѢ дѢлахѢ, не шокмо вѢ шакихѢ великихѢ зашѢйныхѢ. МнѢ же, холопу швоему, вина и неправда сказана, какѢ вѢ присылку Алексія

ксія Лужина обыскивалъ на дворишкѣ человека своего Ивашка Еврея книгъ и писемъ осматривалъ и обыскивалъ, и въ дарчикъ, которой былъ во время того осмотра, стоялъ подъ головами у постели Иващковой жены его, было въ томъ дарчикѣ, и ту книгу та Иващкова жена по приказу мужа своего въ Лаишевѣ сожгла; и естлибъ та книга была не дурная, для чего было шое книгу подъ мостомъ хоронить и жечь? И какъ по швоему Великаго Государя указу въ Лаишевѣ присланъ былъ Полуголова Алексій Лужинъ для людишекъ моихъ и для лечебныхъ книги, и я, холопъ швой, ему сказалъ, какъ писано о книгѣ въ сказкѣ моей; ему же Алексію многое время говорилъ подъ швоимъ, Великаго Государя, страхомъ, чшобъ онъ пошелъ шотчасъ въ рухлядишки мои и пересмотрѣлъ, и обыскалъ вездѣ на дворишкѣ моемъ, и къ человекенку моему Ивашку на дворишко пошелъ обыскашь: и онъ Алексій не послушалъ, и осматривашъ и обыскивашъ не пошелъ. А кшо, Великій Государь, имѣешъ совѣсть нечисту въ какомъ дѣлѣ,

дѣлѣ, долженъ по дѣлю сохранить; а не на сморѣ даешъ свободно всякому сморѣшь, какъ бы грѣхъ и вину свою ухоронишь. А что человекъ мой Ивашко Еврей и жена его сказали, Ивашко сказалъ: въ сѣняхъ подъ кошомъ, а жена его сказала у постели подъ головами, и они рѣчи свои рознили, и говорили спреха ради пышки. Въ тѣхъ мѣстахъ обыскивалъ я, холопъ швей. А какъ по швоему Великаго Государя указу прѣѣжали Думный Дворянинъ Феодоръ Прокофьевичъ Соковнинъ, и Думный Дьякъ Василій Семеновъ, и человека моего Ивашка Еврея въ дворникъ его, гдѣ онъ былъ посавленъ, осматривали и обыскивали, и ларчика вышеписаннаго, въ кошоромъ они книжку будшо схоронили, не нашли, а схоронила шотъ ларчикъ и не сказала Думнымъ человекъ моего Ивашка жена его; а при самомъ ихъ опѣвѣдѣ изъ Лаишева нашли они Думные шотъ ларчикъ въ самомъ нужномъ мѣстѣ. По моей же, холопа швоего, къ нимъ присылкѣ, а по извѣшу человекъ моего Никонка Павлова, а шого всего вышеписаннаго

я, холопѣ швой, какая у нихъ была книжка и какъ сожгли, не вѣдалъ, и человекѣ мой Ивашко Еврей и жена его на меня у разспроса и пышки не говорили, что я о той книгѣ вѣдалъ, что у нихъ естъ, и жечь ее не приказывалъ; да и шого не вѣдалъ, что жена его сожгла по приказу мужа своего, и шо слово человекѣ мой Ивашко Еврей кровію и смертію своею закрѣпилъ. И вѣ томѣ, Великій Государь, винны мужъ и жена: мужъ велѣлъ, а жена сожгла; а моей, холопа швоего, предъ шобою, Великимъ Государемъ, вины и неправды нѣтъ. Мнѣ же, холопу швоему, швой, Великаго Государя, указъ, вины и неправды сказаны, что я съ Думнымъ Дьякомъ, съ Ларіономъ Ивановымъ, книги, про шоторую сказалъ человекѣ мой Ивашко Еврей, не читалъ, и вѣ аптеку съ Алхимисшомъ съ Иваномъ Ефимьевымъ не посылавалъ. А Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ сказалъ: показывалъ де ему Ларіону книжку величиною вѣ часовникъ, и при немъ вѣ аптеку послалъ, а съ кѣмъ, шого не упомнишь. И какъ прежде сего вѣ сказкѣ моей,

холопа швоего, писано, что я съ Ду-
 мнымъ Дьякомъ Ларіономъ Ивано-
 вымъ шое книги, что писаны многія
 шпашьи цыфирью, не читалъ, и у
 меня цыфирной книги лечебника и на
 Славянскомъ языкѣ не бывало; попо-
 му что цыфирныхъ книгъ не учился,
 а и Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ
 со мною по цыфири ни по какой
 книгѣ не читывалъ; а читали книгу
 масламъ, порошкамъ и обще всѣмъ
 лѣкаршвамъ, что соспроены въ но-
 вую аптеку для цѣны, чтобъ лиш-
 няго сверхъ ушвава не имали. А и
 Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ ска-
 залъ: смошрѣлъ книгу, а съ кѣмъ я,
 холопъ швой, послалъ, шого не упо-
 мнишь, и что видѣлъ: благое ли, или
 злое, и приказалъ ли я сжечь, или
 нѣшь, шого всего въ сказкѣ его нѣшь.
 А я, холопъ швой, очищаюсь не хи-
 шросшію, какъ есть правда, не шок-
 мо предъ лицемъ Государскимъ хиш-
 ростно что изнести, аще изгнанъ не-
 нависти и зависти и злобы ради на
 послѣднюю чершу государства швоего,
 гдѣ обитающъ языки, незнающіи Бога;
 однако же не могу въ челобитшѣ сво-
 емъ

емъ написати лжу. Естли будетъ воля швоя Государская, повели спросить въ аптекъ, прежде моего, холопа швоего, сидѣнья книга о цѣнѣ на дву языкахъ, на Славянскомъ и на Лашинскомъ, была ли, или не была? Тое книгу мы, я, холопъ швой, и Думный Дьякъ Ларионъ Ивановъ, смотрѣли, а не лечбника, и та книга и нынѣ въ аптекъ. А вышеписаннымъ винамъ и неправдамъ и съ его сказки мнѣ, холопу швоему, вина и неправда наведена, которымъ винамъ и неправдамъ не шокмо словомъ, или дѣломъ, но и помышленіемъ не виненъ, а раззоренъ шуне. Мнѣжѣ, холопу швоему, сказано, что шой книги безъ указа швоего, Великаго Государя, и безъ розыска жечь не довелось, по тому, естлибѣ въ шой книгѣ по моему, холопа швоего, или Докшорскому осмотру объявилось худо, и мнѣ де было на шого человѣка извѣстишь шебѣ, Великому Государю, а безъ розыска жечь было ее не довелось, помня страхъ Божій, и швой, Великаго Государя. И я, холопъ швой, книгу въ аптеку не посылавалъ и

жечь ее не веливалъ, и гдѣ мое, холопа твоего, то слово, что я приказалъ сжечь? И Думный Дьякъ Ларионъ Ивановъ, и Алхимистъ Иванъ Ефимьевъ, на меня того не сказали, что я велѣлъ сжечь; а человекъ мой Ивашко Еврей первыя рѣчи свои перемѣнилъ, а сказалъ, что онъ женѣ своей приказалъ сжечь; а жена его сказала, что она по приказу мужа своего сожгла; а безъ вины моею вина наведена, кромѣ сиротъ моихъ въ ихъ винахъ, на меня, холопа твоего. А въ твоемъ, Великаго Государя, указѣ, и въ Соборномъ Уложении, въ 22 главѣ, въ 100 сташѣ напечатано: на которыхъ людей учнутъ говорить въ разпросѣ до пытки, а съ первыя, и съ другія, и съ прешія пытки съ нихъ учнутъ стоваривати, и шому стовору вѣршишь, и первыя рѣчи отставливашь, а вины сказывашь, буде вина есть, по послѣднимъ рѣчамъ. А человекъ мой, холопа твоего, Ивашко Еврей съ пытки умеръ, а говорилъ, что онъ женѣ своей велѣлъ сжечь; и послѣднія его рѣчи отставлены, чѣмъ было быши мнѣ, холопу твоему, противъ

шивъ твоего, Великаго Государя, указа и Уложения праву. А вина сказана по первымъ человѣка моего Ивашка Еврея рѣчамъ, что, помня страхъ Божій и вашъ Государскій, книги жечь не велѣлъ; а я тою книгу и не зналъ и не знаю, не шокмо жечь велѣлъ; и я, холопъ твой, прошивъ твоего, Великаго Государя, указа и Соборнаго Уложения, и по послѣднимъ рѣчамъ человѣка своего свободенъ отъ вины. Рабу безъ свидѣтелей вѣрить не повелѣно. А извѣщать было мнѣ, холопу твоему, нечего и не на кого и не умѣю, и Докшорамъ казать было не для чего, потому что они Славянскому реченію неискусны, и рѣчи, Великій Государь, всѣ вышеписанныя прошивны Божіимъ и вашимъ Государскимъ законамъ. А страхъ Божій и вашъ, Великаго Государя, имѣлъ и имѣю, и имѣши буду до послѣдняго моего издыханія; а раззоренъ спранно, и учиненъ нищимъ кромѣ вины. Кто бы, благочестивый и милосливый Великій Государь, многое богатство, злато и ризы многоцѣнныя далъ мнѣ, и за сія хотѣлъ бы взять очи мои,

далъ ли бы я? И еще бы далъ, тогда бы былъ безумнѣйшій паче вся твари. Аще же тако щажу око пѣлесное, и вся прошиву его ничшоже вмѣняю, по кольми паче достоинѣохраниши око душевное ума, да не будешь затмѣнно. Не хотѣлъ бы я, холопъ швой, за сію малую книгу лечебникъ наслѣдіе опца моего и прижитки, шакожде и мои службами и работами, и кровавыми моими пошамми, и шрудами нажишныя погубили, и раззореніе и муку терпѣши, какъ нынѣ пріемлю; и видя вашу Государскую милость, и будучи у такихъ великихъ дѣлъ, держалъ бы по, что Богу не угодно, или лечебникъ. По вашей Государской милости было кому лечишь, кромѣ домовыхъ лечебниковъ, и могъ бы я, холопъ швой, ештли бы была шакая книжка, и видѣлъ бы, что въ ней злое, и не показавъ бы Думному Дьяку Ларіону Иванову, и Дьяку Ивану Папирекѣеву, и Докшорамъ на свидѣшельство, и не посылая въ аптеку съ Алхимистомъ, въ домишкѣ своемъ безъ свидѣшелей ежечь. А что со всѣми выщеписанными

ми прошивъ законовъ Божіихъ и ва-
шихъ Государскихъ я не спавленъ, и
суда и очныя спавки мнѣ не дано, и
въ томъ воля швоя, Великаго Госуда-
ря. Сироты мои и раба моя взяшы къ
очнымъ спавкамъ, а я, холопъ швой,
за что не взяшъ? Прошивъ моею же
холопа швсего, ссылки, опцевъ мо-
ихъ духовныхъ, Преосвященнаго Архі-
епископа Симеона Тверскаго, и Ус-
пенія Пресвятыя Богородицы Собора
Протопопа Кондрата не допрошено
и не повѣрено; Думнаго Дворянина,
Едора Проксфьевича Соковника, да
Думнаго Дьяка Василья Семенова, что
они осмашривали книги, которой не
бывало, не повѣреножъ обыску о той
же книгѣ. А въ обыску было швоего,
Великаго Государя, двора Спрянчихъ
два чловѣка, Дворянинъ Московскій,
девять чловѣкѣ людишекѣ моихъ,
кошорые непрестанно жили у меня,
холопа швоего, въ томъ же дѣлѣ Дум-
ный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ, Докторъ
Штефанъ, Николай переводчикъ,
Иванъ Соловцовъ, и всего было 21 че-
ловѣкѣ; яжъ, холопъ вашъ, по вашей
Государской милосши еще въ то время
3 4 былъ

былъ въ Боярахъ. И всѣмъ вышеписан-
 нымъ 21 челобѣку не повѣрено еще,
 и вашъ, Великаго Государя, указъ и
 Уложенъе описавлено, по которыхъ
 спашьямъ довелися Давыдко и карло
 винамъ и жестокому наказанію; да не
 шокмо, Великій Государь, прошивъ
 швоего, Великаго Государя, указа
 жестокому наказанію, но и смерти,
 и по описавлено; а чего ради, шо-
 го я, холопъ швой, не вѣдаю; а сиро-
 шинъ домишка моего единому и лѣ-
 каришку непошребному, новокуплен-
 ному, вору наученному, шѣи повѣре-
 но, и чрезъ законы Божіи и ваши
 Государскіе, и чрезъ всякую мою прав-
 ду и безвинность, и чрезъ всякія мои
 и ошца моего великія службы, какъ
 писаны въ челобитшѣ моемъ къ шебѣ,
 Великому Государю, въ первой моей,
 холопа швоего, челобитной, а раззоренъ
 спранно и всеконечно, не имѣя вины.
 Божественному ли Великій Государь,
 Писанію, и вашимъ Государскимъ ука-
 замъ вѣришь, или ворами и плушамъ
 и соснавшикамъ, лѣкаришку одному,
 и сиротѣ карлу увѣчному, порожденію
 схидину? Чего и помыслишь не воз-
 мож.

можно, шо на меня, холопа твоего, видя милоспи и помощи и заступленія оплученна, зашбляли! А сверххъ се-го вышеписаннаго свидбшельспвуюсь Господемъ Богомъ, что неусыпнаго Его не утаишся очесе, и прежде, неже грбххъ содбяти, видя душу, не пребуешъ свидбшелей, иже вся вбдый, какъ на страшномъ Его Божіи судбстати, и помышленіемъ своимъ опбсиххъ дблб чисту, и ничтоже бываемыхъ свбдушу, что нанесено тебб, Великому Государю. А вб дбша благочеспивыя державы опца твоего Государева, Великаго Государя, ближнему Боярину Князю Никишб Ивановичу Одоевскому вб маломъ дблб данб судб вб двухъ пустошахъ, самб опецб твоей Государевб, блаженныя памяти приснопоминаемый Великій Государь, слушалб сб Бояры челобишья его, и Келаря Троицкаго допрашивалб; а мнб, холопу твоему, и сб рабы моими и сб доводчикомъ воромъ лбкаршкомъ, плушомъ наученымъ, суда и очныя ставки не дано, не шокмо передб Бояры, но и особно никто мнб, холопу твоему, судію по твоему Вели-

каго Государя указу не учиненъ. Не въ пустошахъ ваша Государская милость, честь моя Боярство и сынишка моего чинъ, дома, живопы, опчины, помѣстья, люди, всѣ безъ остатка опнышы безъ суда, и очныя славки безо всякїя моей, холопа швоего, вины и по се время не могу упросить милости у тебя, Великаго Государя, и бѣду терплю четвертый годъ напрасно, и къ тому же раззоренію и мѣсто указано, гдѣ прежде времени со всякихъ нуждъ умрети напрасно. Ближній Бояринъ, Князь Никиша Ивановичъ Одоевской, малой обиды о дву пустошахъ не могъ презрѣти, билъ челомъ: я ли, холопъ швой, прешану? Ни до дне смерти моя: плѣнное мое, холопа швоего, имѣніе и погибающее богатство идетъ, еже вся оставяши здѣ, что и есть, якоже родихся нагъ, шахъ нагъ и опходиши имамъ; ничтоже отъ сихъ съ собою возьму, но вѣчный живопъ и безсмертную славу и душу, еяже ничтоже дражайше можетъ быти; да не оставлю сего, что на меня, холопа швоего, воръ съ ворами зашѣль.

Же

Желаю и милости прошу, и тобою, Великимъ Государемъ, отъ поношенія сего себя и червя своего очистишь, въ законъ оскорбленъ, чему спастися не возможно, шому повѣрено. Глаголетъ Божественный Апостолъ Павелъ: добро ми паче умерети, нежели похвалу мою да упразднитъ кто: не рече законъ, но похвалу. Или я, холопъ швой, оставлю шо, что на меня записано и нанесено тебѣ, Великому Государю? Миѣ, холопу швоему, законъ паче, нежели чеспъ и нажимки. Помнилъ, и помню, и помниши не прешану до разлученія души моя реченное слово всевысочайшаго и всеильнѣйшаго Христа Царя и Бога: Аще кто исповѣспъ мя предъ челоуѣки, исповѣмъ его и азъ предъ Отцемъ моимъ, иже естъ на небесехъ. И паки: Аще не снѣспе плоши Сына челоуѣческаго, и не пѣте крови Его, не имате видѣши живота въ себѣ во вѣки. Какъ въ первой моей, холопа швоего, сказкѣ, что далъ я въ Лаишевѣ Думному Дворянину Федору Прокофьевичу Соковнину, да Думисму Дьяку Василью Семенову, хоша они меня и раз-
спра-

спрашивали со всякимъ устращеніемъ; сиропины моего извѣшомъ. А какъ вины и неправды сказываны въ Казанѣ, которыми я, холопъ швой, не виненъ, и въ то время извѣшъ вора наученаго Давыдка чли, а не сиропины моего карла, и въ то время сказалъ, что я, холопъ явой, всегда съ Богомъ, и въ томъ свидѣтельстввался я ошцами своими духовными, и частымъ исповѣданіемъ, и пречистыми шайны, и тому Великій Государь не повѣрено, или не осмошрѣно, или въ реченіи громогласія зашѣснено. А которые въ шакихъ явныхъ дѣлахъ обличены, и выняшо ихъ воровшво, и шѣмъ милость ошца швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, показана, и не ошняшо у нихъ ни чесши ихъ, ни дома, ни пожитки; а я, холопъ швой, не виненъ, а раззоренъ шуне безъ вины. Кому, Великій и милосивый Государь, повѣрено? Пьяному вору и нехранишелю чесши своему Великому Государю, и недоброхошу, Дашскому Нѣмчину, который будучи на Москвѣ при васъ Великихъ Государяхъ, Государю своему

ему какія прислуги учинилъ на вѣч-
ную славу, только что онъ пьяница
былъ, вездѣ ругались, опѣ всѣхъ дру-
зей его возили, чрезъ лошадь и чрезъ
сѣдло перекиня пьянаго, въ корешѣ,
положа верхъ ногами пьянагожѣ. Пе-
тру Марселсу пьянѣ разрѣзалъ рюмкою
горло, чайшь опѣ того и скончался.
Томасу Келдерману шандаломъ пьянѣ
голову пробилъ; меня, холопа швоего,
пріѣхавъ ко мнѣ въ домишко, по на-
ученію моихъ благодѣшелей, своихъ
друзей, обезчестилъ, и чрезъ ближ-
няго Боярина Князя Юрья Алексіеви-
ча Долгорукова перепросилъ, чтобъ
я, холопѣ швой, шебѣ Великому Го-
сударю на него не билъ челомъ, и
иныя многія неспроенія зазорныя чи-
нилъ; а больше сего своему Государю
чести и прибыли не учинилъ. А въ
обычаяхъ, Великій Государь, всѣхъ
васѣ Великихъ Государей, вашихъ ве-
ликихъ и полномочныхъ Пословъ и
Посланниковъ, и Резиденшовъ, и по-
сланныхъ, и гонцовъ, повелѣнія и
указъ и свои обученые искусства въ се-
бѣ имѣють во украшеніи нравовъ,
отступанія, и отъ поклоновъ, и отъ
взо-

взора и ошѣ гласа въ реченіи шихомѣ и ошѣ слова любовнаго и удивительнаго, и просшо рещи, яко всему образу вездѣ являшися достоишѣ, и удивити имѣ мощи зрящихѣ и слышащихѣ. И сего ради, Великій и милоспивый Государь, не шокмо вы, Великіе Государи, но и ваши Государственныя народы, и сами Посольскія особы ошѣ шого пріемлюшѣ великія славы и похвалы; а онѣ пьяница, будучи въ государствѣ вашемѣ, Великихѣ Государей, только славы учинилѣ, какѣ его возили пьянаго ошѣ пьяныхѣ, а робяша вопили въ слѣдѣ: *пьяница! пьяница! шищѣ на кокуй!* И сему пьяному повѣрено. Чего ради я, холопѣ швой, сѣ нимѣ не ставленѣ и не допрошенѣ? Будешѣ бы я, холопѣ швой, забылѣ страхѣ Божій, и вашу Государскую премногую и неизреченную милоспѣ, дерзнулѣ безумспивомѣ своимѣ такѣ учинишѣ, какѣ онѣ зашѣялѣ, достоинѣ бы былѣ смерти поносной на многое время; а будешѣ онѣ пьяный чѣимѣ наученіемѣ, или обнадеживаніемѣ злолукавыхѣ чловѣкѣ зашѣялѣ, какѣ уже шо его коварствомѣ

сѣ

съ прочими вашему Государскому ли-
 цу и слуху предспало, что онъ сво-
 ровалъ, съ наученія запѣялъ: за что
 онъ воръ не возвращенъ съ пути? За
 что на него Государю его не написа-
 но о его воровствѣ? Въспѣ Господь
 Богъ помышленія человѣческая; ей ей
 истинно пишу и милости прошу. Со-
 крушаетъ кости моя милость ваша
 Государская; жалѣю паче своего разво-
 ренія, что не къ славѣ разсмотренію
 одной мысли и совѣшу и наученія
 Дапской Нѣмчинъ воръ съ воромъ Да-
 выдкою многія лѣта пошъ пьяница
 Нѣмчинъ жилъ на Москвѣ, ничего
 на меня, холопа твоего, не извѣщалъ.
 А какъ по швоему Великаго Государя
 указу оппущенъ съ Москвы и опѣ-
 ѣхалъ далеко въ пушь, спалъ ядѣ
 испущаши по наученью за злобу свою,
 что я ему въ дѣлѣхъ его неподобныхъ
 не молчалъ. Такожде и Давыдко воръ
 того же совѣшу и разума и наученія
 оставленъ былъ на иное время дово-
 дитъ, а не съ нимъ пьянымъ, чтобъ
 тебѣ, Великому Государю, не явенъ
 былъ ихъ совѣшъ и лукавство, за что
 я, холопъ швой, не сшавленъ съ ни-
 ми

ми воры и очныя спавки и суда съ ними воры не дано. Всѣмъ по швоему Великаго Государя указу судъ, а я, холопъ швой, ошъ суда и очныя спавки сосланъ безвинно. Воръ Спенька Разинъ какое раззореніе государству вашему Великихъ Государей учинилъ, какіе города побралъ, какія крови Христіянскія невинныя розлилъ и церковныя входы и помосты кровью ихъ обагрилъ, сколько вдовъ чисныхъ и дѣвъ нескверныхъ посквернилъ, сколько младенцевъ ошъ сосецъ матернихъ погубилъ многообразно, и на какой конецъ шому дѣлу шщился, ешъли бы не всемилосердый Господь Богъ шому прокляшому препону въ совѣшъ его зломъ положилъ заслону вашими Государскими рашьми, съ которыми поспѣшилъ вашъ Великихъ Государей ближній Бояринъ и Воевода Князь Юрій Алексіевичъ Долгоруково съ шоварищи, и явнымъ милосердіемъ въ руки слабыя Донскимъ козакамъ предалъ, а въ шомъ дѣлѣ работишка моя, холопа швоего, была. Прежде взяшья Аспрахани писалъ я, холопъ швой, къ ошцу швоему Великому Государю

сударю въ Троицкой походѣ, чтобъ его вора Спеньку изъ Аспрахани не опускашь для многихъ его воровскихъ причинъ, какъ онъ первое ходилъ на море, и есть, Великій Государь, тому и свидѣтели, только нынѣшняго ради твоего Государскаго гнѣва и ослы, и всеконечнаго моего невиннаго раззоренія, умолчашъ, и тебѣ, Великому Государю, не извѣспяшъ. А чаю я, холопъ твой, что въ Приказѣ тайныхъ дѣлъ рука моя, холопа твоего, о томъ дѣлѣ есть. И тому вору и раззорителю и мыслящему всякое зло данъ по вашему Государскому указу судъ, Бояре все на земскомъ дворѣ разспрашивали, и брата его и иныхъ, и очныя спавки давали; вора самозванца, которой именемъ брата вашего, блаженныя памяти Великаго Государя Царевича и Великаго Князя Симеона Алексѣевича, вся Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, назвался въ запорогахъ, и къ какимъ кровямъ и раззоренію учало доходить? Яжъ, холопъ твой, служа вамъ Великимъ Государемъ, сколько всепремудрый Господь Богъ вразумилъ вашими Государ-

И

ски-

скими жестокими и милостивыми частыми указы привлекут к вам на помощь же земской дворъ, и Бояре въ помощь же земскомъ дворъ расширявали, и шибъ вышенписаннымъ ворами по вашему Государскому указу и по уложению данъ судъ; а я, холопъ швой, по вашей Государской милости былъ въ Боярехъ, и повѣрено было паче всего въ вашемъ Государскомъ здорывѣ, кромѣ вашихъ Государскихъ великихъ дѣлъ, и былъ многое время въ работахъ своихъ непрестанныхъ, какъ въ первой моей, холопа швоего, челобитной о шомъ написано. Когда ненависть и злоба не имѣла силы, ни судимъ предъ вашими Государскими Бояры, еще будучи въ Боярехъ и шото же лику, ни отшѣша о себѣ сошворилъ, осужденъ и посланъ шакъ холопъ швой съ Москвы, что и весла кормоваго не дано и до Коломенскаго брелъ безъ весла, кормою и носомъ переворачивало, показали образъ, что впрядь мнѣ, холопу швоему, будешь. Свидѣтель ми ешь Господь Богъ, что не лгу: видя богобоязливые и Христолюбивые люди мою невинную бѣду, и

по-

номня спрахъ и законъ Божій, не
 шокмо удивились, но и прослезились,
 видя такъ немилосердо отъ своего Го-
 сударскія милости кромѣ всякихъ на-
 шихъ винъ оппорженныхъ и послан-
 ныхъ на започеніе. А я, холопъ
 швой, кромѣ работъ своихъ всегдаш-
 нихъ во вся лѣша своя, къ чеспи,
 къ славѣ и къ повышенію имени ва-
 шего Государскаго, къ просиранству
 государства вашего, ко урядству вся-
 кихъ рашныхъ строевъ и къ собранію
 прибылей и окладу у многихъ денегъ
 и золошыхъ и ефимковъ; ничего злаго
 не учинилъ; а и въ дачахъ въ рас-
 ходъ съ самымъ береженьемъ не шок-
 мо въ вашихъ Государскихъ домовыхъ
 расходъхъ, но и въ Посольскихъ по-
 ѣздахъ въ расходъ съ великимъ бере-
 женіемъ берегъ, и шому свидѣтель-
 ствуетъ расходная книга, что до мо-
 его холопа швоего сидѣнья великимъ
 Посломъ и посланникамъ и гонцамъ и
 посланцамъ Гетманскимъ давано, и
 что при моемъ сидѣньи шому же сви-
 дѣтельство береженію вашія Государ-
 скія казны; что денегъ и золошыхъ
 и ефимковъ собрано, и объявилъ те-

бѣ, Великому Государю, по преставленіи въ вѣчную жизнь блаженныя памяти отца швоего Государева, Великаго Государя, и искалъ вамъ Великимъ Государемъ всякаго благополучія, а злаго ничего не мыслилъ и не совѣщалъ, свидѣшель ми естъ всевидящее Око. Аще ли же не тако, но нѣчто лукаво о мнѣ, холопѣ швоемъ, изыщущѣ въ вашихъ Государственныхъ великихъ дѣлѣхъ судомъ правымъ, законами Божиими и вашими Государскими, и свидѣшельми благими, не вели милости сотворить; аще ли кто не шокмо слово, или дѣло мое лукавое, аще и мысли моей кто будетъ вѣдатель и испязатель, долженъ спасти суду и дати отвѣтъ; аще ли не буду оправданъ вышечисанными законами и свидѣтели, да буду смертію жестокосердою скончанъ, да мешущѣ составы моя на всякой день псамъ на расперзаніе, да и прочіе образъ видя спрахъ примущѣ; аще ли благочестивый Великій Государь кто отъ ненавидящихъ и отъ злобствующихъ не станетъ со дерзновеніемъ и свидѣтели благими мнѣ на обличеніе. Умили-

ся,

ся, благочестивый Великій Государь! за что разоренъ и учиненъ нищимъ и спражду и умираю туне чепвертое лѣшо, не имѣя вины? Кому, Великій Государь, повѣрено? Воръ Давыдко, избывая бѣды своей и хопя шѣмъ доводѣмъ ошѣ правезу бышѣ свободенѣ, по наученію спалѣ доводишѣ. Глаголешѣ Мудрость: ошѣ изхода словесе знаетѣя мужѣ. Онѣ ворѣ кознствуетѣ на истинну, коварство его явлено всѣмъ, какѣ напрасно наученѣ и какѣ явѣ познался, якоже шѣма нѣсмѣ свѣшѣ, шако ниже лжа истинна. Никшо, Великій и милостивый Государь, порицаемѣ о прелюбодѣйствѣ, ошѣвѣшѣ даемѣ о шашѣбѣ. Давыдка вора бьютѣ на правезѣвѣ долгу, а онѣ швое Великаго Государя дѣло на насѣ сказываетѣ, и время сказалѣ шому назадѣ два года, и сему повѣрено, кто не вѣсшѣ? Кто не зршѣ ясно сего, яко сіе скоростію сдѣлано, кромѣ законовѣ и правды опняшіе превеликое милости опца швоего Великаго Государя и швое Государское милоспивоешѣ честь мою боярство, и сынишка моего чинѣ безѣ

вины за мои; холопа швоего, службы и работы и крови, дворы и живомы, прижишые еще прежде меня родичи моими, и мои нажишые за службы и за крови помѣстья и опчины, всѣ въ скоромѣ времени въ Казани взяшы, а челобитья моего, холопа швоего, словеснаго и челобитной не принято до Пустоозерскаго оспрогу годѣ, или слишкомѣ. А принявъ челобитную къ тебѣ, Великому Государю, швоего Государскаго милосшиваго указу за безвинность свою и за службы и крови и непрестанныя свои работы, и за великия свои прибыли не дождусь, какъ обычай во шмѣ сѣдящимѣ свѣшѣ видѣть; не вѣдаю, донесеналь до тебя, Великаго Государя, или нѣшѣ, годѣ и два мѣсяца, и нѣшѣ милосшиваго швоего указу Государскаго. Общая, Великій Государь, невинность моя, холопа швоего, и Докшора Стефана и переводчика Николая. А какъ, Великій Государь, по вашему Государскому указу миѣ, холопу швоему, невинныя вины въ Казани сказываны, и Докшора Стефана и переводчика Николая въ шой швоей, Великаго Государя, грамо-
тѣ

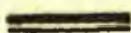
тѣ и вѣ винѣ невинной не именовано, и пошому чаяніе мое, холопа швоего, что имѣ не шакѣ учинено одного дѣла, и извѣшу воровскаго, какѣ надо мною, холопомѣ швоимѣ, учинено, и вѣ томѣ воля швоя Государская; однакожѣ мы холопи швоя обидимые должны милосши просишѣ какѣ винные и невинные. Указы ваши Государскіе писашѣ, кошорымѣ вѣ равномѣ дѣлѣ невиннымѣ и вѣ равномѣ дѣлѣ виннымѣ не равная милосшь показана. Глаголетѣ нѣкшо, Великій Государь, учишель мудрый: испинна и судѣ Господь естѣ; швориши же истинну и судѣ Господень естѣ, а Господь глаголетѣся Богѣ. И самѣ Господь Богѣ рекѣ; милосшивый человѣкѣ угодобися милосшивому Богу. Великій учишель Григорій Богословѣ глаголетѣ: ни чимѣ бо шакѣ всѣхѣ, яко милосшию, Богѣ угождаешя, яко ниже свойственнѣйшее иного сего Богу, Ему же милосшь и испинна предшешествуюшѣ, и Ему же просишельно прежде суда. Вѣ законѣхѣ, Великій Государь, Божіихѣ, вѣ пятыихѣ Моисеевыхѣ книгахѣ вшорый законѣ писанѣ: аще станешѣ послухѣ

неправдивъ на челоѡвѡка, има же естѡ
 прѡя предѡ судїи, иже будутѡ въ
 шья дни, и да испытаютѡ ихѡ судїи
 прилѡжно, и да не пребудетѡ по-
 слухѡ единѡ въ послушество на чело-
 вѡка по всякой винѡ и обидѡ и по
 всякому грѡху, иже аще согрѡшишь,
 но при устѡхѡ двою свидѡтелей, или
 трїехѡ, да станешѡ всяко слово. Въ
 вашемѡ же, Великій Государь, указѡ
 и въ Соборномѡ Уложеньѡ напечатано,
 глава 2, 12 снашья: буде кто на ко-
 го учнетѡ изѡвѡщать ваше Великаго
 Государя великое дѡло, а свидѡтелей
 на шоль свой изѡвѡтъ не посшавитѡ
 никого, и ни въ чемѡ не уличитѡ, и
 сыскашь будетѡ про такое дѡло нѡ-
 чемѡ, и про такое дѡло указѡ учи-
 нишь по разсмотренїю. А отецѡ твой
 Государевѡ, приснопоминаемый блажен-
 ная памяти Великій Государь Царь и
 Великій Князь Алексѡй Михайловичь,
 Великія и Малыя и Бѡлыя Россїи Само-
 держецѡ, въ двадесять пятое лѡшо
 возраста своего, въ третїе лѡшо Бо-
 гомѡ хранимая своя державы, со Свя-
 тѡйшимѡ Іосифомѡ, Патриархомѡ Мо-
 сковскимѡ и всея Россїи, и со всемѡ
 освяч

освященнымъ Соборомъ и съ Бояры и съ Окольничими и со всею Палашою и съ чины ошъ большаго и нижайшаго совѣшававъ о уложеніи книги, кошорую за благословеніемъ Божіимъ и его Государскимъ указомъ учинили и руками утвердили; а первое въ предисловіи постановили, что быти суду и справѣ во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ равно. Повели своей Государской Палашѣ разсмотрѣши и разсудити милосердо; вспомяни Божіе слово, чрезъ Пророки глаголанное, Исаія глава 5: Егда обрящете мужа шворяща судъ и ищуща правды, милосердѣ буди ему. И Іезекіиль, глава 18, глаголетъ: Аще снабдяшъ вся заповѣди моя и сотворятъ судъ и правду, и вся согрѣшенія, елико будешъ сотворилъ, не помянуся ему. Кая милость, благочестивый и милоспивый Великій Государь отъ Бога, и присвоеніе къ Нему, и чаяніе воздаянія отъ Него, видя меня невиннаго раззорити и совлещи съ меня единаго неимѣющаго помощи, и обещи другихъ, кошорые и безъ кровавыхъ моихъ пожитковъ были изобильны? Ни кій же прибытокъ

только непрестанныя слезы ко Все-
 высочайшему на обидимыхъ. Кая слава,
 кая похвала, что меня, холопа шво-
 его, съ червемъ моимъ и съ сироты умо-
 ришь голодомъ за работы мои, но за
 едину ненависть и злобу, приносимую
 къ тебѣ Великому Государю неправед-
 но? На которыхъ вамъ Великимъ Госу-
 даремъ, опцу швоему Государеву, бла-
 женная памяти Великому Государю, и
 тебѣ Великому Государю бивали че-
 ломъ городами, уѣздами и иными
 многими особными челобитьями, и
 тѣмъ ваша Государская милость пока-
 зана, не совлекли съ нихъ и иныхъ
 не облекли: а я, холопъ швой, не-
 имѣющій помощи, раззоренъ завистію,
 приношеніемъ приснонеправеднымъ при-
 сѣдѣщій, и укрѣпился гнѣвъ швой Го-
 сударской не по винѣ. Сіе како не
 люшо! и опъ печалей люшыхъ обливаю-
 ся слезами. Кто не восплачетъ бого-
 бонщійся, видѣвше сія? А больши се-
 го биши челомъ и пишеть въ чело-
 битьи своемъ къ тебѣ великому Го-
 сударю не смѣю, и иное слезами мои-
 ми кровавыми предъ Сопворшимъ всячес-
 кая зашру. Умилостивися, милосшивый
 Ве-

Великій Государь! вспомяни Божіе
 слово къ премудрому Царю и право-
 судному Соломону, еже рече: Занеже
 не просилъ еси богатства, ниже про-
 си души врагъ твоихъ: но просилъ
 еси себѣ мудрости и разума, да по-
 слушаеши суда, и се сошворю по гла-
 голу твоему: се дамъ ти сердце
 смысленно и мудрость, якоже не былъ
 мужъ предъ тобою, и по тебѣ не воз-
 станетъ ни единъ мужъ подобенъ ти
 во Царѣхъ во вся дни твоя. Умилос-
 сердися, благочестивый Великій Госу-
 дарь Царь и Великій Князь Феодоръ
 Алексіевичъ, всея Великія и Малыя и
 Бѣлыя Россіи Самодержецъ! вспомога-
 ни милость отца твоего Государева,
 благочестиваго и приснопоминаемаго
 блаженныя памяти Великаго Государя
 Царя и Великаго Князя Алексѣя Михай-
 ловича, всея Великія и Малыя и Бѣ-
 лыя Россіи Самодержца, Государя пре-
 милосердиваго, и свою Государскую пре-
 многую и неизреченную ко мнѣ и къ сы-
 нишку моему убогому червю милость;
 и работы и крови мои, какъ въ пер-
 вой моей, холопа твоего, челобитной
 писано, и невинность мою и всеконеч-
 ную

ую мою бѣду и раззореніе и кровавыя
мои слезы видя, возгласи спрашнымъ
своимъ Государскимъ и праведнымъ
судомъ, да исчадія ехидина, поядоу-
щія насъ, холопей твоихъ, отъ вашего
Государскаго гласа устрашася отбѣ-
гнушъ. Буди яко орелъ высокопарный,
покрый гнѣздо свое, Богомъ дарован-
ное. Премудрый во Царѣхъ Соломонъ
въ Пришчахъ, глава 20, глаголетъ: Егда
Царь сядетъ на престолъ своемъ, не
станетъ прошиву очю его ничтоже
лукаво. И паки шой же глаголетъ:
милость и истинна обыдетъ престолъ
его въ правду, въ родъ и родъ до вѣ-
ка, буди буди. Повели, благочестивый
Великій Государь развѣяти повелѣні-
емъ своимъ Государскимъ плевелы ихъ
и зло, ихъ ядъ и сосавы, ложные
подавляющіе насъ безвинныхъ холопей
твоихъ, помощи и заступленія обна-
женныхъ и оппорженныхъ, умиленно
предъ высокимъ престоломъ вашимъ
Государскимъ подражашельно со спра-
хомъ отъ усердія нашихъ душъ при-
лѣжное рабское поклоненіе до лица
земнаго, съ горькими и кровавыми
сдевами множественно полагаемъ, да про-

престануть наши кровавыя, непрестан-
 ныя невинныя слезы на обидимыхъ, дон-
 деже къ намъ, холопомъ твоимъ, въ
 мѣсто плачевное, въ Пусто Озеро,
 гласъ паки плачевный и толико скорб-
 ный, и яко истиннымъ боголюбомъ
 не возможно не плакати по писанно-
 му: и бысть плачь великъ, воздыха-
 ша начальницы и старцы и юноши и
 дѣвы, и всякъ сѣдящій въ печали, о
 преспавленіи и о пресѣченіи смертномъ
 благочестивыя Великія Государыни Ца-
 ревы и Великія Княжны Ирины Ми-
 хайловны и опшествіи ея въ небес-
 ныя обители. И сего ради преспа-
 венія и упокоенія души ея въ царствіи
 Божіи и ослабѣ души ея отъ грѣхъ,
 какъ глаголетъ великій учитель свя-
 тый Григорій Богословъ: Нѣсть бо
 праведника, иже что неимуща грѣха,
 аще и единъ день житія его. Паки
 просимъ милости о своемъ невинномъ
 раззореніи. Въмѣсто милосыни, гла-
 голетъ святой и великій безсмертный
 умъ, Аѳанасій Александрійскій: Аще и
 на воздухъ во благочестіи скончавый-
 ся положенъ бысть, не оприцайся
 масла и свѣчь, Христа Бога призывая

запалиши; пріятно бо естъ сіе Богу; и многія сія приносяща воздаянія; аще и праведникъ, да мздамъ приложеніе будетъ. Повели возвратиши раззореніе наше невинное, даждь славу и благодареніе своему Государскому имени, и вели насъ изъ сего зоключенія взяшь и живишь намъ бѣднымъ, гдѣ швоя Государская премилоспивая воля будетъ, чтобъ намъ бѣднымъ и зоключеннымъ прежде времени со всякихъ нуждъ душъ не извлещи. Умилися, пресвѣтлый и милоспивый Великій Государь, и виждь, яко смиренны десцію и шруждаемся въ бѣдахъ, во гладѣ, въ дымѣ, въ спудени и во всякой нуждѣ. Не должно холопи швой у шебя Великаго Государя чрезъ кровавыя свои слезы милоспи просимъ: съ голоду страждемъ и не можемъ части мяса купить; да не токмо, Великій Государь, мяса, или калачъ, или иныхъ пошребныхъ нуждъ, ей ей и хлѣба на двѣ деньги купить не добудемъ, нѣтъ и не знаютъ шого съ почашку, какъ почали по вашему Государскому указу живишь въ Шустоозерскомъ ошрогѣ; единъ борщъ ядятъ,
да

да прибавливакшѣ по горсти муки ржаной; и шо, Великій Государь, проживочные люди ядншѣ, а убогіе единѣ борщѣ, да и шомѣ не родишся въ Пустоозерскомѣ, привозяшѣ съ Ижмы; да не шокмо, Великій Государь, купишѣ, милостины имени ради Божія выпросишѣ не у кого: сами межѣ себя просяшѣ, и дашѣ не кому и не чего, и бредушѣ врознь глада ради, и достпальные Государь въ шомѣ же путь смошряшѣ. А у меня, холопа швоего, что ни взято было, и лѣѣ запасенка перемѣнами, переводоками, горами, водами, порогами, пошоплено, помочено, погнило, разсыпано, разбросано, разкрадено, съ голоду разшерна, мало что до Пустоозерскаго довезено, и въ шомѣ нашемѣ безвинномѣ раззореніи, и въ такой нуждѣ и голоду, ничшоже намѣ, холопомѣ швоимѣ, чаешся, шочію смершѣ, послѣдспвующая ошѣ скудосши всякой. И сего ради милосши просимѣ. Аще совершенной милосши недосшойни и свободишѣ насѣ до своего Великаго Государя указу безвинно страждущихѣ чешвершой годѣ и раззоренія нашего

не-

невиннаго возвратити не велишь, вели насъ, холопей своихъ, перевести въ деревнишки наши въ хлѣбныя мѣста, и вели насъ съ сиротами нашими за невинность нашу и раззореніе наше странное, невинное, нищетное, кормишь, давать хлѣбъ и денежной кормъ на харчъ изъ нашихъ невинныхъ взятыхъ пожипченковъ, какъ тебѣ Великому Государю Господь Богъ милосердый повелишь. А по вашему Государскому указу и винныхъ и къ смерти приговоренныхъ по винѣ, и тѣхъ кормяшь; а мы, холопи швой, спраждемъ и умираемъ съ голоду безвинно, и непрестанно горькими и кровавыми слезами обливаемся, и отпущенія у Господа Бога просимъ на тѣхъ, которые насъ безо всякія нашей вины оплучили отъ вашей Государскія милости и раззорили неправедно, злобы, ненависти и зависти ради. За совѣсть свою неправую мнози, Великій и милостивый Государь, невинны оболгуемы отъ злобы и зависти страдали, не шокмо я, холопъ швой, червь, съ червемъ моимъ бѣднымъ, но и благородные величествомъ имени и

Архіе

Архіереи Богу угодившіе, и иные мнози славные укоризну, поношеніе, заточеніе, ошѣ мѣснѣ своихъ воспріяли; да не сіи почію, но и самъ Сласситель нашъ досажденія и укоризны пріянѣ ошѣ рода лукава: глаголаху окаянніи и шупоумніи: бѣсамашѣ, и ажепророкъ и ядца и винопійца, мышарямѣ и гѣшникамѣ другѣ, и о Велззулѣ, князѣ бѣсовшемѣ, изгонитѣ бѣсы, не воспоминая реченнаго слова, еже рече имѣ: испышайте писанія. А мы, холопи твои, уповаемѣ на всемилоспивѣйшія щедробы Его, и на тебя, великаго и милоспиваго Помазанника Его, благочеспиваго Царя; и сія вся со благодареніемѣ шерпимѣ, возлагающе вся на Него, судящаго праведно по писанному: моя месѣ, азѣ воздамѣ, глаголетѣ Господѣ, вѣ неправдѣ. Правду, благочеспивый и милоспивый Государѣ, виждѣ, и вѣ шолікомѣ злѣ плавающимѣ и упопающимѣ челоѣколюбіе подаждѣ и милосердіе; милоспни, умиленія, оспрады просимѣ. Премилоспивый Царѣ Государѣ! смилуйся.

=====

*Третія чело витная егожъ Боярина Арте-
мона Сергѣевича, посланная изъ Пусто-
озерскаго острога по 189 году съ ссыль-
нымъ съ Самарскимъ Офицеромъ, съ
Васильемъ Пастухопымъ.*

Царю Государю и Великому Князю Фе-
одору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя
и Бѣлыя Россіи Самодержцу, Государю на
всей селеннѣй единому Христіянскому,
православному, озлобленные спранно,
и раззоренные до конца и опшоржен-
ные отъ вашей Государскія превысокія
милоспи безъ вины, и започенія въ
ссылкѣ, на послѣдней чертѣ къ Пу-
стому морю, и за карауломъ жесто-
кимъ въ шѣсношѣ сѣдящїи и ни отъ
кого помощи и заступленія не имѣю-
щїи, развѣ всесильнаго и всевысочай-
шаго Царя Царемъ и Бога, и себя
Великаго и милосердаго Государя,
бьютъ челомъ холопъ швой, Аршемош-
ка Машвѣвъ съ убогимъ червемъ съ
сынишкомъ моимъ Андрюшкою предъ
высокимъ престоломъ вашего Царскаго
Величества верженіемъ главъ нашихъ,
лица до лица земли преклоняемъ, и пла-

пла-

плачливую пѣснь на землѣ чуждей и
 вѣло злоубогой и всякой пищи ли-
 шенной и горькослезной, непрестанно
 воздыхающе и спеняще со всякихъ
 нуждъ отъ жителей, живущихъ на
 ней, такожь и мы, холопи твои,
 шужь плачевную пѣснь поюще, паки и
 паки бьемъ челомъ. Великую нѣкую
 по сердцу Божию избранный мужъ и
 Царь и царственнѣйшій Пророкъ Да-
 видъ помощь себѣ чувствуя, разгнѣ-
 ванную, или косную ко услышанію Бо-
 жію упробу плачемъ своея тѣсношты
 преклоняешъ, глаголя: Приклони Госпо-
 ди ухо твое, и услыши мя, яко нищъ
 есмь азъ и убогъ, во скорби сердца
 моего. Имашь бо сіе свойство Божіе,
 еже присно въ тѣсношѣ просящихъ
 послушати, отъ него же образъ прі-
 емшии мы, холопи твои, по Бозѣ убо
 у высокаго престола вашего Христа
 Господня падаемъ, обиду и странное
 разореніе наше оплакиваючи слезно.
 Аще бо Богъ обѣдныхъ слезами удобъ
 примиряешся, то кольми тебѣ Христу
 Его по долгу подобаешъ подражати
 Помазашеля на царство. Въ нія сте-
 пени велехвальный и славный Царь

Александръ Македонскій, языческій Государь, оружіемъ бывъ предъ многими вои и иныхъ множайшихъ, цѣломудрый же яко воисшину мужъ и Владычнихъ хранишель заповѣдей. И вамъ, Христіанскимъ Великимъ Государемъ обычаями своими подобенъ нѣкогда себѣ вопрошающимъ, вскую бы жалобы, челобитье послушая, едино ухо зашворялъ, другое ошверсто хранилъ? Славенъ, страшенъ, удивителенъ, умилителенъ, милосивъ опѣлъ Царь премудрый и рашоборный подаде, рече: Обидимымъ сохраняю, и всю мою мудрость привожу къ познанію благонравія моего. Велию мудрость, еже благое отъ злаго распознати знаешъ, себѣ вѣчныя славы желая, или воздаянія небеснаго чаяше. Мы, холопи твои, Христіанскаго ушесе обидими у вашего высокаго Царскаго престола просимъ, еже и одержаши надежды не погубляемъ, вѣдуще васъ Великаго Государя Христіанскаго Царя памятовашъ, еже великій Архіерархъ Мелетій Папа, и Патріархъ великаго града Александріи, и блюститель и судія се-

ленъ.

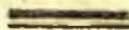
леннѣй престола Константинопольской славы и учитель глагоleshъ: Имѣннѣй слухъ обидимымъ опворенѣ, неправдующимъ же прельщеннымъ, и увѣреннословіемъ зашворенни же, усумнѣваяся васъ, земнаго Царя, и небеснаго убо царства желаша, еже ешь безъ дѣлъ возбранно. Сугубаго плача съ пролипіемъ слезъ прошеніе наше, холопей швоихъ, вамъ Великому Государю внесохомъ; двоякій убо насъ страхъ содержащій: гладъ бо насъ страшишъ смершю, а смершь спрашишъ голомъ. Вопіемъ къ шебъ, Великому Государю Царю милосердому, по преспавленіи въ небесныя обихели блаженныя папши благочестивѣйшаго и во православіи пресвѣшло сіяющаго во Царехъ всея селенныя Христіянъ, Великаго Государя Царя, опца швоего и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Реликія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Государя премилоспиваго, въ вѣчную жизнь, шестое лѣто наста, и не услыша насъ, холопей швоихъ, вопіющихъ, вскую, Великій и милоспивый Государь, показаны намъ бо лѣани, непрешанныя смущенія еер-

децѣ, горестъ неуѣшимая, спрахомѣ
вашея Государскія опалы, умираемѣ на
всякое время, прошиву намѣ, холопомѣ
твоимѣ, судѣ бысть въ гладѣ, въ
жаждѣ, злоспраніи, во хладѣ, въ
нагошѣ, внѣ уду навѣшующая, внутрѣ
уду противодѣющая гоненія, узили-
ща, спражду, яко львы рыкающе,
Богу снабдѣвающу, или на горшая
держашу бѣдныхъ, хотя мы, холо-
пи твои, и не ради живушу, яко
нѣкто написа: не родишия лучше
естъ, или рожденну вскорѣ умрети,
неже злая спраніи невиннѣ. Треть-
ею сею челобитною, хотя указу по
первой и второй не имѣю, докучати
тебѣ, Великому и благоутробному Го-
сударю, понуждаюся напросливо. Нуж-
да времени не знаешѣ, Надѣмся мы,
холопи твои, аще правды ради нашея
не будемѣ ошѣ тебя Великаго и мило-
сердаго Государя помиловани, то до-
куки нуждѣ нашихъ ради будемѣ по-
жалованы, что сотворили, чѣмѣ про-
гнѣвали тебя, Помазанника Божія Хри-
стіанскаго, православнаго Царя? Ка-
кую измѣну учинили, или учинишѣ
хотѣли? Кое недоброхотство показа-
ли,

ли; или показашь хотѣли? О вѣч-
 ный всемилоспивый Боже! Боже, вся
 видимыя и невидимыя швари еди-
 не Содѣшелю! Ты вѣси сердца со-
 дѣшельствованныхъ; Ты вѣси вся пре-
 жде бытія помышленія человѣческая,
 и исповѣсть шья Тебѣ: аще есть не-
 правда въ сердцѣ нашемъ, воздаждь
 намъ. И паки, кое благо вамъ Вели-
 кимъ Государемъ не обрѣшохъ, и коли-
 кимъ безчестіемъ безъ вины завидящу
 поносимъ есмь! Кія болѣзни мимоидо-
 ша меня, холопа твоего, въ пожарѣхъ,
 въ огни, въ рашѣхъ, въ бунтахъ, въ
 посылкахъ и въ смерти! А нынѣ
 превзыдоша ми спо крапъ: язвы не-
 изцѣльными ураняюся. Въ рашѣхъ ошъ
 вашихъ Государскихъ непріятелей и
 ошъ мечей непріятельскихъ проши-
 вился, и ваши Государскія рати за
 помощію Божією блюдохъ, не точію
 свой полкъ, и общіе; а нынѣ мы, холопи
 твои, хлѣбомъ не можемъ накормиши
 плѣло свое; кровь свою испочилъ, ко-
 сти высушилъ, а нынѣ не имѣю чѣмъ
 ублажиши. Юность моя, Великій Го-
 сударь, силу погубила, а старость по-
 коя не обрѣше. Люди въ юности дѣ-

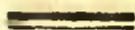
дають, чтобъ старость бѣзъ труда
была; а намъ прошивно: въ юности
сбяхомъ пшеицу, а сѣдина наша по-
жинаешъ волчець. По вашей Государ-
ской милости выслужилъ себѣ въ ра-
шѣхъ и во всякихъ службахъ честь и
славу, а нынѣ не съ рашію кровавою
и не въ трудахъ, но со голодомъ бо-
ремся, срамоту воспріемлемъ и слезы
выливаемъ надъ нуждою непрестанно.
Аще бы я, холопъ швой, вѣдалъ то-
гда будущее мое зло, избралъ быхъ
со прочими умерети, нежели жити. Но
не шакія, Великій и милостивый Го-
сударь, я, холопъ швой, чаялъ на
старость свою милости. Рабошалъ оп-
цу швоему Государеву, Великому Госу-
дарю, зналъ совѣты всякіе, когда и
не причтенъ былъ къ высокому лику
вашей Государскія Палаты; не сидѣлъ
съ Бояры, а шайну вашихъ Государ-
скихъ дѣлъ полковыхъ, рашныхъ, по-
сольскихъ и иныхъ всякихъ пошор-
жнинъ вѣдалъ, радѣлъ, промышлялъ,
прилѣжалъ, какъ писано въ челобитьи
моемъ, холопа швоего, первомъ, и за
то имѣлъ милость, славу и честь отъ
ошца швоего Государева Великаго Го-

сударя. Туюжъ милость и отъ тебя, Великаго и милосердаго Государя, видѣль, покамѣшъ предъ лицемъ Вашего Царскаго Величества стоялъ. Равно шебъ Великому Государю работалъ Евангелія вѣры, дондеже не обыде мя ненависть и злоба и зависнь; усматривалъ по времени дѣла, какъ, Государь, Богъ вразумлялъ, и доносилъ вамъ Великимъ Государемъ, не по выпискамъ и не льготилъ себѣ, какъ прежъ сего бывало; а нынѣ не вѣмъ, всякую тяжесть носилъ на себѣ, и Господь Богъ, видя правую мою работу къ вамъ Великому Государю, а злобшвующими на мя шуне и всуе отъ того высокаго дѣла вашимъ Государскимъ указомъ учинилъ, отъ шѣхъ дѣлъ мя безъ пороку свободна, а послѣднюю свою работу я, холопъ швой, шебъ Великому и милостивому Государю и должность рабскую извѣсно учинилъ въ швоей Великаго Государя комнашѣ, при швоихъ Великаго Государя ближнихъ Боярехъ, что уже доходитъ время съ самымъ приближеніемъ договоровъ Андрусовскихъ, и Московскому поставленію, и размѣрѣ тому жребодаянію

ужь рвется, и кто шверже того раз-
рыву конецъ удержитъ, тотъ будетъ
въ радости. И та моя работа и из-
вѣстъ холопа швоего отъ злобшвую-
щихъ учинилась неугодна, и Послани-
ка Польскаго Чихровскаго мнѣ, холо-
пу швоему, отпустишь не дали, во-
ровскаго ради письма Резидента Нѣ-
мецкаго повѣрили пьяницѣ, вору.
Тѣмъ же аще мы, холопи швои, умол-
чавше не спанемъ биши челомъ, боим-
ся, да не бы или винны, или не желаю-
чи милости ващей Государскія явихом-
ся; и тако понуждаемся биши челомъ
вамъ, Великому Государю, и всякою
кропостію умиленною душею, яко то-
му, о немъ же речеся: Бога бойтешя,
Царя чшитешя. И паки индѣ глаголетъ:
Повинуйтешя, рече, раби Господіемъ ва-
шимъ не шочію кропкимъ, но и шпроп-
шивымъ, во всемъ угождающе, яко
Богу. Не шочію, великій и милосердый
Государь, шогда Богъ благъ есть, ег-
да просимая намъ даешъ; но и паче
шогда Богъ благъ есть, егда просимая
возбраняешъ, да лучшая во свое время
даруешъ. Подобнѣ и вы, Великіе Госу-
дари, царшвующіе землею всегда блази,
аще

аще кому видится злый, когда нѣсть бо
 власть, аще не отъ Бога. Отъ Бога аще
 и видится наказаніе, но благодать естъ
 и благое, въ коемъ наказанніи мы, хо-
 лопи твои, терпимъ. Но буди вамъ
 Великому Государю тако тяжко мило-
 ваши, яко чшущъ въ испоріяхъ Рим-
 скихъ о Тимѣ Цесарѣ, емуже тако
 тяжко бысть не миловаши, яко по-
 знавши день единъ, егоже не сущу
 просяще, кому не сотвори милости,
 солнцу уже познавшу западъ свой,
 восплака и рече: Всю мою мзду, на
 нюже вся лѣша моя шрудился, еди-
 нымъ днемъ возглубилъ; не сотво-
 рихъ бо милости никомуже, воспо-
 минаю себѣ съ высоты; нѣсть бо мило-
 сти не сотворшему милости. Се, мило-
 сердый и милостивый Цесарь, зане ни-
 ктоже проси, и яко не сотвори мило-
 сти тужаще, и всю жизнь свою ни во
 что же почитая. А мы, холопи твои,
 шестое лѣпо непрестанно просимъ, а
 милости не пріемлемъ. За что прогнѣва-
 ся ваше Христіанскаго Царя сердце на
 насъ, холопей твоихъ, и отъ очесъ
 вашихъ отвержены? яко праведно му-
 дрыхъ реченіе на мнѣ, холопѣ тво-
 емъ,

емь, сбьется: старый холопъ, яко старый песъ, прочь съ двора, или подъ лавку. Единъ бысть Цесарь Римскій и Греческій, иже тако возлюбилъ судъ и правду, яко много дней ищущимъ по граду обидимаго не обрѣваху жалобы, якоже и колоколъ повѣсисти у своихъ Августалій, или у покою опочиванія его, да како отгоняеміи не приходилъ съ жалобою биши челомъ. Единою же нѣкоему господину изгнаша коня стараго, якобы непошребна. Сей приде и зацѣпи за колоколъ, и удари. Ощути Цесарь желаемое, услыша, несошворимое милостивое и правосудное ухо посла спросиши, увидѣ звонъ колокола, и уразумѣ, даде судъ съ господиномъ. Господину глаголющу къ Цесарю: старъ есть и непошребенъ мнѣ. Цесарю отвѣчающе, и ты старъ еси убо, непошребенъ еси мнѣ, чуждъ еси имѣній; дондеже могъ еси работати мнѣ, держалъ ты, а нынѣ вонъ, вонъ! О славныя памяти и вѣчныя славы человекъ! Еда ли вамъ Великимъ Государемъ я, холопъ вашъ, не работалъ, яко весьма наслѣдиши мнѣ и

проф

проклятіе праощее : вѣ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ ? И еще я, холопъ швой дерзновенно реку : сугубо паче вздохъ праоща всѣхъ ; тому речеся : вѣ потѣ, капляхъ, а я, холопъ швой, съ червемъ моимъ вѣ кровавыхъ капляхъ нашихъ ядимъ хлѣбъ, подобенъ волцу ; и того недоволи, и съ горькими слезами, вѣры, яко вѣ книгахъ всевысочайшаго Царя Царемъ и Бога, помнишя имя шворящихъ благое. Вина мнѣ, холопу швоему, наведена о прежде бывшей васъ Великаго Государя скорби, Вашего Царскаго Величества Дядьки, ближніе Бояре, Князь Федоръ Федоровичъ Куракинъ, да Иванъ Богдановичъ Хитрово, сказали, что будно я, холопъ швой, вѣ пріемахъ Докторскихъ остатковъ, что послѣ васъ Великаго Государя вѣ пріемѣ оставалось вѣ рюмкѣ, не выпивалъ, и они, твои Великаго Государя Дядьки и Бояре, сказали удивительно, какъ вѣ шакомъ превысокомъ дѣлѣ, не упомянули сказашъ, какъ было, и чаяшъ отъ того, что вѣ памящихъ нѣкое смущеніе учинилось, что шакъ сказашъ упомянули. А я, холопъ

лопѣ твоей, какъ въ первомъ своемъ челобитиѣ написалъ, такъ и нынѣ пишу и бью челомъ, и въ томъ свидѣтельствуюсь Господемъ Богомъ, и вами, Великимъ Государемъ: прежде, Государь, Докторы накушивали, потомъ Дядьки и Бояре, потомъ я, холопѣ твоей, накушалъ, поднашивалъ къ тебѣ Великому Государю; а что оставалось, я, холопѣ твоей, послѣ твоего Государскаго приему вылью изъ рюмки на ладонь, и выпивалъ предъ тобою Великимъ Государемъ. А хотя бы и не выпивалъ, и за то вины наложитъ на меня, холопа твоего, не за что. Вина бы моя, холопа твоего, была, чтобы я, холопѣ твоей, не накушалъ, а твои Великаго Государя Дядьки и Бояре и того не сказали, что они накушивали, или нѣтъ. Спрашивали меня, холопа твоего, о Докторахъ, а наложили на меня, холопа твоего, вину безъ вины, и разоренъ туне. Радѣлъ я, холопѣ твоей, желалъ истинно со всякимъ усердіемъ и съ чистою совѣстію всякаго вашего Государскаго здравія, и ваши Государскія ноги омывалъ, начаснѣ много-
грѣш-

грѣшными своими слезами ко Господу Богу о вашемъ Государскомъ здравіи , и въ томъ свидѣтель ми есть Господь Богъ и Ваше Царское Величество, и не устращуся всеисстиннѣ спашаи въ пришествіе всѣмъ страшнаго суда Божія, когда явлена и изъявлена будетъ истинна, и покажетъ, кто кого естъ достоинъ. По семъ нѣцымъ, подущеніемъ отъ любящихъ любохошнѣ оболгати ближнихъ своихъ, вмѣняющъ намъ, холопомъ швоимъ, его же никогда же отъ насъ чаеся, свидѣтель намъ естъ Сѣдѣй на Херувимѣхъ и Видѣй бездны, отъ Него же и шма не помрачися. Глаголютъ воры и глуцы, ошца злобы и пагубы отъ царства подаемыхъ, рекше: духи въ палашишкѣ моей быши, члю ниже кто въ правду ума чуждѣ, и явственѣ неисповѣ глаголати можешъ. Но ничтоже, милосердый и Великій Государь, чудно, аще прелюбодѣйствуешся за ненависть отъ враговъ моихъ на насъ, и оною плєю раслѣваешся, сегожъ и раззореніе пріятъ, и въ прежнихъ бывшихъ родѣхъ та же злоба и ненависть и зависть дѣйство

ство свое чрезъ лукавыхъ и небоящихся Бога шворила, какъ блаженныя памяти при Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Василіѣ Ивановичѣ, всея Россіи Самодержцѣ, надъ Болриномъ надъ Крюкомъ Колычевымъ учинено ошъ вора Тушинскаго. Написали на Москвѣ грамоту, и подали ему грамоткою, и въ то время повзвали его къ Государю. Онъ, услыша ошъ званыхъ, поиде съ поспѣшеніемъ; а шѣ писавшіи и коваршвующіи съшою грамоткою привели его къ Государю, и извѣспили: вошъ швой измѣнникъ! Онъ же, о сихъ ничшо же вѣдая, и поспрада неразсмотреніемъ безъ вины до смерти. На шѣхъ же, Великій Государь, исполняешся коварныхъ Божіе слово: Иже рѣсте во шмѣ, на кровѣ проповѣспся. Чаяли, что шо будетъ ушаенно и не знаемо, не шокмо, Великій и милоспивый Государь, шѣ зависшницы и убійцы явно въ шо время показали, но и нынѣ правнучата шѣхъ и иныхъ родовъ зряшъ, кто шакое злохипрспво учинилъ, и память ихъ впредъ поминашися будешъ слово ошъ слова, и

во иныхъ раждаетъ память и шворитъ до скончанія вѣка благую и злую. А при дѣдѣ швоемъ Государевѣ, блаженныя памяти при Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, всея Россіи Самодержцѣ, Государѣ милосливомѣ, такожде ненависти ради подкинули письмо воровское, въ то время еще будучи въ Стольникахъ, на Боярина Илью Даниловича Милославскаго, будто онъ имѣетъ у себя перстень волшебной Думнаго Дьяка Ивана Грамошина, и по тому воровскому письму немного не пришелъ въ конечное раззореніе: былъ за приславомъ многое время, живошты пересмашриваны и запечашаны были, и ничего не найдено, и шѣмъ отъ шѣхъ подметныхъ писемъ и милостію и заступленіемъ богобоязливыхъ людей, и за свою невинность свобожденъ, и не такъ надъ нимъ учинено, какъ надо мною, холопомъ швоимъ; и у меня живошты пересмашриваны, и такожде ничего злаго не найдено, а честь наша и дворы, и живошты, и помѣстья, и опчины взяты безъ вины. А при опцѣ шво-

емъ Государевъ, блаженныя и присно-
поминаемая памяти Великому Государю
Царю и Великому Князю Алексію
Михайловичю, всея Великія и Малыя
и Бѣлыя Россіи Самодержцу, Государю
милостивому, такожде зависію и
ненависію на оплученія извѣтъ былъ
составной же и наученой о волшеб-
ствѣ на Боярина Семена Лукьяновича
Стрѣшнева, и за шотъ извѣтъ стра-
далъ невиннѣ, честь была опята,
и сосланъ былъ на Вологду, а живо-
ты, и помѣстья, и опчины, и дво-
ры не опята. Да и на многихъ,
Великій Государь, такихъ воровскихъ
писемъ было; а на иныхъ и въ смерт-
номъ спраху были, только они не
вспоминали того, и своею невинно-
стію намъ невиннымъ помощи не учи-
нили, какъ имъ помощь чинена. А я,
холодъ твой, опъ ненавидящихъ
и завидящихъ при отцѣ же своемъ
Государевъ Великому Государю не мно-
го не пострадалъ: такожде воры, со-
ставя письмо воровское подмешное,
кинули въ грановитыхъ сѣняхъ и въ
проходныхъ, и хотѣли учинить Бо-
жіей волѣ и отца твоего Государева
Ве-

Великаго Государя намѢренію, и къ
 супружеству второму браку препону,
 а написали въ письмѢ коренья. А
 всеильный Богъ елико восхошѢль вы-
 ше еспешва и разумѢнія неразумной
 и смертной пвари сошворилѢ, и вся-
 кую злую мысль человѢческую далече
 отъ судебъ своихъ отпринулѢ. Еще,
 Великій Государь, въ то время зави-
 дящій мнѢ, холопу швоему, всячески
 умышляли, чѢмъ бы оплучить отъ
 вашей Государскія милости. Съ того
 же образца и совѢсту лукавыхъ и НѢм-
 чинѢ Датской письмо съ дороги отъ-
 ѢхавѢ прислалѢ воровское съ надеждою;
 а довелось было, премилостивый Ве-
 ликій Государь, вора пьяницу съ до-
 роги возвратить и дать намѢ очная
 ставка. Мы же, холопи твои, во всѢхъ
 своихъ работахъ и въ вѢрной своей
 службѢ, и во всякомъ доброхотствѢ,
 уповаемъ на щедроты всевысочайшаго
 Бога, по семѢ на ваше Государское
 разсмотреніе; очищалися, и очищаем-
 ся, и очищати себя въ невинности сво-
 ей и впредь будемъ. Услыши, пре-
 милостивый Государь, что глаголетъ
 Господь ко Іереміи Пророку: Прежде,

неже создахъ ся, во чревѣ познахъ
 ся, и прежде, неже изыши ти отъ
 мамери, освясихъ ся, Пророка во язы-
 ки дахъ ся. Сей блаженный Пророкъ
 глаголетъ: Въ дебелое сіе плоче обле-
 ченнымъ, занеже якоже не мощно
 превзыти свою сѣнь, и зѣло спѣша-
 щуся или зримымъ приближашися вра-
 ку безъ сущаго въ средѣ свѣта и воз-
 духа, или водѣ въ плавательному есте-
 ству проползашися: тако не мощно
 сущимъ въ шѣлѣ безшѣлесныхъ видѣ-
 ти. Ездра же премудрый и по Про-
 роческомъ безчисленномъ страданіи лю-
 томъ, и по нашествіи брани, и избіе-
 ніи всѣхъ, и по сженіи книгъ, въ се-
 го паки мужа чуднаго вдохну, яко
 еже изложисися, и останковъ сложи-
 ти сошвори. Сей пишеть въ кни-
 гѣ своей 3, глава 6, и глаголетъ:
 И бысть тогда духъ, и тьма
 окрестъ ношашеся, молчаніе, шумъ
 гласа чловѣча, не бѣ сошворенъ отъ
 тебе: тогда глаголабъ еси отъ со-
 кровищъ твоихъ воздаши свѣтѣ свѣт-
 лый, иже освѣти дѣла своя. И па-
 ки свяшый Аѳанасій Александрійскій
 въ словѣ 40 на святое крещеніе гла-

голетъ : Впорый свѣтѣ Ангелъ перваго свѣта ошнокъ нѣкій, или причастіе къ помужде маніемъ, и служеніемъ просвѣщеніе имуще, и проповѣдаючи образъ невидимаго Бога; претій свѣтѣ человѣкъ, иже внѣшнимъ явленъ естѣ. Виждь, благочестивый Великій Государь, духи чистыи и нечистыи, невидимыи; а о человѣкѣ глаголетъ, иже и всѣмъ явленъ. Обрѣшаю же и Маноя древняго онаго судію глаголюща: Погибохомъ, о жено! Бога видѣхомъ, понеже лучше зрѣніе ощути, нежели по его естеству и силѣ. А сіе, Великій Государь, образъ сходящельный, а не по естеству духъ чистъ; онъ же и Ангелъ именовася, и отъ сходящельнаго образа страха ради глаголетъ: Бога видѣхомъ, и пакы да видятъ ненавидащій мя и слышатъ. Езекій Царь во святилище пришедъ и ризу растерза, слезъ же проливъ источникъ и руки на небо воспростеръ, и рече: Видѣлъ ли еси, Господи! да не премолчиши, и не согласи убо прошеніе; но и ощути дѣломъ свое неистовство богоборецъ, и ошуде бездѣленъ съ прещеніи отъ

нѣкія невидимыя силы, нападшія вне-
 вапужѣ; а уби пристра восемьдесятъ
 пять тысячъ Ассиріянѣ. Виждь, благо-
 чеспивый Великій Государь, что не-
 видиміи духи служеніе и посланіе аг-
 гелы люшыми, на казнь аще и опа-
 доша предложеніемъ, но подѣ игомъ
 лежатъ работѣ. Понеже Ангелъ свящѣ
 послужили искушенію не повелѣваемъ
 естъ, сего ради бѣсове на сіе повелѣ-
 ваеми суть. Учитель великій свя-
 тый Василій, царствоваше и надѣ
 страхами шѣла, имѣя столпъ огнен-
 ный до небеси, въ бесѣдѣ 8, въ ше-
 стодневной книгѣ своей глаголетъ:
 Бѣ нѣкое старшее міра бытіе, поста-
 вленіе премирнымъ силамъ лѣпствую-
 щее непремѣнное, вѣчное, присносущ-
 ное; дѣлажѣ въ томъ всяческихъ зна-
 шель и содѣшель соверши свѣтѣ ум-
 ный, лѣпотствующій блаженству лю-
 бящихъ Господа словесная, и невиди-
 мая естества и всеумнымъ украшеніе,
 елика нашѣ разумѣ превосходящѣ, ни-
 же именованія изобрѣсти можно. Виждь,
 благочеспивый Христіанскій православ-
 ный Великій и милоспивый Государь,
 высокій учитель глаголетъ: Невиди-
мый

мыи естество ниже именованія изобрѣши можно, и превосходитъ такому высокому учителю разумъ. Такимъ ли смердюхомъ, вору одноокому доводчику неистинному Давыдкѣ, и сиротѣ моему глупому карлѣ, пьяному и увѣчному, видѣши духи нечистые, аще и пали, а по естеству своему благи? Глаголетъ святой Аѳанасій Александрійскій въ книгѣ Скрижали, въ вопросѣхъ ко Антіоху начальнику: вопросъ Антіоховъ: чимъ премѣнися существо демонское отъ существа Ангельскаго? Отвѣтъ Аѳанасіевъ: существо не премѣнися, но произволеніе, якоже мысль праведнаго и грѣшнаго. Въ той же, Великій Государь, книгѣ написано о существѣ Ангельскомъ: существо Ангельское ниже зрится человѣческими очима, ниже руками объемлется. Злашоустый же глаголетъ: естество бо благо, предложеніе зло; сего ради человѣкомъ видѣши не возможно. Учитель святой великій Григорій Богословъ, бодрое и неспящее око, но выну въ свѣтѣ небесный премудрости зряще, глаголетъ въ словѣ 18, похваляя мученика Ки-

пріяна, а прочихъ и нынѣ поучаетъ, чтобъ мужественно спояли прошиву кознемъ дѣвольскимъ, реку нѣчто и нашихъ Іереевъ, шайноводительство люди ни благо покоренія, иже въ плачи утѣшеніе, въ благоденствіи страхъ, богатни подательство, убозіи благодареніе. Все на лукаваго и горькаго гонителя оподченія да не являясь мещетъ, да не стрѣляетъ крыяся, да не яко тьмы ратуетъ, да не яко Ангелъ свѣта играетъ и крадетъ въ пагубы и пропасти. Виждь, милосердый Великій Государь, что человекѣмъ духовъ нечистыхъ видѣши не возможно, какъ Пророкъ, такоде и Богословы глаголютъ: да не являясь мещетъ. Какъ сиротинѣ и вору одноокому видѣшь духа нечиста, какъ не являясь мещетъ. Богословъ глаголетъ: да не стрѣляетъ крыяся; какъ одноокому вору, а остронаученному зрѣшь, и сиротинѣ пьяному видѣши духа нечиста, какъ стрѣляетъ крыяся? Богословъ глаголетъ: да не яко тьма ратуетъ. Какъ вору и сиротинѣ тьма ратуетъ, духа нечиста видѣши? тьма ничто ино, только лишеніе свѣта.

Во

Во святомъ, Великій благоутробный Государь, Евангеліи полковомъ отъ Матѳея слово 69, въ недѣлю по крещеніи, толкованіе небеснаго ума злато-глаголиваго Іоанна глаголетъ Господь: Аще кто не родится отъ воды и духа, не можетъ внити въ царство Божіе. Вопросъ: почто же отъ воды и духа, а не токмо единъ духъ доволенъ бысть на совершеніе крещеній? Отвѣтъ: сложенъ есть человекъ отъ души и тѣла составленіемъ, а не простъ; сего ради сугубая, супружная, и сродная, и присная врачеванія на исцѣленіе пріятъ тѣлу; убо видимая вода естествовенная, душѣ же невидимой духъ невидимый. Что, Великій благоутробный Государь, сего ясиѣ: вода плоти видимой, душѣ невидимой духъ невидимый? Не возможно, Великій благосердый Государь, Духа Бога видѣти; не возможно, Великій и милосердый Государь, духа чиста видѣти; не возможно, Великій милосливый Государь, души видѣти; не возможножъ, Великій премилосливый Государь, духа нечиста видѣти. Богъ невидимый, якоже глаголетъ свяшый

Павелъ Апостолъ къ Тимоеею зачало
 280, Царю же вѣкомъ неплѣнному, не-
 видимому, единому премудру Богу; и Ан-
 гелъ невидимый. О немъ же рече святой
 Иоаннъ Дамаскинъ въ книгѣ второй, гла-
 ва 3: ею же существа видѣ, и предѣлъ
 единъ Зиждитель вѣсть. И аггелъ пад-
 шій, онъ же и духъ нечиспный, и дїяволъ
 невидимый. О немъ же Дамаскинъ той
 же глаголетъ: не естествомъ лукавъ
 бывъ, но благъ сый, и во блазѣ бывъ,
 и никакожъ въ себѣ самомъ опъ со-
 дѣшеля злобы, и не лѣшь самовласнї-
 емъ, волею шьма быспъ, и душа че-
 ловѣческая невидима. Той же Дама-
 скинъ святой глаголетъ, и указываетъ
 глава 14, о человекѣ на Григорїя Бого-
 слова, еже онъ глаголетъ: изъ не-
 видимагожъ и видимаго естества со-
 дѣйствуетъ невидимая душа, плоть
 же видимая. Что сего, благочести-
 вый Великій Государь, истиннѣе и яс-
 нѣе? Гдѣ вина моя, холопа швоего?
 Нѣшъ ее. Гдѣ правда вора и сироти-
 ны моего? Во святомъ писанїи нѣшъ
 правды, шолько воровской составъ, лу-
 кавство, ненавистъ. Паки Златоустъ
 глаголетъ къ Колассеомъ, бесѣда 3, о
 ро-

рожденіи Сына Божія прежде вѣкъ, еще непремѣнное невидимаго не являетъ образъ, что возбраняетъ и Ангеломъ образъ быти? ибо и шіи суть невидими. Но не себѣ и душа естъ невидимая, понеже невидимая просто. Сего ради образъ, еще и не шокмо якоже шой и перворожденъ всяя швари, къ Римляномъ нравоученіе 10: Еще бо змія видѣли бы есьмы вгнѣждающагося при одрѣ нашемъ, много бо сотворили есьмы шщанія убити шого: діаволужь вгнѣждаему въ душахъ нашихъ, ничшоужь мнимъ спрадаши люте, но лѣнимся. Виновноеужь, понеже очима шѣлесныма шого не видимъ, и убо сего ради подобаше паче бдѣши и презвитися; чувственнаго бо супосшата ухранитъся нѣкто удобно, невидимаго же, еще не будемъ выну вооружени, не возможно. И паки въ Маргаритѣ въ словѣ 3 о святомъ крещеніи Господни, когда при Іорданѣ Крестителъ и Предшеча Іоаннъ, земный Ангелъ, небесный человѣкъ, ему же пища пружи, глаголетъ ко Христу Богу: Азъ шребую ошъ тебе креститися, шы ли грядеши ко мнѣ? Христосъ

спосѣ же рече къ нему: Остави нынѣ, не видиши ты, еже азъ вижу: не вѣси ли, кто здѣсь стоить, врагъ діаволъ? Молчи, молчи, да не ошупишь сей, побориши того придохъ: сего ради не придохъ Божествомъ нагимъ, обложился вашею плотію, да, не видѣвъ мя нага, опбѣжитъ. Виждь, благочестивый Государь, что не возможно видѣти. Креститель Господень, вемный Ангелъ, не видѣ ни единого духа нечиста; а сиропинѣ моему видѣти многихъ! Не сиропины моего и вора кривога Давыдка разумъ и смышленіе, но самага того вышеписаннаго діавола чрезъ челоуѣки злые, опъ негожъ діавола наученныхъ, всегда діаволъ къ пуши своему пагубному челоуѣкъъ приобрѣшаетъ служащихъ и ему подобныхъ. И паки на первую и вторую и сію мою прешію челоуѣшныя совершеннѣйшее свидѣтельство мнѣ, холопу твоему, на оправданіе и на очищеніе, а врагомъ моимъ и ихъ сославному глупству на обличеніе. Въ Символѣ, еже есть во исповѣданіи вѣры благочестивыя наша Христіянскія, юже благочестивыя Христіянскія Цари

и святѣйшіе Папы и Патріархи, и шѣ освященные соборы седмь, въ нихъ же бѣ высокіе Философы и Чудотворцы, согласенъ гласъ испустившіе, исповѣдаша свое благочестіе, и сіяешѣ исповѣданіе, ни единъ, ни два, ни три, но вси седмь соборовъ отъ востока и запада, полунощія и полудня, ушвердили, яко не токмо разума, или реченія, но и литера возбранена премѣнишь, и въ шомъ Символѣ написали: Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ, видимымъ человѣкомъ, невидимымъ духовомъ благимъ и злымъ. И сіе, Великій Государь, спвержаетъ Іоаннъ Дамаскинъ, книга 1, глава 1: Богъ сый благъ и всякаго блага податель есть, еже полезно намъ познати и видѣти, откры; а еже не можемъ сносиши и видѣши, закры премолча. Вси, Великій Государь, блаженніи Богословцы, яко трубы златокованныя гласъ давши языка своего, яко трубою шумяще, возвѣщаютъ намъ брань и ополченіе пропиву силъ невидимыхъ. Которые жизнь свою имѣли всю надъ чтеніемъ Божественныхъ

ныхъ книгъ, и тѣ написали, что духа числа и духа нечисла видѣши не возможно. А буде кто вашего Царскаго Величества въ палатѣ изъ недруговъ моихъ въ приговорѣ, являя себя въ разумѣ осярошою и высоко зная отъ чишанія, и полагая на себя мудросшь, и мудросшь, Великій и благосердый Государь, всѣмъ настоятельствуешъ, и вся себѣ благая, испиная и правая, и благоразсудная сообщемши имашъ, первое учишъ умудритися, и шако умудряши и совѣшоваши насшавляешъ съ разумомъ; а сія его мудросшь и приговорѣ злобы ради, а не испинны, и для угожденія инымъ злобспвующимъ на мя шуне, и скоросши ради не осмошрѣвся, изъ не искусства Божественнаго писанія, яко же зрящи не зрѣши, и слышаше не слышати. Достоитъ, Великій Государь, слухъ глаголемыхъ пріугошовавшу душу, и очиститъ право къ слышанію, и очистившуся спрасстей, не помраченною радостію, суешными и страхи житейскими, но испышашельную и опвшюду обаирашельную, и пріятъ достоинъ разумъ правды Божія,

и

и прежде приговору испязати въ доводѣ, въ дѣлѣ, а паче въ Божественномъ писаніи опасно испязати за разума, немочное, да не когда останется искра мала, и постыдитъ; но достоитъ разсмотрѣши истинные глаголы, да возмѣришь ему Хришоу въ день воздаянія; приговаривалъ за ненависть мою безъ вины вину, и свидѣльствовалъ истиненъ доводъ вора и сиротины, что они духи нечистые видѣли. И по сему приговору еще покажетъ въ Божественномъ писаніи, кто ошъ святыхъ гдѣ видѣлъ духа чиста и духа нечиста, кромѣ сходительнаго образа и мечтанія, и слогу, и будетъ и покажетъ онъ образъ закрытымъ вещемъ, и сочтенію иже не пріидетъ, и соберетъ раскрапленная капля, и покажетъ гласу образъ, можетъ вѣренъ быти извѣшь, что духи нечистые видѣши, и приговоръ можетъ спати. Обаче сему всему вышеписанному, Великій благочестивый Христіанскій Государь, по Божественному писанію спашись не возможно, и сему извѣшу и приговору всевысочайшій Богъ судъ воздастъ

и Ваше Царское Величество. Пишетъ
нѣкто учитель церковный: еже бо не
вѣроваши лежащему въ книгахъ Божи-
ихъ, и по вносиши отъ своего смыс-
лу, мню многъ глѣвъ Божій нанесетъ
смѣющимъ по шворити. Аще ли, Ве-
ликій Государь, и сіе все вышеписан-
ное не вѣрно мнился дашелю ранамъ
смертныхъ, кто приговаривалъ, что
я достоинъ смерти, и доводъ сирот-
шины моего и вора Давыдка, безъ
всякаго свидѣтельства Божественнаго
писанія вѣренъ; подобно есть шѣмъ,
кто въ полудни, въ самое очищеніе
аера, искалъ солнца видѣти, а о свѣ-
тѣ не вѣровалъ, якобы свѣтъ есть:
И паки, двѣма человекомъ просящимся,
единъ обѣщался мѣрити воздухъ отъ
земли на небо пришыающихъ, ужа
простеръ; другій же посмѣялся, и ни-
же слышати о томъ рекъ бы. Ко-
ему, благочестивый Великій Государь,
достоинъ повѣрити, иже ли искалъ
свѣта извѣдати измѣрити глаголю-
щему, или невѣдущему явѣ, яко гла-
голющему не вѣдать обѣщавшаго вѣ-
дати мудрѣйшій есть? И паки, аще
кто обѣщавъ бы глаголати, коликая по-

почерпала имать море, ниже не вѣдаши, не паки ли невѣдѣнія вѣдомоспѣсть есть мудрѣйшее, и зѣло тако и о невидимыхъ вещехъ и отъ Бога закрытыхъ кому достоитъ вѣ видѣніи и не вѣ видѣніи вѣриши, писанію ли Божественному, или кто приговаривалъ и извѣщчиковъ доводъ ставилъ вѣ правду и испинну, кромѣ Божественнаго писанія и вашихъ Великихъ Государей законовъ, и учинилъ насъ правыхъ и невинныхъ, кромѣ нашихъ винъ и неправдъ, виновными и неправыми, не воспоминая премудраго Пророка Исаію глаголюща: Лютѣ глаголющимъ сладкое горько и горькое сладко, и полагающимъ свѣтъ во тьму и тьму во свѣтъ, преткнулся приговоромъ всяко отъ святаго писанія, несмотреніемъ, или неискушеніемъ, покаши не возможешъ; да воздастъ ему Вышній во дни воздаянія. И еще бы Вашему Царскому Величеству ко оправданію невинности нашея ясно отъ Божественнаго писанія извѣстилъ, что того никогда не бывало, чшобъ кто духи чисты и духи нечисты видѣти могъ, и о семъ чрезъ сію шрешію

челобитную умолчалъ, да не прогнѣваю отъ слушанія Вашего Царскаго Величества слухъ, за что, Великій Государь, безъ суда и безъ очной спавки безъ свидѣтельства раззорены, и въ послѣднюю нищету повержены, и умираемъ со всякихъ нуждъ шуне. А безъ свидѣтелей, Великій Государь, и не въ такомъ невинномъ дѣлѣ приговоры бывающъ отъ законовъ, какъ Богъ узаконилъ. И еще Вашему Царскому Величеству извѣщу: нѣкоему въ Божіи винѣ бывшу и страшно и неотпущенно согрѣшившу, въ исхожденіи изъ Египта, когда сынъ жены Израильянины имя Господне не благослови, имя же матери его Соломія дщи Давріина, отъ племени Данова; и рече Господь къ Моисею глаголя: Изведи клявшаго внѣ полчища, и да возложатъ вси слышавшіи руцѣ свои на главу его, и да побіютъ каменіемъ весь сонмъ. Виждь, благосердый Государь, Божій судъ въ его имени съ свидѣтели той вышеписанный проклятый умираетъ съ возложеніемъ рукъ, а не безъ свидѣтелей. А когда и не сущу закону письменному, и въ

то время имѣли естественной законѣ, а безъ свидѣтелей дѣла въ совершение не приводили, какъ о семъ свидѣтельствуетъ блаженный Аврамій. Седьмъ юнецъ поставилъ на послушество, и рече, яко мой естъ кладязь, и Іаковъ же и Лаванъ холмъ послушествова, нарече законѣ же Моисею перстомъ Божиимъ писанъ. И повелѣ Богъ обрати люди и засвидѣтельствоваши законѣ небомъ и землею, яко и пѣснь начашъ: вонми небо и возглаголю, и да слышитъ земле глаголы устѣ моихъ; завѣшъ же на послушество, не яко душевный суще, но яко больша иныхъ тварей, на страхъ слышащимъ. Божіежъ, Великій Государь, слово въ законѣ и въ благодаши писано: всякъ глаголѣ стаиетъ при двою, или пріехъ свидѣтелехъ. Златоустый же глаголетъ о Божіи судѣ: понеже множицею судѣ пворя, и своимъ рабомъ дастъ имъ равноглаголанія власть. А я, холопъ швой, за что безъ суда, очныя ставки, безъ свидѣтелей раззоренъ, ненавистію безъ вины спранно, и умираемъ шуне и всеу, и за что равноглаголанія мнѣ, холопу твоему, не дано? Не

шочію равноглаголанія, ни мѣста спаша кѣ суду, и не позванъ Вашего Царскаго Величешва указомъ ; рабы и раба мои ваяпы кѣ суду, а я ошверженъ силою ненавидящихъ и шуне поношающихъ мя. И нынѣ у тебя, Великаго Государя, просимъ съ горько-слезнымъ кровавымъ челобитьемъ, что бы, Великій Государь, изволилъ великому Господину Свяшѣйшему Іоакиму, Патриарху Московскому и всея Россіи, и всему освященному Собору, вины ради церковныя, а Вашего Царскаго Величешва Бояромъ и Окольнічимъ и всѣмъ чинамъ вашей Государскія палаты, законовъ ради вашихъ Царскихъ, милосшивымъ и опасно прилѣжнымъ разсмотреніемъ поволишь, въ словеса святая всѣхъ Владыки Іисуса Христа, истиннаго Бога нашего, приникнути, и такую явную Боже-ственнаго проповѣданія и совершенную свѣтлость Свѣта правды, самовидецъ Его Пророковъ и Апостоловъ, и потомъ учителей церковныхъ, небеснымъ Его упившихся ученіемъ, купно и равно согласующихъ, приэрѣши и выписати, и своимъ Царскаго Вели-

чества Боярамъ и Окольникимъ, и всѣмъ чинамъ ваша Государскія палаты, такожде отъ святаго писанія и вашихъ Царскихъ законовъ и уложенія, и изъ доводу составнаго, изъ челобитиенъ моихъ, холопа твоего, выписашъ и донеси до васъ, Великаго Государя. А доводъ воровской, и лютое ихъ и воровское безуміе, и прошивное писанію, и правящаго ихъ ложь въ правду, а истинну въ неправду, Божіимъ писаніемъ и вашими Царскими законы, и вашимъ Великаго и милосливаго Государя повелѣніемъ опринуши, и вѣры нашея истинныя во Христа Бога цѣлостъ отъ всякія тѣмы вышеписанными законы и свидѣтельствы очистишь, и разореніе наше и безчестіе невинное и спранные возвратишь вашею Великаго Государя премилосердою милостию. А что отъ писаній законныхъ чуждо и спранны, и мы, холопи твои, воровскаго ихъ безумія и впредь святаго писанія достоинствомъ, а не лукавствомъ, Вашему Царскому Величеству ложь и составъ воровской обличати нуждѣ ради нашихъ великихъ,

кихъ, непрестанныхъ и нестерпимыхъ
кровопроливающихъ слезъ, понуждены
будемъ Узрять, благочеспивый Вели-
кій Государь, вси челоѡцы. Но общее
воскресеніе духовъ чистыхъ и нечи-
стыхъ, по ихъ естеству, какъ они
отъ Бога сотворены, и на сіе небес-
ное свидѣтельство сшедый съ небесъ
Богъ и бысть челоѡкъ, той рече:
Егда прїидетъ Сынъ челоѡческій во
славѣ Отца своего со Ангелы своими
святыми. Апостоль глаголетъ, къ
Филип. зачало 240: Всяко колѣно по-
клонится небесныхъ, и земныхъ, и
преисподнихъ, сирѣчь весь міръ, Ан-
гели и челоѡцы, праведніи и грѣш-
ніи, и бѣси, и всякъ языкъ испо-
вѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ
въ славу Бога Отца; сирѣчь, да сіе
вси рекутъ: се же есть слава Отца.
Въ словѣ же, Великій и милоспивый
Государь, свяаго Антіоха учишь
пѣщанися повелѣваетъ, и достигнуши
вышній градъ, верховный Іерусалимъ,
въ немъ же свѣтъ немерцаемый сі-
яетъ, неусыпающее око вѣчныхъ благъ
Дашель: тогда узрятъ все естество
духовъ чистыхъ, Ангельское и Архан-
гель-

гельское, елико рачители вышняго Иерусалима будущъ. Абіе ссаши имущъ отъ сосцу утѣшеній его. Виждь, святой, благочестивый и милосливый Христіанскій Государь, что не возможно отъ живыхъ сущу видѣши духа чиста и нечиста, а по общемъ воскресеніи вси человѣцы узрятъ. А я, холопъ твой, на оправданіе правое и истинное православное утѣвержденіе къ тебѣ, Великому Государю, приношу; а сія вся раззоренія случися намъ, холопемъ твоимъ, что мы не предспавлены суду и приговоромъ, ему же Господь Богъ воздасъ; возненавидѣнные бо безъ правды воздвигнешъ Господь, возлюбленные же всеу уничижишъ. А мы, убогіе, нищіе и до конца раззоренные спрашно, невинно, холопи твои, всякое время оплакиваемъ съ пролипіемъ слезъ, и ждемъ въ невинности и въ правдѣ и въ работахъ своихъ кровавыхъ помощи отъ вышняго Царя, и отъ тебя, Помазанника Его, Великаго Государя, якоже глаголетъ премудрость: Цареву сердце въ руцѣ Божіи, и якоже превѣса мѣрила, шако правда у Бога,

дѣла его пріятны Царемъ устны праведныхъ, и похвала Царю, егда на престолѣ сядетъ невинныхъ послушани, и яко винныхъ миловани желаетъ. А Ваше Царское Величество, благочестивый, православный, Христіанскій на вселеннѣи единъ Царь, и твердо разумѣю праведна были, и Богу шя подобна Великаго Государя были милостию по глаголу учителя свяшаго Григорія Богослова, еже учить: Горняя убо единаго Бога, дольняяжъ ваша; Бози будете сущимъ подъ вами. И паки онъ же глаголетъ: да реку что дерзосниѣ, сердце Царево въ руцѣ Божіи, и речеся, и вѣруешся здѣ держава вамъ паче же сего по глаголу Божію, еже рече во святомъ Евангеліи: милосливый бо человекъ милосливому уподобися Богу. Сія ли, Великій Государь, вина моя, что въ разспросныхъ рѣчахъ сироты моего и рабы моей писана, а миѣ наложена безъ вины моей? Сказали онъ въ разспросѣ своемъ, въ присылку Полуголовы Алексѣя Лужина: онъ обыскивалъ на дворишкѣ сироты моего Ивашка Еврея; я, холодѣ швой, книгѣ и писемъ осмаш-

ривалъ и обыскивалъ въ ларчикъ, которой былъ подъ головами, въ то время того осмотру споялъ подъ головами у постели Ивашковы жены его; была въ томъ ларчикъ книга, и шу книгу та Ивашкова жена по приказу мужа своего въ Даишевъ сожгла. Естьли бы та книга была недобрая, для чего было шу книгу подъ мостомъ хоронишь и жечь? А я, холопъ швой, шу книгу подъ головы у постели рабъ своей Ивашковой женѣ хоронитъ не веливалъ, и жечь шужъ книгу Ивашковой же женѣ не приказывалъ. Рабъ мой и раба моя того на меня не сказывали, что я имъ велѣлъ сжечь; а шуль книгу она сожгла, или иную, они то вѣдали, и запечаталъ то слово мукою, и кровію, и смертію своею. А вина мнѣ, холопу швоему, сказана за что? Гдѣ вина моя, холопа швоего, явилась? Повели, Великій и милоспивый Государь, разсмотрѣти милоспиво. Пророкъ Іезекіиль глаголетъ: Да не будешъ къ тому припча сія глаголатися, яко отцы ядоша квасное, чадомъ же зубы ошерпоша; нѣсть бо сіе праведно предъ Богомъ инымъ со-

грѣшати, а инымъ мучитися; но аще кто согрѣшитъ, той мучитися и умираетъ, и чада за отеческіе грѣхи не страждутъ, не почию господіе за рабы; всякъ долженъ о себѣ оповѣсть дажи, во благое, или злое. Явидося нѣкогда, благочестивый Вѣдикій Государь, въ лѣто благочестиваго царствованія отца своего Государева, Великаго Государя, быши нѣкому доводу на нѣкоего, что онъ у святыхъ иконъ оклады для пространства дому своего обдиралъ. Не пострадали родители его, и не спрашиваны, для чего сродникъ вашъ такъ учинилъ; а мнѣ, холопу своему, за что вина наложена? Рабъ мой велѣлъ, а раба моя своровала; мужъ велѣлъ, жена сожгла; а я, холопъ твой, за что виненъ? Мнѣ же, холопу своему, наложена вина, что той книги безъ указу своего, Великаго Государя, и безъ розыску жечь не довелось. Помня страхъ Божій, и твой, Великаго Государя, извѣститъ было о той книгѣ тебѣ Великому Государю; а я, холопъ твой, слыша въ твоей Великаго Государя грамотѣ, не могу познати, какъ та вина наложена

на

на меня, холопа твоего невиннаго. Въ твоей, Великаго Государя, грамотѣ писано: Алхимистъ Иванъ Ефимьевъ въ разпросѣ сказалъ во 184 году въ Ноябрь, а указалъ назадъ два года тому, и по Великій Государь будетъ за 184 и 183 и 182 и по Ноябрь два года: далъ ему книжку, величиною съ часовникъ, человекъ мой Игнашка Лукьяновъ, а не я, холопъ твой; и человекъ мой Ивашка Еврей у него Алхимиста взялъ и не отдадъ, и человекъ мой Игнашка Лукьяновъ Алхимисту жъ книжку отдавать не приказывалъ. А что въ твоемъ, Великаго Государя, указѣ написано, извѣстить было тебѣ Великому Государю о той книгѣ, и мнѣ, холопу твоему, извѣщати тебѣ, Великому Государю, во 182 году въ Ноябрь было невозможно. Въ то время еще здравствовалъ и царствовалъ отецъ твой Государевъ, Великій Государь; а и отцу твоему Государеву, Великому Госурарю, извѣщати было мнѣ, холопу твоему, нечего; извѣщу мнѣ, холопу твоему, отъ Алхимиста Ивана Ефимьева и человека моего Игнашка Лукьянова не бывало: тебѣ

моя,

моя, холопа твоего, была вина, чтобъ
 Алхимиспѣ и человѣкъ мой Игнаш-
 ка мнѣ сказали, что человѣкъ мой
 Ивашка Еврей взялъ и не опдалъ, а
 ябъ, холопъ швой, тошѣ ихъ извѣстѣ
 покинулъ просто и не розыскалъ, и
 не извѣстилъ опцу швоему Государе-
 ву, Великому Государю. Рабъ мой ве-
 дѣлъ, а раба моя своровала; сожгла
 жена его, ею же мнѣ, холопу швоему,
 и вина наведена, и шюю виною разо-
 ренъ; и въ сказкѣ сказано, что мнѣ
 шоя книги безѣ швоего Великаго Го-
 сударя указу жечь не довелось. Раба
 винна сожгла, она же и пожалована,
 и изѣ ссылки взята; а мы, холопи
 швои, безѣ вины раззорены и не по-
 жалованы и не взяны, и живощѣ свой
 мучимѣ со всякихъ нуждѣ шуне, не
 имѣя вины, и въ помышленіи своемъ
 осужденъ неправдою, и раззоренъ шу-
 не; а страхъ Божій имѣя, и имѣю,
 и имѣши буду до послѣдняго моего
 издыханія; такожде и опѣ Великаго
 Государя долженъ шой же страхъ имѣ-
 ши, яко глаголетѣ премудрый Соло-
 монъ: Бойся Бога и Царя, и ни едино-
 мужѣ ихъ прошивися. Слава Божія
 хры-

крыши слово, славажѢ Царева чпипи повелѢнїя его и очищати себе закономѢ правды. ТѢбѢ, Великій и милостивый Государь, имѢли спрахѢ Божїй и вашѢ, Великаго Государя, которые враждуюшѢ, а вражду творяшѢ и ноносяшѢ, и на кошорыхѢ сѢ пролишїемѢ слезѢ вопїюшѢ къ Богу; и то мояжѢ, холопа швоего, вина, что я далѢ сказку ПолуголовѢ АлексѢю Лужину, что у меня, холопа швоего, человекѢ мой Ивашка Еврей книги не крадывалѢ, а что онѢ, убояся спраху мукѢ, сказалѢ первое: что укралѢ у меня, и то слово его не право, и опшїнилось его же словомѢ; онѢ же сказалѢ, у Алхимиста взялѢ, а не у меня, холопа швоего, укралѢ, и АлхимистѢ ИванѢ ЕфимьевѢ свидѢтельсшвовалѢ, что человекѢ мой Ивашка Еврей взялѢ у него, а не у меня укралѢ. Второе, на шѢ же рѢчи человекѢ мой Игнашка ЛукьяновѢ сказалѢ, что человекѢ мой Ивашка у Алхимиста взялѢ, а не у меня, холопа швоего, укралѢ. Трешїе, всѢ рѢчи Алхимистовы и человекѢ моего Ивашка онѢ запечашалѢ кровїю своею, и умерѢ на томѢ же

сло-

словѣ, что взялъ у Алхимиста, а не у меня укралъ. Гдѣ, благочестивый Великій и милосливый Государь, вина моя? Нѣсть вины моей, холопа твоего. Какъ я въ сказкѣ сказалъ, что не крадывалъ и лечебной книги у меня не бывало: тако въ дѣлѣ и въ словѣ сія правда, Великій Государь, а не вина, что воръ Давыдко въ извѣстѣ сказалъ, что видѣлъ сквозь стѣну каменную, и въ запертую палату вшолъ, чему спастися не возможно никогда. Злапоглаголивый учишель пишеть о духѣ нечистомѣ: аще и въ храмины былъ еси, како зриши, яже внутрь бываемая? Се правѣ приговорѣ, Великій и милосливый Государь, что сиротина мой и поселянинѣ воръ одноокой наученый, что щепѣ не познали, чепырехѣ преме извѣщали, и кто изъ нихъ въ щепѣ глупѣ, они ли доводчики проклятые мои, или проклятые и низверженные нечистые духи, и палату избою называли, и сіе не осмошрѣно, и раззоренѣ туне безъ вины, а неправды моей, холопа твоего, нѣсть. А въ вашихъ, Великихъ Государей, въ градскихъ законѣхъ уш-

утверждено: въ извѣстныхъ дѣлахъ,
 въ судахъ и въ очныхъ ставкахъ,
 кромѣ крѣпостныхъ дѣлъ, размолвками,
 росписками, ссылками, явками,
 допросами, судьи уличаютъ и ви-
 нятъ; а мы, холопы твои, по ва-
 шимъ Государскимъ законамъ ко оправ-
 данію не допущены. Аще и не допу-
 щены мы, холопы твои, и мы чело-
 битьемъ своимъ и ошѣптомъ невин-
 ны, и всѣхъ тѣхъ, которые люди въ
 томъ дѣлѣ были, размолвками ихъ
 правы, и не почіе нынѣшними, Ве-
 ликій Государь, тѣми размолвками ви-
 ны наводятъ. Пророкъ славный Дани-
 илъ, затворитель уста яростныхъ
 львовыхъ зубовъ, не даде ли образъ
 старцамъ и судіямъ разгласіемъ дровъ?
 Единъ рече подъ смерчіемъ, другій
 подъ терніемъ. А раны намъ, холо-
 пемъ твоимъ, дашель, который далъ
 намъ рану смершную приговоромъ сво-
 имъ, что я достоинъ смерти, и то
 онъ говорилъ и приговаривалъ, не
 осмотра въ Божественномъ писаніи.
 Ащебъ воля Вашего Царскаго Величе-
 ства была, и вопрошенъ бы онъ былъ
 указомъ Вашего Царскаго Величества,
 что

что образъ духовъ чистыхъ и нечи-
 стыхъ по естеству въмъ я, холопъ
 швой, чшобъ онъ шотъ вашъ Царска-
 го Величества вопросъ молчаніемъ по-
 чтилъ, не имѣя отвѣща. Глаголешъ
 нѣкии отъ стихотворцевъ: неправая
 убо дѣла и слова связуютъ языкъ, за-
 шыкаютъ уста, обуздываютъ разумъ,
 молчати шворятъ. Правъ приговоръ,
 Великій и милостивый Христіанскій
 Государь, что сиропина мой Карла
 говорилъ: онъ спалъ и захрапѣлъ; а
 сновидѣніе, Великій Государь, отъ
 учителейъ церковныхъ заповѣдано, не
 шокмо отъ того сиропины сновидѣніе
 пріимати и вѣриши, но ни отъ кого
 не пріимати и не слушати, яко гла-
 голешъ свяшый Григорій Двоесловъ:
 сны сущъ едины съ толстошты плоти
 и обѣяденія, и піянства, и жажды,
 приходятъ изъ бѣсовскаго навѣща, и
 мечтанія случаются; ибо аще не бы
 сонія мечтательная отъ діавола при-
 ходили, не бы речено, яко Сирахъ
 глаголешъ: мнози сномъ прельстиша-
 ся. Не достоитъ, Великій и благо-
 ушробный Государь, шому вѣришь,
 что сиропина мой пьяной во снѣ и
 воръ

воръ сквозь стѣну палатную видѣлъ. Се правъ приговоръ, Великій и милосердый Государь, а наша, холопей твоихъ, вина и неправда. Учитель будто нашъ, о которомъ извѣтъ воровской составной отъ воровъ показанъ былъ, что будто меня и сынишка моего училъ переводчикъ Николай Спартарій, и того никогда не бывало и не учились, а учимся и учились и впредь учимся будемъ до кончины живота нашего, чему законъ Божій повелѣваетъ и слово его пресвятое, еже рече во святомъ Евангеліи: Испытайте писаніе, въ немъ же обрящете животъ вѣчный. И учитель нашъ такова раззоренія за ученіе не воспріялъ, и насъ, холопей твоихъ, будто за ученіе раззорили; а мы ученики не бывали и раззорены шуне. Се, благоупробный и милостивый Государь, правъ приговоръ, что одного дѣла будто книги чтенія, будто и видѣнія духовъ нечистыхъ, какъ вралъ сиропина мой и воръ одноокой, чего не бывало и впредь тому бытъ не лзя. Докторъ Степанъ не раззоренъ шакъ, какъ мы, холопи твои; развѣ

М

ему

ему отпущено за святое крещеніе? А и мы, холопи твои, безвинные и беззаступные Христіане, истинно во Святую Троицу вѣруемъ и покланяемся; а раззорены безъ вины странно, и имѣніе наше неправдою разбѣяно по всѣмъ жилищамъ. Во всѣхъ, Великій Государь, законѣхъ не бываетъ шого никогда, чтобъ, не давъ суда и очной спавки, и не очистя всякую спашью, что естъ въ дѣлѣ къ совершенію, дѣло вершишь. Премилосливый Великій Государь! святой Апостолъ учить праведное и должное рабомъ воздавать; а мнѣ, холопу твоему; самой службы, за крови, пошы, за посольскія и всякія мои неспокойныя службы, какъ въ первомъ моемъ, холопа твоего, челобитѣ писано, не токмо воздано, что отецъ мой на службахъ въ иныхъ государствахъ, въ Царѣградѣ, въ Кизылбашахъ, въ посольствахъ, и что я, холопъ твой; во всякихъ же службахъ и въ работахъ нажилъ въ шестьдесятъ девять лѣтъ, и то безъ вины завистию, ненавистию и все безъ остатку, безъ вины, странно отнято. Еще, Великій

Госу-

Государь, и на то приложено новое: до прїѣзду Стольника Гаврилы Тухачевскаго пристава моего и до сказки мнѣ вины невинной за три недѣли животнои мои взяшы. Благосердый Великій Государь! свидѣтель ми есть благочестивая восточная церковь, въ ней же крещенъ и воспитанъ, и питаюся и питашия желаю до исхода души. Свидѣтели ми есть опцы мои духовные: Богу работалъ и вамъ Великимъ Государемъ; кромѣ всякихъ своихъ иныхъ работъ, церкви Божія созидалъ, въ церквахъ Божіихъ иконостасъ строилъ, и по своему обѣщанію, елику силу имѣлъ, строилъ и совершилъ, а иные недовершены моимъ холопа раззореніемъ. Сихъ волхвъ упражняшия не можешь, единъ человекъ Богу работати, и проклятымъ и низуверженнымъ духомъ нечистымъ. Свидѣтельствуюся опрочищемъ вышеписаннымъ, како хирографствоватися опнюдь не хотяше зрѣти храма Божія, а мы, холопи твои, волшебенія никакого не вѣмы, что есть то, и ничто же зло совѣщаемъ. Свидѣтель ми есть всевидящее Око. Чаяли

милости, и вмѣсто милости и чести,
 ихъ же надѣяхомся, смерть и страхъ
 одержитъ насъ. Будетъ ми, холопу
 твоему, кто обличитъ, и будетъ
 побѣдитъ мя словомъ, или дѣломъ,
 что я, холопъ твой, крестъ святыи
 оставлялъ, церковь Божию, закономъ
 Божиимъ, Апостольскимъ, отеческимъ
 прошивенъ. Егда о исправленіи проши-
 влюся и называю новое, да буду вся-
 каго рода мукъ наказанъ. Сіе мое,
 холопа твоего, раззореніе впредь гря-
 дущее на многое время вѣка. Образъ,
 что такимъ сиротамъ повѣрено въ
 извѣстѣ, которому извѣстѣ не возмож-
 но бытъ. Бояромъ, съ кѣмъ я, хо-
 лопъ твой, былъ и на нихъ слася,
 которые нынѣ здравствуютъ, какъ
 въ первой моей челобитной писано,
 не вопрошены. Архіепископа, Прото-
 попа, отцевъ моихъ духовныхъ, о
 исповѣданіи и о приниманіи пречи-
 стыхъ таинъ не допрашиваны; ос-
 мошру Думнымъ не повѣрено, Думно-
 му Дьяку, Доктору, Переводчику, Ал-
 химиспу, двумъ человекамъ спряпчимъ
 не повѣреножъ, людишкамъ девяти
 человекамъ не повѣрено же; мнѣ, хо-
 лопу

допу твоему, будучи по вашей Государской милости въ Боярехъ, не повѣреножъ; паче же всего, Великій и милоспивый Государь, законы Божіи, Апостольскіе, отеческіе, ваши Великихъ Государей оставлены, а сиротамъ вору одноокому, лѣкаришку и сиротинѣ пьяному, спящему подъ шубою за печью, котораго запечья нѣтъ, и что видѣлъ во снѣ, тому повѣрено! И видя такое мое, холопа твоего, невинное раззореніе, а иныхъ въ животахъ моихъ и помѣспьяхъ, въ вопчинахъ, въ людехъ радующихся и веселящихся, многіе рабы переймутъ, и на многихъ пожиточныхъ людей доводитъ стануть ложно, и поспраждутъ такъ, какъ и въ прежнихъ родахъ было спраданіе невинное, а образъ мое невинное раззореніе гошово къ выпискѣ, чему повѣрено и что оставлено. А въ лѣто благочестиваго царствованія славныя и блаженныя памяти отца твоего Государева, Великаго Государя, Спальникъ извѣщаль на нѣкакихъ ближнихъ и вѣрныхъ чиновъ высокихъ ваше царственное великое дѣло, и отецъ твой Государевъ,

Великій Государь , премудрымъ своимъ
 Государскимъ разсмотрительнымъ раз-
 сужденіемъ повѣрити не изволилъ , а
 положилъ надежду въ Божѣ ; а ближ-
 ній былъ человекъ , а не такія сироч-
 тины , увѣчной и мужикъ поселянинъ .
 А на копорыхъ доводъ былъ , не вос-
 помянули своей бѣды , и намъ невин-
 нымъ беззаступнымъ при васъ будучи ,
 Великому Государю , и на прикладъ сво-
 его дѣла вамъ Великому Государю не
 донесли , что отецъ твой Великой
 Государь ближнему человеку въ извѣ-
 стѣ повѣрити не изволилъ ; какъ та-
 кимъ повѣришь , и безъ суда очныя спа-
 вки учинишь , и разоришь , и осмош-
 ру Думныхъ , и обыску , и сыску , и
 есылкѣ на опщевъ духовныхъ не по-
 вѣришь ; а сія вся за злобу , за нена-
 висть и за преумноженіе милости ва-
 шей Государскія , къ намъ въ заслуп-
 леніи злобою удержались , и вамъ Ве-
 ликому Государю на примѣръ не извѣ-
 ешили . А кто доводилъ и на кого ,
 и я , холопъ твой , имена ихъ молча-
 ніемъ почшу , да на иныхъ на мно-
 гихъ , Великій Государь , доводы бы-
 ли отъ рабовъ ; милостию же опща-
тво-

твоего Великаго Государя покрышы, и сего всего въ то время не вспомянули, и намъ, холопомъ твоимъ, въ отраду и въ пользу заступленія не учинили, что не достоитъ прошивъ законовъ Божіихъ и вашихъ Царскихъ сиротамъ на господина вѣрись. И сіе тебѣ, Великому Государю, не донесли; радостию порадовались нашему невинному осужденію и раззоренію, и желая пожизновъ, вотчинъ, помѣстій, людей на пополненіе домовъ, не вспоминая запрещительнаго Божія слова, еже рече во святомъ Евангеліи: въ нюже мѣру мѣрише, возмѣриша вамъ. Милосердый Великій Государь! что прошивно я, холопъ твой, учинилъ, дѣломъ, или словомъ? Какъ работалъ блаженныя памяти отцу твоему Государеву, Великому Государю, и былъ во всякомъ его Государскомъ повелѣніи безъ отговору, въ ратныхъ, въ посольскихъ, въ разспросныхъ во всякихъ дѣлахъ, въ ратныхъ строяхъ, къ чести и къ славѣ, къ повышенію вашему Государскому имени и ко всякому благополучію и къ непрестанной радости, и къ урядству чину васъ

Великихъ Государей походы ваши [Государскіе строилъ, лошади наряжалъ, кареты впрягалъ, и какъ послѣдній походъ отца швоего Государева, Великаго Государя, былъ къ Живоначальной Троицѣ въ Сергіевѣ монастырь, а возники необученные были впряжены въ карету, и не пошли отъ приступа, отъ рундука, и я, холопъ вашъ, въ Боярехъ будучи, угождая вашему Государскому повелѣнію, и чшобъ не зазорно вашему Государскому стоянію чрезъ чинъ предъ вами Великими Государи, и передъ всѣми чинами, и иноземцы, карету впрягалъ и не отговаривался, что сижу въ Посольскомъ приказѣ и конюшня не мнѣ приказана, и не умѣю шакой нарядъ положишь на возники, какъ въ то время возницы сказали: мы не умѣемъ приняшья, не видали, какъ наряжаютъ; и сперва не онижъ наряжали: такъ и тебѣ Великому и милостивому Государю по самую Верхопурскую посылку, кошорою посылкою отлученъ отъ Государскія милоспи. А когда ненависть обыде мя, холопа швоего, и въ то время не отвѣщахъ

про-

противу указу Вашего Царскаго Величества и повелѣнія, и о аппекѣ взяшь у меня ничто опивѣщахъ, кромѣ того, что воля швоя Великаго Государя. По семъ Вашего Царскаго Величества Бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Спрешневъ вынесъ указъ изъ комнаты въ переднюю и сказалъ: указалъ Великій Государь бышь шебѣ на своей Великаго Государя службѣ на Верхошурьѣ. Воля его Государская, гошовъ, сіе лимнѣ извѣспитъ Великому Государю, ничто иное, шокмо гошовъ, весла, кормщика не дано. Къ берегу Дьякъ Перфилей Оловяниковъ пріѣхавъ, сказалъ: какъ естъ, поѣзжай. Топчасъ гошовъ, и безъ весла и кормщика поплылъ отъ берегу; носомъ и кормою поворачивало. За Лаишевъ швой Великаго Государя указъ присланъ, повелѣно поворотишья: топчасъ поворотился. Указъ швой Великаго Государя присланъ съ Полуголовою съ Алексѣемъ Лужинымъ, велѣно у меня, холопа швоего, взяшь ему книгу лечебную, про которую и не слыхалъ: отдавать нечего, давалъ себя и въ домишкѣ своемъ обыскивашъ съ под-

М 5

швер-

твержденіемъ страха твоего Государскаго, чюобъ онъ осмошрѣлъ въ рудядишкѣ моей; и онъ Алексѣй скавалъ, что ему твоего Государскаго указу нѣшѣ, не осмашривалъ. Лудяшкѣ спросилъ Ивашка Еврея. Захарка карла шотчасъ опдалъ; а Ивашка Еврей по посылкѣ его Алексѣя взяшѣ, какъ изъ Казани ѣхалъ въ Лаишевъ. Думной Дворянинъ Ѳедоръ Прокофьевичъ Соковнинъ, Думной Дьякъ Василій Семеновъ, прѣехали въ Лаишевъ ночью, дай жонку, дай письмо, дай живопы смошрѣшѣ, дай племянниковъ, дай инока, дай іерея, дай людей: шотчасъ жонку, письмо, живопы опдалъ, племянниковъ, людей шотчасъ послалъ на сѣѣзжій дворъ; о инокѣ, о іереѣ сказалъ: сами пошлите къ нимъ, а я власти не имѣю надъ ними. По меня, холопа твоего, прислали, велѣли на сѣѣзжій дворъ шотчасъ бышѣ пѣшему: шотчасъ пѣшѣ пошолъ. Что, Великій Государь, сыскали, что нашли, чѣмъ обличили, какое обличеніе на меня, холопа твоего, привезли? Что ни привезли, то къ правдѣ моей и невиности.

сти. Послѣ того присланъ изъ Казани Дворянинъ Гаврила Григорьевъ сынъ Нарманской, да съ нимъ Полуголова Алексѣй Лужинъ, и сказали мнѣ, холопу швоему, швой Великаго Государя указъ: указалъ Великій Государь перевестъ тебя изъ Лаишева въ Казань. И я, холопъ швой, сказалъ имъ: сего часа на дровни и брестъ гоповъ, куды воля Великаго Государя. И они мнѣ сказали: велѣно тебя со всемъ перевестъ, и сего часа намъ не успѣшь. И собрали ружлядишку мою, и людишекъ, и отвезли меня, холопа швоего, въ Казань. И въ Казани Бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославской прислалъ ко мнѣ Дьяка Ивана Ярославца: указалъ Великій Государь быши у тебя присавамъ пяти челоувѣкамъ и караулу, а вины никакія не сказалъ. И я, холопъ швой, видя гнѣвъ Божій и швою Государскую опаду, воздохнулъ съ пролипіемъ кровавыхъ слезъ къ Его превысочайшему и всемогущему престолю Божію. Послѣ того швой Великаго Государя указъ присланъ: велѣно людишекъ опуститъ цо деревнишкамъ, а иныхъ на волю

волю на наемныхъ подводахъ. Тогда-
часъ подводы нанявъ, отпустилъ по
деревнишкамъ; а на волю людишекъ
мнѣ, не видѣвъ въ себѣ никакія вины,
за что отпустишь? Послѣ того при-
ѣхалъ ко мнѣ, холопу своему, на
дворишко ночью Дьякъ Иванъ Горо-
ховъ, и сказалъ мнѣ: гдѣ твои жи-
вошы? Дай ихъ пошчасъ; а вины
никакія не сказалъ. И я, холопъ твой,
сказалъ ему: въ живобахъ моихъ ни
краденаго, ни разбойнаго, ни воров-
скаго, ни измѣннаго, ни заповѣднаго
нѣтъ; живоба отца моего и роди-
телей его, живоба матери моей и
родителей ея, и мои нажитые мило-
стію Божіею и Великихъ Государей
жалованьемъ, за посольскія службы
и за мои работы ратныя, и за по-
сольскія, и за крови, и за всякія
многія работы въ шестидесять де-
вять лѣтъ нажитыя; а когда часъ
приде невинному нашему раззоренію,
что Великій Государь изволилъ живо-
баты мои взять безъ вины моей, не
сказавъ мнѣ никакія вины, и въ томъ
воля Божія и его Государская, и пош-
часъ отдалъ. А послѣ приѣзду Столь-
ника

ника Гаврила Тухачевского, пристава моего, и сказки объявилъ я, холопъ швой, лучшаго своего пожитченку, которые добывалъ головою своею, и тому я, холопъ швой, далъ ему Ивану четыре шепрадки въ полдестъ, писаны всѣ моею рукою. Онъ же Иванъ спрашивалъ у меня, холопа твоего, пушекъ, пороху числа многаго, свинцу, пансырей, шапокъ, наручей; и я ему сказалъ: ко уняшю всякаго воровства былъ починщикъ, а не къ начинаню; и о шѣхъ моихъ работахъ писано въ первой моей, холопа твоего, челобитной. А послѣ того по твоему Великаго Государя указу Бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославской прислалъ по меня, холопа твоего, на дворишко, и велѣлъ меня Головъ стрѣльцкому Ивану Садилову взять, и сынишка моего, и людишекъ съ женами и съ дѣтьми, и вестъ до сѣвѣжей избы пѣшева на позоръ людямъ безвинно, не вспомяная милости вашей Государскія, что я погожъ лику, что и онъ, и не вспомянулъ работъ моихъ къ вамъ Великимъ Государемъ, и не вспомянулъ рабо-

работы моей къ дядѣ своему къ Боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому Коломенской случай, и шолъ горькой часъ всѣмъ имъ запамяшовалъ, и не вспомянулъ того часа и времени, какъ онъ одежду небрачную носилъ, и изведенъ на шужъ площадь; и вели меня, холопа швоего, на старость мою и увѣчнаго, и погорбленнаго отъ служебъ, отъ дворишка съ версту, гдѣ былъ за приставомъ и карауломъ поставленъ до сѣбѣжей избы, какъ злодѣевъ, или измѣнниковъ, и приведши въ сѣбѣжую избу, швой Великаго Государя указъ и вины сказывали, которыхъ винъ не бывало, и тому повѣрено, чего въ умъ взять не возможно. Работалъ вамъ Великимъ Государемъ чистымъ сердцемъ, а не лукавымъ, и работы мои свидѣтельствуюшъ меня; и не того чаялъ, что раззорить меня, холопа швоего, за едину ненависть отъ злыхъ, отнято все, шолько изъ всѣхъ моихъ животишковъ дана мнѣ, холопу швоему, тысяча рублей денегъ; и людишки мои, видя гнѣвъ Божій надъ нами, и вашу Государскую немилость и овалу;

и

и конечную нашу бѣду и разореніе странное, всѣмъ спрахомъ обмирали, слыша сиротину моего въ пламени сожженна, и видя надъ собою разспросы острые о животахъ моихъ, гдѣ схоронены. Едва упросилъ у нихъ, и чрезъ кровавыя мои слезы умилились, вспомянули законъ Божій, и насъ въ такомъ разореніи и нищестѣ не покинули, изъ стоя тысячи давали дачи немалыя, чшобъ насъ не општупили, а иное что займовали въ Казани, харчъ всякой изъ шѣхъ же денегъ платили. Гнѣвъ швой премилостиваго Великаго Государя на насъ, холопей швоихъ, навели ненавидящіе мя, кромѣ винъ и неправдъ нашихъ, лицемѣрствуя и показуя усннами истинну; я же влагалъ угождающіи инымъ не своя глаголы, но разумъ онѣхъ претворяя. Скрывалъ же ошъ васъ Великаго и благочестиваго, Христіанскаго милостиваго Государя разумъ истинный, или неискусенъ Божественнаго писанія, и за сіе не можешъ инославія убѣжати, порока, до скончанія вѣка. Кто убо, иже наипаче о себѣ радѣти, и о истиннѣ ещежъ сію

сію терпѣши восхощешъ, и вамъ Великому и милосердому Государю биши челомъ умолчить? Кто не осудитъ дерзость ихъ? Мали бо суще числомъ, желаютъ своя хотѣнія паче всѣхъ царственныхъ, церковныхъ учителей крѣпствовати. Кто не вѣсть, кто не зрѣтъ ясно, яко сія вся творили для разоренія дому моего, а для наполненія домовъ своихъ родителей и друзей живошами моими, помѣстьями и волчинами, и людьми? И того ради милости вашей Великаго Государя за невинность нашу до насъ бѣдныхъ не допускаютъ, желаютъ себѣ вѣчно имѣніе наше невинное удержати за собою, и чаяли, что живошъ нашъ отъ таковаго спранныаго разоренія скончается вскорѣ, не воспоминая себѣ реченія мудрыхъ, что всякаго чловѣка душа привязана союзомъ Божиимъ, и ключъ живоша и смерти въ руцѣ Его. Возможно было имъ по вашей Великаго Государя милости и по крайней ихъ близости и безъ моихъ кроваво выслуженныхъ волчинъ и помѣстій быти, и не нападаши на невинныя наши помѣстья и волчины,

и

и копорыми мы, холопи швои, пожалованы были за многія мои великія службы къ вамъ Великимъ Государемъ, и ко всему вашему Великихъ Государей государству, въ копорыхъ службахъ свидѣтельствуюсь вашими Великаго Государя вошчинными грамотами за вислыми печашьми, копорыя съ живонами моими и со всѣми крѣпостьми дворовыми и помѣшными, и купчими вошчинными, и людскими, и съ иными крѣпостьми взялъ Дьякъ Иванъ Гороховъ. Тупъ же взялъ 4 шешрадки лучшаго моего пожизненку, кромѣ его переписи, что онъ переписывалъ, въ десѣ писана книга за моею рукою, да двѣ книги въ переплетѣ, одна въ кожѣ красной, а другая въ шешрадахъ. Тупъ вся моя, холопа швоего, рухлядишка написана, кромѣ того, что въ чешырехъ шешрадахъ моею рукою писано. А и въ первой моей, холопа швоего, челобитной шѣ шешради объявленыжѣ; и объявилъ ли онъ Гороховъ шѣ шешради, что писаны моею рукою, или нѣшѣ, того я, холопъ швой, не вѣдаю; а вѣдаю то, что еще въ Казани подъячій, который

Н

былъ

былъ въ ссылкѣ въ Казани, а былъ съ нимъ Иваномъ и ходилъ по Казани и носилъ мои, холопа твоего, ножи на себѣ, оправа серебряная съ чернью, и съ набоями золошыми, которыяжъ ему не довелось носить за описки животовъ моихъ на васъ Великаго Государя; а мы, холопи твои, на ослушавшихъ насъ ошъ вашаго Великаго Государя превеликія милости безъ всякія нашаго вины, и имѣніемъ нашимъ, помѣстьями, вошчинами, людьми владѣющіе и веселящіеся, вседневымъ и ношнымъ, и всечаснымъ и непрестаннымъ вопіемъ воплемъ, источники кроваво съемъ и скорбей нашихъ слезы, которыя, по писанію, облаки препинаютъ ко престолу неприслупныя славы, воспоминающіи Божественное писаніе, еже рече: не примемъ богатіи иныхъ упадкомъ, ниже смѣсимъ наше богатство чужимъ слезамъ: достоитъ было имъ въ чуждыхъ напастехъ своя плодити скорби, а не нашей гибели радоватися. А что мнѣ, холопу твоему, поносятъ о похищеніи Князь Семеновъ вошчины Львова, и Князь Семенова, Великій

кій Государь, вопщина дана миѢ, холопу швоему, милосшію ошца швоего Государева блаженныя памяти Великаго Государя, а Князь Семеновою виною явною и уличенною, что онѢ не такѢ учинилѢ, какѢ вашѢ ВеликихѢ Государей указѢ надлежитѢ: Первое за то, что учинена ша купчая по смерти Думнаго Дьяка Михайла Волошенинова художешвомѢ зазорнымѢ, и рука у той купчей не Михайлова и свидѣшельство, Великій Государь, вѢ дѣлѢ очныя ставки, какѢ была очная ставка, у Князь Семена Львова съ Федоровыми дѣшми Иванова, и съ очныя ставки площадные подѣячіе допрашиваны, и сказали, что рука не Михайлова, а учинено по художешвомѢ зазорнымѢ. Вшорая, Великій Государь, вина Князь Семена Львова, какѢ воровалѢ и ходилѢ на море вѢ первыя ворѢ Спенька РазинѢ, и разореніе учинилѢ Персидскому государству, и пришелѢ вѢ АспраханѢ и познался съ Князь СеменомѢ ЛьвовымѢ, назвались межѢ себя братьями, и не исходилѢ изѢ дому его, и пилѢ и ѣлѢ, и спалѢ вѢ домѢ его, а на то

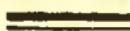
братство и дружество свидѣтельство: какъ воръ второе пришедъ подѣ Аспрахань, той же воръ и Аспрахань взялъ, и Боярина и Воеводу Князь Ивана Семеновича, и брата и товарища его Стольника Князь Михайла Проворовскихъ, и Дьяковъ, и подъячихъ побилъ и Аспрахань безъ оспашку раззорилъ, а его Князь Семена за братство и за дружбу отъ убійства сохранилъ, и живошовъ его не грабилъ; а убилъ его воръ Федька Шелудякъ по многому времени и по казни вора Спеньки Разина. И за то, Великій Государь, Князь Семеново братство съ воромъ Спенькою Разинымъ, гнѣвъ отца твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, былъ. Третья вина, что та вошчина прежде сего была дворцовая; а что по твоему Великаго Государя указу, а по челобитью Князь Семеновы жены Львова, Бояре челобитья ея и дѣло, что въ помѣстномъ приказѣ, слушали, и приговорили у меня, холопа твоего, опнять и опдать ей; а очныя ставки въ той выпискѣ въ помѣстномъ приказѣ не было, и та очная ставка

подѣ

подъ то дѣло не поднесена , и вершили безъ очной спавки ; а для ея вдовства по челобитью нѣкоего къ отцу своему Государеву, Великому Государю, вмѣсто взяшья вопчины , что дана мнѣ, холопу своему, дана ей вопчина изъ вопчинъ Боярыни Федосьи Прокофьевны Морозовой ; а отняша у меня, холопа твоего, безвинно. Въ вашихъ Великихъ Государей указѣхъ и въ уложенѣхъ безъ очныхъ спавокъ и безъ крѣпостей о земныхъ дѣлѣхъ вершеніе не бываетъ ; а надо мною, холопомъ твоимъ, учинено мимо вашихъ Государскихъ указовъ, ненавистию на меня нарушено. Взятъ у меня, холопа твоего, человекъ свободной съ отпускнуою холопья приказу и съ подписною челобитною Думнаго Дьяка Герасима Докшорова , велѣно дасть ему воля, и пошъ человекъ безъ суда и очныя спавки отданъ Дьяку Ивану Горохову. Человекъ же взятъ крѣпостной безъ суда и очныя спавки, и отданъ онъ Андрею Безобразову. Еще, Великій Государь, паче сего вашъ Великихъ Государей указа нарушенъ , ненавидя меня, холопъ

твоего, всѣмъ Сибирскимъ Воеводамъ во всякихъ дѣлахъ отсрочивано, и мнѣ, холопу твоему, отсрочено, а послѣ отсрочки еще будучи я, холопъ твой, на Москвѣ, къ суду меня и людишекъ моихъ, которые по обычаю ходятъ за дѣлы, къ суду не позваны, и безъ суда отданы ненависти и злобы ради отъ ненавидящихъ насъ. Сія шворишася чрезъ ваши Великаго Государя указы. А если бы, Великій Государь, отъ нихъ ненавидящихъ насъ, холопей твоихъ, чаяніе такое было, что въ челобитвѣ моемъ, и тебѣ, Великому Государю, о очищеніи невинности нашей будетъ отъ Божественнаго писанія отступилъ бы отъ рашования прошиво истины, и не рашовалъ бы шакъ на насъ, холопей твоихъ. А неправду его показываетъ Божественное писаніе, какъ писано въ челобитвѣ нашемъ выше сего, и разумъ его чинитъ подозреніе, и не испытанія Божественнаго писанія, а зависти и ненависти и злобы исполненіе. А какъ по твоей Великаго Государя грамотѣ въ Казани выслушавъ указъ, и не услыша винъ своихъ,

ихъ, неправдъ великихъ и малыхъ
нѣшъ, началъ ошвѣтѣ противъ извѣ-
сту давань, елико разумѣлъ, и на
меня, холопа швоего, Дьякъ Иванъ Го-
роховъ крикнулъ: слушай! молчи, а
не говори. И везли меня, холопа шво-
его, въ Пущоозерской оспрогъ, и по
се время и впредь до окончанія живо-
та нашего ни въ чемъ опнюдь я не-
прошивенъ вашему Государскому пове-
лѣнiю. А буде, Великій Государь, вѣ-
даешъ кто измѣну мою, или недобро-
хотство мое, за что съ нимъ не дашь
очной сшавки? За что не обличить?
А буде приносами шайными доброхот-
ствуетъ кто, то милосшивый Вели-
кій Государь не истинна и не явное
и не правое обличенiе. Доброхотствуетъ
ли кто тебѣ Великому Государю, до-
брохотствуй явно; обличашъ ли кто
хощешъ, обличай явно и истинною,
законами Божiими, законами вашими
Царскими, свидѣшели благими, а не
шакимъ воромъ и сиротиною. Аще,
Великій Государь, явное обличенiе про-
шивушояти не восхощешъ, виждь,
Царю швѣшый, лукавнуюшъ, а не ис-
шинствуюшъ. Вѣмъ я, холопъ швой,

по правой своей службѣ и работахъ своихъ истинныхъ, какъ дѣла мои являющѣ мя, холопа твоего, мнѣ во обличеніе явно не станеть, для своей нечистой совѣсти самъ одѣвешся стыдомъ и неправдою. Мы, холопи твои, всегда съ Богомъ, въ Него присоспавнаго вѣруемъ и поклоняемся, и поемъ, и исповѣдуемся, и пречистое Его шѣло и свящую Его кровь приедемъ на воспоминаніе слова Его, еже рече: Ядый мою плоть, и пій мой кровь во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ. Аще мы, холопи твои, и скверны, да не лишаемъ себя того вѣчнаго живота; а кошорыи бывающѣ въ паденіи, шѣмъ сила Божія возбраняетъ и входъ церковный, не токмо шайны исповѣдъ и пречистое шѣло и кровь пріяши, и на сіе свидѣтельство въ чудотвореніи о опрокѣ Великаго Василія. Вели, Великій милосшивый Государь, прошивъ законовъ Божіихъ, Апостольскихъ, отеческихъ, вашихъ Государскихъ, и прошивъ моихъ челобитенъ выписать изъ книгъ Божественнаго писанія, изъ своихъ Великаго Государя указовъ и Уложенья, чтобъ ненавидящіе насъ, холо-

холопей швоихъ, своимъ немилосердіемъ, оспрымъ и спрогимъ мнѣніемъ для своей дружбы хотѣнія не исполнили. Вели намъ указъ учинишь прошивъ Божественнаго писанія и вашихъ Государскихъ законовъ, чтобъ мы, холопи швои, вѣдали, которые законы, Божіи ли, или Апостольскіе, или опечесніи, или ваши Царскіе насъ, холопей швоихъ, обвиняшъ, и чѣмъ ошъ шѣхъ воровъ и сиротины оправяшъ. А прошивъ швоей Великаго Государя грамошы, какъ вѣ Казани безъ винъ нашихъ и неправдъ вины и неправды сказываны, и мы, холопи швои, вѣ двухъ и вѣ сей прешей, всякую спашью очиспили испинною и законами Божіими, и Апостольскими, и опеческими, и Богословскими ученіи, и вашими Царскими законами, и воровство и соснавъ явной изобличили, и прошивъ нашего челобитья двухъ челобитенъ шестое уже лѣшо доходишъ, указу милоспиваго о невинномъ моемъ раззореніи нѣшъ; а раззоренъ приговоромъ на Москвѣ и вѣ Казани вѣ мѣсяцъ безъ вины спранно, такъ скоро и угодно и пошребно

завидящимъ учинилось для пополненія домовъ родителей своихъ. И шѣмъ еще желаніе свое не исполнили и не насытились: еще къ тому мучашь всякихъ нуждъ; а въ милосердіе милоспи прійти въ такое долгое время исполнитися не хошашь. Аще и шяжко и спужительно наше, холопей швоихъ, къ тебѣ Великому и милоспиво-му Государю кровавослезное челобишье видился и опечаливаешь, и усомнѣваеть слышателя, отъ котораго спраждемъ; но сердце наше не можетъ невиннаго и спраннаго сего раззоренія и безчеспія множеспвомъ времени въ невинномъ и спранномъ раззореніи шерпѣши во всякой горести. А приговоръ съ ненависли и зависпи и съ недружбы учинилъ недругъ мой скоро, не осмопря въ Божеспвениомъ писаніи и въ законѣхъ, и не осмопря крѣпко въ доводѣ и въ дѣлѣ, внезапу возшелъ на такую яроспь. Ащебѣ и отъ рашникъ шакожде пострадали мы, холопи швои, какъ отъ его приговору, но обаче мы, холопи швои, пушпощеспвомъ, въ немъ же насъ успроилъ; но вся сія оставляемъ и по-
но-

ношеніе крошцѣ прешерпѣваемъ, аще и смертну намъ далъ рану. Аще не бы ваша Государская премногая и неизреченная милоспѣ живощѣ нашѣ удержала, уже бы давно скончаны быля. Приговаривалъ, что я, холопѣ швой, достоинѣ смерти, а за что, того не разсмотрѣлъ. И безъ вины приговаривашѣ человѣка къ смерти, и учинишѣ ему смерть безъ вины: каково шо предѣ Богомъ! И въ шомъ зашмился и не воспоминаулѣ, что спрашно лице Божіе на шворящая злая, и все пагубшвомѣ злобу пошребляющу, и спрашенѣ слухѣ Божій и Авелевѣ гласѣ слышишѣ. Молчащею кровію порадовался приговору моему, что пошло въ расхищеніе; а не воспоминаулѣ свяшаго писанія: Всякѣ сицевую благоданѣ иманѣ пріяши отѣ Бога, какову и самѣ сошворилѣ искреннему своему. Паче же глаголѣ Божій: Въ нюже мѣру мѣрише, возмѣришя вамъ. Воздастѣ ему Господѣ Богѣ здѣ и въ будущемѣ. Сбышяся, Великій Государѣ, мудрыхѣ писаніе въ нынѣшнее время на мнѣ, холопѣ швоемѣ: вопрошенѣ нѣкто отѣ нѣкогого, въ чемѣ

бы

бы опасно паче имѣни? Отвѣща ему
 тако: въ пріятельской ненависти, а
 во лжи непріятельской. А мы, холо-
 пи твои, видя и слыша о своемъ не-
 винномъ конечномъ раззореніи и рас-
 хищеніи, слезами обливаемся съ чер-
 вемъ моимъ, Богу благодареніе воз-
 сылаемъ до исходу душъ нашихъ, яко
 вещи наши конецъ имяху добръ. Гос-
 подь даде, Господь и взя. Дѣдъ
 твой Государевъ, блаженныя памяти
 Великій и милостивый Государь, и отецъ
 твой Государевъ, блаженныя памяти
 Великій премилостивый Государь,
 пожаловали отца моего и меня; а вы,
 Великій милостивый Государь, изволи-
 ли взять. Благословенъ Богъ, изволи-
 вый тако. Нази мы, холопи твои,
 родихомся, нази и опходиши будемъ;
 а пока поживемъ, имѣемъ надежду на
 Господа Бога и на васъ Великаго Го-
 сударя во всякомъ призрѣніи, и о воз-
 вращеніи за невинность нашу пожип-
 ченковъ нашихъ, и всего нашего раз-
 зоренія исправленіе. Единого человекъ-
 любія Божія и силы, и твоей Вели-
 каго Государя милости дѣло есть,
 еже намъ, холопомъ твоимъ, избавити-
 ся

ся отъ поликихъ невинныхъ золъ, и
 бѣдъ, и скорбей. Въ насъ нѣсть безо-
 мощныхъ толикія крѣпости, да возмо-
 жемъ сему приговору прошивитися ча-
 стымъ челобитьемъ своимъ къ тебѣ, Ве-
 ликому Государю, еже нападе на ны;
 для того и къ пустому морю посланы
 были за четыре тысячи верстѣ, на
 послѣднюю черпу государства ва-
 шего, чтобъ не частое челобитье на-
 ше къ тебѣ, Великому Государю, холо-
 пей твоихъ было. Сіе шокмо намъ
 оста, да очи наши наполняемъ крова-
 выми слезами, и руцѣ наши на вся-
 кое время возносимъ къ вышнему и
 всесильнѣйшему Царю Царемъ и Богу
 на того, кто приговоромъ правду и
 истинну въ неправду прешворилъ, и
 вопіемъ непрестанно: О вѣчная истин-
 на и праведная любовь и драгая вѣч-
 ность! ты еси Богъ нашъ, гдѣ воз-
 дыхаемъ съ пролитіемъ слезъ во дни
 и въ нощи и на всяко время. Виждь,
 аще истинна сущь, о нихъ же му-
 чить насъ, суди праведно и упиши
 неправедно на насъ ожесточившихся
 упробъ; превраши на умиленіе мило-
 сти, да шѣми же кровавыми слезами
 на

на скрижалѣхъ сердецъ нашихъ пишемъ непрестанно ко святымъ Ангеломъ хранителемъ нашимъ, воспоминая возлегшаго на пламенныхъ персѣхъ во святомъ Евангеліи, еже написа слова Христа Спасителя: не обидите малыхъ сихъ, Ангели бо ихъ выну видятъ лице Отца моего, иже есть на небесѣхъ. А мы, холопи твои, во вѣкъ живота нашего должны Господа Бога молишь о нашемъ Государскомъ многолѣтнемъ здравіи, и всего вашего Государскаго дому, и о разширеніи государства вашего, паче Царей земныхъ. Клянуся всевысочайшаго Бога именемъ, какъ и изгнаны, и оппоржены безъ вины на започеніе, никогда на васъ Великихъ Государей не воздыхали, и не слезили къ Нему высочайшему въ своемъ невинномъ раззореніи. Провѣщай благосердый Великій Государь ко обидящему насъ, холопей твоихъ, не имѣющихъ помощи кромѣ Бога: Се азъ и люди, яже ми даде Богъ. Приложи благочестивый Великій Христіанскій Государь инъ милостивый гласъ Владычнь, и зѣло вамъ Великимъ Госу-
да-

даремъ свойственъ: яже далъ еси ми, сохранилъ, и не погублю изъ нихъ ни единого; да ошъ высочайшаго и всеильнѣйшаго Царя Царемъ и Бога получишь милость и вся благая, и славу вѣчную воспріимешь въ лѣта своя. Апостолъ свяшый Павелъ глаголетъ: Согрѣшающихъ предъ всѣми обличати досвоишь, да прочіи спрахъ имушь; а насъ, холопей твоихъ, кто обличилъ и чимъ? Или мы, холопи твои, сами себе обличили въ сказкѣ своей, или въ челобитъѣ своемъ, въ двухъ челобитныхъ, и въ сей претіей? Или Вашего Царскаго Величества Думные османприваніемъ живошовъ моихъ на Москвѣ и въ Лаишевѣ обличили? А противъ вашего Великаго Государя указу и уложенья по извѣсту чьему обыскъ бываетъ, а не найдушъ вины, на извѣтчиковъ наводяшь, и вмѣсто извѣтчиковъ приговоромъ вина положена на насъ, холопей твоихъ, а не на извѣтчиковъ. А хошя бы, Великій и милосердый Государь, кто и погрѣшилъ, церковная вина церковнаго требуетъ исправленія, какъ о томъ исправленіи и о молишвѣ Великаго Ва-

си-

силія и всего народа о прельщенномъ
 отрокѣ показанъ образъ, писано: Ви-
 дя отрока впадша въ грѣхъ, нача мо-
 лиши Господа Бога со множествомъ
 народа день и ночь непресытно, дон-
 деже воспрія желаемое. А до живо-
 повѣ и до всего причины не имѣли,
 и за своихъ и за друзей и о помѣстѣ-
 яхъ, и о вопчинахъ на восхищенія
 желанія имѣши не восхотѣли, шокмо
 едино намѣреніе имѣли въ сердцѣ сво-
 емъ, чшобъ свободити душу отъ ра-
 боты вражія. А при ошцѣ швоемъ
 Государевѣ, Великомъ Государѣ, во об-
 наженныхъ явныхъ сихъ винахъ, въ
 книгахъ, въ заговорѣхъ, Богу прошив-
 ныхъ дѣлахъ наказаны и ненаказаны,
 а милость шворилъ: такожде и вы,
 Великій Государь, милость показали,
 а помѣстѣя, и вопчинъ, и живошовѣ,
 и раззоренія шакова имѣ не учинено,
 какъ надѣ мною, невиннымъ холопомъ
 швоимъ, учинено. А кшо въ шѣхъ дѣ-
 лѣхъ обличенъ, и о именахъ ихъ да
 умолчу, и совѣсть ихъ судитъ ихъ.
 За чшо, Великій Государь, мнѣ, хо-
 лопу швоему, предъ освященнымъ Со-
 боромъ, и предъ всѣми швоими, Ве-
 лика:

ликаго Государя, Бояры, имѣющіи по вашей Государской милости шужь честь, боярство, суда и очныя спавки съ извѣщичики не дано; а вору извѣщичику, и сиропинѣ моему пьяному, предѣ всѣми швоими Великаго Государя Бояры, распросѣ данѣ былѣ? Извѣшѣ воровской составной былѣ на Москвѣ, а невинное обличеніе учинено вѣ Казани намѣ, холопомѣ швоимѣ, а чины наши и живошы взяшы безѣ вины. А ешѣли бы я, холопѣ швой, себя и сынишка своего предѣ освященнымѣ Соборомѣ, для церковной вины, и предѣ швоими Великаго Государя Бояры градскихѣ ради винѣ не очистишѣ вѣ шомѣ воровскомѣ доводѣ, долженѣ бы былѣ всякаго рода мукѣ и жестокосердой смерши. За что, Великій и милосердый Государь, мнѣ, холопу швоему, съ Думнымѣ Дьякомѣ съ Даріономѣ Ивановымѣ очныя спавки не дано, и ему повѣрено; а мнѣ, холопу швоему, будучи вѣ Боярехѣ, не повѣрено? За что, благоутробный Великій Государь, мнѣ, холопу швоему, съ Иваномѣ Соловцовымѣ, съ Докторомѣ Стефаномѣ, съ Переводчикомѣ

Николаемъ Спапаріемъ , съ Алхимі-
стомъ Иваномъ Ефимовымъ , и съ ра-
бы моими Ивашкомъ Евреемъ , Игнаш-
комъ Лукьяновымъ очныя спавки не
дано? Все мое , холопа твоего , раз-
зореніе учинилось отъ того , что я ,
холопъ твой , со всѣми вышечисан-
ными на очной спавкѣ не спавленъ ;
и нынѣ мы , холопи твои , у тебя
Великаго и милосердаго Христіянскаго
православнаго Государя и Царя про-
симъ о очищеніи невинности нашей ,
о оборонѣ и о возвращеніи чести на-
шей , и всего нашего шуне и всуе раз-
зоренія , что навожденіемъ зоклевещу-
щихъ на насъ , холопей твоихъ , не
испинну , и чтобы намъ въ томъ
зломъ невинномъ дѣлѣ , въ зломъ нуж-
номъ мѣстѣ не скончались , да не бу-
демъ во общемъ судѣ къ общему Ца-
рю и Владычицѣ вопиши , и здѣ бы-
ши и умрети въ Божіи законѣ и въ
преданіи Апостольскомъ и опеческомъ ,
безъ поношенія отъ лукавыхъ чело-
вѣкъ и сиротъ , и надѣмся мы , хо-
лопи твои , на Бога и на тебя , Вели-
каго Государя . Неизмѣнный Богъ , Его
же воля не можешь благодѣшества
сво-

своего обнажитись первыя, и намъ милости любве своея спроенiе исполниши, и ваше Государское сердце такожде наполниши милости, и насъ въ горькомъ, и въ кровавыхъ невинныхъ слезахъ, отъ лукавыхъ коварствъ похищенныхъ прошиву своего Божiя постановленiя погубити не дасшь. А желаемъ и милости у тебя Великаго Государя просимъ, чтобъ въ семъ зломъ поношенiи не умереть, не очисти себя. Рожденъ на свѣтѣ, и умереть добре, изыти безъ пороку, то ко благому причишается; а намъ, холопемъ швоимъ, видя себя безвинныхъ, и въ таковой нуждѣ послѣдней при смерти спраждущихъ со всякихъ нуждъ, за что умереть въ семъ зломъ поношенiи отъ безумныхъ, и отъ коварныхъ, и отъ шупоумныхъ? Умилишь, умилосердишь, благосердый Великiй Государь, вспомяни отца своего Государева, блаженныя и славныя памяти Великаго Государя, милость его Государеву и свою къ намъ, не имѣющимъ ни отъ кого помощи. Вспомяни милостивое его Государское слово къ тебѣ Великому Госу-

дарю о насъ , холопехъ своихъ , за службы и крови мои къ вамъ Великимъ Государемъ , быши милоспивиу , милосерду , благоушробну. Милосердый Великий Государь , Государь благоушробный ! сошвори судъ , и не предаждь обидящимъ мя до конца. Умилоспивись Великий Государь , Государь прамилоспивый , не вели возбраниши суда правды , якоже иногда Израильшескіе Цари не возбраняли суда правды , приступати къ славі своей и блудницамъ , какъ царство шрешіе пишешъ о Соломонѣ ; единому мнѣ бѣдному , и спароси моею погорбленной , не шокмо къ славі Вашего Царскаго Величества приступити до суда правды , чину ради и близости , и работъ ради моихъ , и кровей , но и къ вашей Царскаго Величества палашѣ суда правды пушъ препоною немилосердія и ненависти и злобы ради возбраненѣ , по которому пушворѣ и сиротина мой карла и прочія сироты мои шли невозбранно. Удиви своимъ Государскимъ разсмотреніемъ народы , якоже иногда наияснѣйшій Государь и Король Зеляншѣ лѣша своего

его учинилъ судъ давно и равно, плотию умерый, яко человекъ, а памяшью суда своего присно у всего свѣла нынѣ живѣ. Приведенна на нѣкого высокія чести въ прелюбодѣйствѣ насильства яша осуди на смерть. Егдажѣ молимъ ошѣ гражданѣ, сошвори по прошенію ихѣ, не отречѣ милости, приведѣ на судное мѣсто, избоде глазѣ, и рекѣ: милѣ свѣшѣ очесе единого; но милѣйшій долженѣ быши свѣшѣ суда правды. Се слава вѣчная! Кто не речешѣ и нынѣ, и не проповѣстѣ славу его? Вели, Великій Государь, съ извѣшникомъ и съ сиротиною моимъ даши судѣ, или очную ставку предѣ освященнымъ Соборомъ церковныя ради вины, и предѣ всѣми Бояры, и Окольничими, и всею палашою законовѣ ради градскихѣ. А аще кто станешѣ за шѣхѣ доводчиковѣ моихѣ отвѣчати, и ошѣ того я, холопѣ швой, не отрекусь. Умилися, Великій Государь, Государь благочестивый и премилостивый, Царь и Великій Князь Феодорѣ Алексѣевичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецѣ, Государь преблагій; сошвори милость

для Вашего Царскаго Величества веселія дому, и всего царства вашего радости и благодаренія, которыя нынѣ всемирная державы Вашего Царскаго Величества поднебесною радостію празднуешъ, къ нимъ же и мы, холопи швои, узники штилѣшніе, безвиною разворенные шуне въ непрестанномъ бывшій желаніи, и плачи при совокупльшіи гласъ свой, о вашемъ Великаго и милосердаго Христіанскаго Государя веселіи слово рцемъ: вознеси всевѣчный, и милосливый, и милосердый Боже рогъ Христа своего Ваше Царское пресвѣшное Величество, и буди миръ въ силѣ швоей, о славо и діадима царствующаго града! и чшобъ вамъ Великому Монарсѣ и милосливому Государю, и супругѣ вашей благочестивой и благовѣрной Великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ Агафіи Симеоновнѣ, которую въ державу скипетра своего избрати по воли всемогущаго Бога изводилъ; да и Онъ милосливый и премилосливый Боже благословеніе вамъ Великимъ Государемъ, да царшвуете здраво во благоденствіи и долгоденствіи, и въ не-

непрестанной радости и въ благопо-
 лучіи. Благослови васъ Боже, Боже нашъ
 благослови ны, и убояшся Вашего Цар-
 скаго Величества вси концы земли,
 на злшую вѣка памяшь; и да дастъ
 вамъ наслѣдіе рода вашего Царскаго.
 Еще же паки мы, холопи швои, ми-
 лости просимъ для благочесливыхъ и
 благовѣрныхъ Великія Государыни Ца-
 рицы и Великія Княгини Натальи Ки-
 рилловны, машери Вашего Царскаго Ве-
 личества, и для благовѣрнаго и благо-
 чесливаго Великаго Государя Царевича
 и Великаго Князя Іоанна Алексѣевича
 всей Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи,
 и для благочесливаго и благовѣрнаго
 Великаго Государя Царевича и Велика-
 го Князя Петра Алексѣевича всей Вели-
 кія и Малыя и Бѣлыя Россіи, Вашего
 Царскаго Величества брашій; и для
 благочесливой и благовѣрной Госуда-
 рыни Царевны и Великія Княжны
 Анны Михайловны, и благочесливой
 и благовѣрной Государыни Царевны
 и Великой Княжны Ташіаны Михайлов-
 ны, Вашего Царскаго Величества ше-
 покъ, и благовѣрной Государыни Ца-
 ревы и Великой Княжны Евдокіи

Алексѣевны, и благочестивой и благо-
вѣрной Государыни Царевны и Вели-
кой Княжны Марѣи Алексѣевны, и
благочестивой и благовѣрной Госу-
дарыни Царевны и Великой Княжны
Софіи Алексѣевны, и благочестивой и
благовѣрной Государыни Царевны и
Великой Княжны Екатерины Алексѣев-
ны, и благочестивой и благовѣрной
Государыни Царевны и Великой Княж-
ны Маріи Алексѣевны, и благовѣрной
Государыни Царевны и Великой Княж-
ны Θεодосіи Алексѣевны, и благо-
честивой и благовѣрной Государыни
Царевны и Великой Княжны Нашалии
Алексѣевны, Вашего Царскаго Вели-
чества сестрѣ, многолѣтнаго здра-
вія. Вели, Великій Государь, наше
невинное и странное раззореніе воз-
вратишь за невинность нашу, честь
мою и чинѣ сынишка моего, копо-
рыми помилованы отъ Бога и по-
жалованы были отъ отца швоего
Государева, Великаго Государя, ша-
кожде и отъ тебя милосшиваго Вели-
каго Государя, да возвратишься на
насѣ, и да покрывается невинное и
странное безчестіе нагошы нашей ва-
шею

шею Великаго Государя милосіію, и живопишки наши, дома, и помѣспья, и вопчины возврашишь; и вели насъ изъ сего започенія взяшь къ Москвѣ, чшобѣ мы, холопи швои, Господа Бога на всяко время просили о вашемъ Государскомъ здравіи; а и на Мезень по швоему Великаго и милоспиваго Государя указу велѣно насъ, холопей швоихъ, переволочъ ошъ Пустоозерскаго и горькослезнаго мѣста, и ошъ моря къ шомужѣ пустому морю, за шюужѣ шѣснопою и спражею шемничною; а и на Мезени намъ, холопемъ швоимъ, шунедашелей нѣшъ; а что швоего Великаго и милоспиваго Государя жалованья дано изъ Мезенскихъ доходовъ сто пяшъдесяшъ рублей, и шого будетъ на день намъ, холопемъ швоимъ, и сиротамъ нашимъ по шри денежки, а на иные дни и не будетъ по шри денежки, а на одежду намъ швоего Государскаго милоспиваго указу нѣшъ. А и прошивникамъ церковнымъ, которые сосланы на Мезень, Аввакума жена, и дѣши, и шѣмъ швоего Государева жалованья на день по грошу на человѣка, а на ма-

лыхъ по три денежки; а мы, холопи твои, не прошивники ни церкви, ни вашему Царскому повелѣнію; а хлѣбъ твоего Государскаго жалованья, въ твоей Великаго Государя грамотѣ написано, ржи двѣсши чешвершей, овса пятьдесятъ чешвершей, ячмени тожъ; а мѣрю нынѣ вашимъ Великаго Государя указомъ, мѣденою мѣрою: всего будешь ржи 115 чешвершей, овса 28 чешвершей, ячмени тожъ, и того ради вашего Государскаго жалованья радуемся и плачемъ. Плачу, что великій сѣдиною, деревенъ работами, сверстанъ кормомъ яко со единопшными, иже маперемъ своимъ еще не дѣлашьными, и почишаю и радуюся, что хоша и во гнѣвѣ, а милость свою Государскую помянулъ еси, а о сугубой милости на тебя Великаго и милостиваго Государя надежда наша; и за сіе твое Великаго и милостиваго Государя жалованье мы, холопи твои, Вашему Царскому Величеству къ спопамъ рабски припадая, съ усердіемъ предъ пресполомъ вашимъ лицами къ лицу земли челомъ бьемъ, и паки должны во вѣкъ живота нашего о вашемъ

шемъ Великаго и милосердаго Христї-
 янскаго православнаго Государя и Ца-
 ря, Всевысочайшаго Царя Царемъ и
 Бога молиши, а частымъ челобитьемъ
 нашимъ къ тебѣ Великому и милосер-
 дому Государю не докучаемъ, нуждѣ
 ради нашихъ и тѣснощѣ въ шесть
 лѣтъ, прешю челобитную послали
 къ вамъ Великому Государю, а бу-
 дешъ холопи твои совершенныя Ваше-
 го Царскаго Величества милоспи не
 доспойни за службу, и кровь, и за
 работы наши всякія, и за безвинство
 наше къ Москвѣ взяшь не укажешь,
 какъ раба наша взята и за вину съ
 Коломогоръ; вели наше невинное и
 странное раззореніе возвратишь, да
 престанешъ плачь нашъ къ Богу, и
 вели насъ взять въ деревнишки наши
 хлѣбныя, чшобъ мы, холопи твои,
 за васъ, Великаго Государя, и за весь
 вашъ Государской домъ Господа Бога
 молили. Милосердія, милоспи, уми-
 ленія и оспрады просимъ. Премилоспи-
 вый Царь Государь! умились.

Человитныя егожъ Боярина Артемона Сергѣевича, пѣ такопомъ же числѣ и о томъ же непопинномъ его очищеніи отъ ненаписти и злобы при преждевыпшемъ его Блярскомъ заточеніи изъ Густоозерскаго острога и тѣхъ же лѣтъ, и съ тѣмижъ пыщепомянутыми посыльщики пѣ Москпу посланы были ко Святѣйшему Кирѣ Іоакиму, Архіепископу Московскому, и всея Россіи, и пѣхъ съперныхъ странъ Патріарху.

ПЕРВАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ.

Великому господину, Архіереемъ Архіерею, и Пасшыремъ Пасшырю, Святѣйшему Іоакиму, Патріарху Московскому, и всея Россіи, не имбющій помощи и заступленія, развѣ всемилошпиваго Бога, и себя, Его великаго Архіерея, кѣ милосшпивому и благочестшпвому Государю Царю и Великому Князю Θεодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, бѣешъ челомъ убогой и до конца разворенной Аршешошка Машѣвѣвъ съ убогимъ сирешою, съ сынишкомъ своимъ Андрюшкомъ. Дашшовица егда
осла-

ослабѣши, и не можешъ зная мразна
 стериѣши, бѣгаешъ въ сицевыя мѣ-
 ста, идѣже теплый и тихій воздухъ
 дышетъ: тако и азъ, не могій прочее
 сицева проживна въпра дышущихъ за-
 вискию человѣкъ понести, тамо при-
 бѣгаю, идѣже есть необуреваемая ми-
 лость и тишина; сіе есть къ заступ-
 ленію вашему: извѣстилъ бо ся, и
 видѣхъ очима моима бываемая вами,
 яко прибѣгающіи подъ покровъ вашей
 свяности тихій, и яко на камени
 твердѣ полагающіи основаніе храми-
 ны. Сіе есть упованіе, на заступле-
 ніи вашемъ непопояляеми бывающъ
 волненіи водными, и не раззоряеми
 обрѣтаются въшромъ праведнѣ, чело-
 бишную мою у святѣйшаго престола
 полагаю. Се уже прешіе лѣшо, вели-
 кій господинъ, начали плакати горь-
 кими и кровавыми слезы по престав-
 леніи благочестиваго и милостиваго и
 приснопоминаемаго, блаженныя памя-
 ти Великаго Государя Царя и Вели-
 каго Князя Алексѣя Михайловича, всея
 Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Само-
 держца, воспоминая милость къ себѣ
 отъ него, Божія Помазанника, обыч-
 ную,

ную, святѣйшій великій господинѣ
 милоспію моя прошенія, паче слеза-
 ми, а не черниломъ писанная прораз-
 суждая, яже мнѣ ко удержанію нуж-
 нѣйшая не презри. Кто же сице много-
 бѣдспвуемы, спраждая и болѣзнуя, и
 обрѣщается якоже азѣ, иже по скор-
 бехѣ, не почію отъ друговѣ явствен-
 ныхѣ, но и отъ друговѣ присныхѣ,
 иже во овчихѣ кожахѣ лицемѣрспву-
 ющии, ихѣ же отъ дѣлѣ ихѣ вѣмѣ,
 яко Свяшительспво ваше позна, нѣсть
 ничто же тайно, еже не открывается
 вамѣ; и сіе къ тебѣ, великому гос-
 подину, пишу, и не инымѣ вѣнню,
 либо кто вѣнишся совѣспію своею;
 но къ тѣмѣ, которые у меня слу-
 жили и работали, тѣжѣ на мя и воз-
 сшали, да воздастѣ имѣ Господѣ Богѣ
 по дѣломѣ ихѣ, о тѣхѣ не убо егда
 оболгуемѣ, отъ инѣхѣ убо егда на-
 вѣшумѣ кая, ни единѣ, или не мно-
 зи отъ древнихѣ поспрадаша: бу-
 дутѣ бо, рече, врази челоуѣку до-
 машній его. Кто когда мужеубій-
 ца осужденѣ есть, не сушѣ на су-
 дѣ обличися. Кто свяшокрадца,
 или чародѣя, и иныхѣ заповѣданныхѣ
 зако-

закономъ бывшій дѣлашель не сущъ на судѣ, опосланъ есмь изгнанію за совѣсть судіи; законъ бо повелѣваетъ, да предъ судією испещъ и отвѣпчикъ предстанутъ; судіяжъ ожидаетъ извѣштовъ и доводовъ на лицѣ, и тогда, или яко невинна оппустишь; или яко винна осудитъ. Предъ Бойры Давыдко лѣкаръ въ разпросѣ сказалъ, что человѣкъ мой Захарка, а разпросѣ и оправданіе его, что онъ очищалъ, писано въ первой челобитной. Мнѣ же, Великій Свяшитель, вина сказана, что шой книги безъ указу и безъ розыску жечь не довелось, помня спрахъ Божій и Великаго Государя; и я, овца швоего спада, спрахъ Божій и благочестиваго Великаго Государя имѣлъ, и имѣю; и имѣши не прешану до послѣдняго моего издыханія. Гдѣ, Великій Свяшитель, по мое слово, чтобы я приказалъ книгу сжечь, и кто о томъ сказывалъ? Человѣкъ мой Ивашка Еврей; чему тому повѣрено? Хопябъ и не сиропина мой, онъ же человѣкъ мой Ивашка Еврей сказалъ: что онъ приказалъ женѣ своей сжечь; а жена его сказала, что

по

по приказу мужа своего сожгла она Свидѣшель ми еспь Господь Богъ, иже вся вѣспь прежде бышя нашего, что слукавствовалъ на мя, не прешерня пышки; а я не зналъ того ничего, какъ между ихъ было, а всѣхъ выше-писанныхъ лицъ рѣчи разны и несогласны. А въ извѣстныхъ дѣлахъ, Великій Свяшитель, прошивъ законъ Великихъ Государей, рѣчи сводящъ милосердо, и буде не согласны, и тому не вѣрящъ; кому повѣрено, и раззоренъ безъ остатку, и учиненъ нищимъ, не имѣя вины. А что Степанъ Докшоръ и Переводчикъ Николай Спатарій, и Иванъ Соловцовъ, то сначала, что сказали, того и въ сказкѣ мнѣ въ Казани не чли, что они меня и себя очисшили, или на меня и на себя говорили. Человѣкъ мой Ивашка Еврей умирая говорилъ, что я книги у нихъ не видалъ, и ему Ивашкѣ, и женѣ его жечь не приказывалъ; и сіе слово и невинность мою кровію и смертію своею закрѣшилъ, ни сказкѣ моей допросной за рукою моею повѣрено, еще сущу Бояриномъ, ни Думному Дворянину Федору Прокофьевичу Соковнину,

нину, ни Думному Дьяку Василью Семенову, по осмотру въ рухлядишкѣ моей, что такой книги нѣтъ и не бывало, не повѣрено ни оцѣмъ моимъ духовнымъ, ни шремъ челоѣкомъ племенникомъ моимъ, которые жилище имѣли у меня; ни девяти челоѣкомъ людишкамъ моимъ, которые у меня непрестанно жили, не повѣрено; единому же вору лѣкарю Давыдкѣ, и по непопробному, повѣрено. Кто же бы, великій господинъ, тако окамененно сердце имѣлъ, видя вся предъ собою жестокая, не возрыдалъ и не восплакалъ? Судимъ, не представъ суду, и осужденъ есмь зачоченію. Законы Великихъ Государей, великій Свяшитель, не допускаютъ выдаши челоѣка на раззореніе и погибель, прежде даже оклеветаемый не имать предъ лицемъ клеветующихъ его, и мѣсто отвѣта пріиметь о своемъ согрѣшеніи, и не судитъ законъ челоѣку, аще не слышитъ отъ него прежде, и разумѣшь, что творитъ; мнѣжъ не точію возбранено стати суду, но еще и далече сушу отослану, да враги мои, доводчикъ Давыдка, ближай-

жайше и лучше возмогутъ на мя ядѣ
неправедно изблевати, не бѣщу опивѣ-
щающу. Но что глаголю, судѣ Бо-
жій, идѣже нѣсть лицепріянія, сей
истинною и правдою разсудишѣ ны;
но и прочая помненія лѣтъ ми воспо-
мянуши, еже къ пользѣ всякихъ мо-
ихъ прудовѣ, къ славѣ, къ простран-
ству царства благочестиваго Великаго
Государя, кая не мноу ушаенна быши
Свяшительству вашему и за шолікія
службы, и крови, и всегдашнія смер-
ти пріобрѣщенной чести лишихся и
имѣній, еще прежде житія моего про-
жишыхъ пострадавши, и нынѣ утвер-
жденну и изнемогшу старцу съ чер-
вемѣ моимѣ, ни пристанища, ниже
мало мѣсто имѣши; обаче ниже сія
мучишѣ мя. Свидѣтель ми есть Богѣ,
ниже о чести, ниже тако о славѣ пе-
куся, но яко безчестію моему безъ
вины быти исправлену хошу, кромѣ
любя, пастыря Христова, не имѣю ни-
кого, ошо всѣхъ обнаженѣ и не вос-
поминаюшѣ преждебывшаго. Помощь
моя опспуни, и опверже мя милость
и не возрѣша на мя ближніи мои,
познаша чужа, неже мене, и друзи
мом

мои немилосливїи быша, и вѣдущїи
 имя мое забыша. Отъ многихъ при-
 шавовъ и карауловъ такъ спѣсненъ
 и вѣ пупи шакїя нужды воспрїялъ,
 что исписати швоему Архіерейству
 не возмогу; не шокмо что воспомина-
 ная законъ Божїй, мнѣ кая ослаба
 учиниши, но и шого не могъ упро-
 сиши съ горькими и кровавыми слезы,
 чтобъ принялъ вѣ Казани мои че-
 лобїишныя и прислалъ къ Великому
 Государю, и къ шебѣ, великому го-
 сподину; имѣють бо силу и сильныхъ
 дружбу. А я бѣдной имѣю шолько
 слезы и въздыханїе, воспоминаая сло-
 веса, еже рече Господь Аммосомъ Про-
 рокомъ: Днїе праздникъ вашихъ обра-
 щяшся вамъ вѣ плачь и рыданїе.
 Умилосердися милосливѣйшїй великїй
 господинъ, Свяшѣйшїй Іоакимъ, Патрі-
 архъ Московскїй и всея Россїи! за-
 спуши и упреси волнуемаго бѣдами
 и плачущаго у вашей Архипастырскїя
 любве милосши, еже прирѣвши на
 смиренное мое прошенїе, вспомяни
 милоспъ свою ко мнѣ, и невинность
 мою, и раззоренїе мое къ милости-
 вымъ ушесамъ Великаго Государя,

благочестиваго Царя и Великаго Князя Θεодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца: Принеси, чтобъ онъ Великій Государь прошенія ради вашего Святишельскаго челобитную мою предъ собою Великимъ Государемъ и предъ тобою, Архіереемъ Божіимъ, и предъ всѣми Бояры велѣлъ прочести, и разсудити милосердо, и чтобъ онъ, Великій Государь, насъ бѣдныхъ, неимѣющихъ помощи, не заставилъ спранствовать межъ чужихъ жилищъ, и изъ сего заточенія велѣлъ взять, и изъ за приспава свободить, и жить намъ бѣднымъ и за него Великаго Государя, и за его Государской домъ Бога молишь, гдѣ его Государская милоспивая воля будетъ. Подай въ заключеніи сущу цѣлебную руку; и о семъ непрестанно молю, и не опчаяваюся вашимъ Святишельскимъ всемошнымъ заступленіемъ, вспоможенъ и помилованъ быти желаю. Великій господинъ! умилися.

ВТОРАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ.

Великому господину, Архіереомъ Архіерею, и пасшыремъ пасшырю, и ошцемъ ошцу, Святѣйшему Іоакиму, Патріарху Московскому и всея Россіи, всеконечнѣ раззоренныи и ни отъ кого милости и помощи и засшупленія въ раззореніи и въ невинносшяхъ своихъ неимѣющіи, развѣ всесильнаго и всевысочайшаго Бога, и тебя, Его Архіерея. Бьютѣ челомъ Аршемошка Машвѣвѣ съ убогимъ своимъ червемъ сънишкомъ Андрюшкомъ. Въ первыхъ моихъ, великій господинъ, челобитныхъ, кошорыя писаны въ Казани во 185 году, Іюня въ 13 день, и не приняты, а приняты въ Пустоозерскомъ и посланы къ Великому Государю, и къ шебѣ великому господину во 186 году, Іюня въ 26 день, и въ шѣхъ обѣихъ моихъ челобитныхъ старости ради и увѣчья моего погорбленнаго, а наипаче всего гнѣва ради Государскаго и опалы, и ошлученія отъ Государскія милости, и раззоренія моего всеконечно обезпамятѣль, и многое, что видѣль въ Божешвенномъ

писаніи, и то безпамятствомъ своимъ не написалъ; а что воспоминавалъ для очищенія себе, чшобъ паче невинность моя предъ Великимъ Государемъ и предъ шобою отъ лукавыхъ и злыхъ сердца челоувкъ очищились отъ вора лѣкаря, и челоувка моего карлы Захарки написано: Великій Свяшитель! въ извѣстѣ Давыдки лѣкаря, что сказывалъ ему челоувкъ мой карла Захарка, какъ будто мы чли книгу съ Степаномъ Докторомъ и съ Переводчикомъ съ Николаемъ Спатаріемъ, и въ то время будто пришло къ намъ въ избу нечиспыхъ духовъ множесшво; и то, великій Свяшитель, по наученію лукавыхъ людей зашѣялъ воръ Давыдко, хотя себѣ свободы отъ правезу. А челоувкъ мой карла сиропина, убояся страху и мукъ, не шокмо такой сиропина увѣчной, но многіе въ крѣпости и въ силѣ, не шерпя мукъ, клеветушъ на людей невинныхъ, но и сами на себя говоряшъ, чего не дѣлали. И тѣхъ, великій господинъ, дѣлъ по приказамъ много, а я отъ воровскаго ихъ составу и наученія очищаюсь Боже-
спвен-

ственнымъ писаніемъ, какъ о томъ
 учили церкви пишушь. Не про-
 гнѣвайся, великій Архіерей Божій, на
 овцу, сплученную спада швоего, аще
 и паршива нынѣ ненависшію токмо
 швоего спада, что дерзнулъ написа-
 ти вѣчелобитишь своемъ ошъ писанія
 не яко невѣдущу тебѣ, но да вспо-
 мяну для очищенія невинности моей.
 Свяшій Апостола и свяшій Іоаннѣ
 Дамаскинѣ, и иные глаголюшь: ошъ
 живыхъ сущихъ никому не возможно
 видѣши духи чистые и нечистые,
 какъ о томъ свидѣтельствуемъ слово
 трешіе вѣ Маргаритѣ, бышь, рече,
 яко день сій, и прідоша Ангели Бо-
 жіи предсташи Господеви, и діяволѣ
 посредѣ ихъ. Убо со Ангельскою ли
 службою предстоитѣ діяволѣ, и по-
 средѣ свяшыхъ духовъ нечистый
 духъ предстоитѣ. Никакоже, ниже бо
 свяшій Ангели предсташа Богови шѣ-
 леснѣ; но всяка служба предстоянїе
 глаголется сїде, и діяволѣ сїз не на
 небесномъ мѣстѣ, шїже вѣ премирныхъ
 силахъ, яко созданіе Божіе, повелѣва-
 емъ бываетъ швориши подобающа вѣ
 шпроишельства. Великій господишь! вѣ

человѣцѣхъ свящїи Ангели посылаемы
суть, на беззаконныхъ же человекѣхъ
муки бѣсове повелѣваемы суть. Егда
свящые Ангелы поминаешъ Павелъ, гла-
голетъ: не всѣ ли суть служебнїи ду-
си на служенїе посылаемы ради хо-
тящихъ наследовати спасенїе. Опню-
ду же вѣдомо, яко свящїи Ангели
служашъ на человекская благопослѣ-
шесшва; горцїи же бѣсове на грѣш-
ныхъ мученїя. Посла бо, Давыдъ ре-
че, на Египетъ ярсшь и гнѣвъ и
скорбь посланїе аггелы лютыми. Лу-
кави убо и нечистїи бѣсове аще и
оппадоша предложенїемъ, но подѣ
игомъ лежатъ работѣ. Сего ради
опвѣщаваше на Ахава, Богъ глаголетъ:
Кшо поидетъ и прельститъ Ахава,
и падетъ? Опвѣща духъ лукавый: се
азъ; вѣдѣше бо, яко на сіе учиненъ
естъ дїяволъ. Посылаютъ же ся и къ
праведнымъ, не яко мучашъ, но да
искусятъ; понеже Ангелъ святъ, по-
служити искушенїю не повелѣваемъ
естъ; не бо Богъ повелѣваетъ не-
досшойное Ангелу. Сего ради бѣсове
на сіе повелѣваемы суть на искуше-
нїя; не гласъ бо исходитъ отъ Бога

и лукавому бѣсу, ниже сподобляется сего прешупное оно произволеніе, естество бо благо, предложеніе же зло; діаволь бо не естества естъ имя, но произволеніе: не бо діаволь бысть изъ начала, и не сотворилъ Богъ діавола: но Ангелъ убо созданъ бысть, діаволь же именовася, яко оболгали Бога человѣкомъ и человѣка Богу. Свяшый Евангелистъ Матѣей, зачало 75, глаголетъ: первѣе сошвори Богъ изъ небышїа въ бышіе разумную шварь родовъ Ангельскихъ существо безплошное, неосязаемое, духи невидимїи и свѣшлости и красоты неизреченной. Книгажъ, свяшый Владыко, ключъ разумѣнїа, глаголетъ: два естества наи-честнѣйшїа Богъ сотворилъ: Ангельское и человѣческое, на образъ свой и подобіе. Такъ рекъ самъ Богъ, глава 1 въ Библии: Сотворимъ человѣка по образу своему и по подобїю. Обаче не по тѣлу, но по душѣ человѣкъ естъ образомъ Божїимъ. Богъ естъ всевысочайшїй, невидимый, и Ангелъ невидимый, и душа человѣческая невидимая. Златоустый же глаголетъ въ Маргаритѣ бесѣда 5: что естъ душа,

убо воздухъ ли, или духъ, или вѣтръ? Но ни что же ошъ сихъ рекутъ; сіа бо вся шѣлеса суть. Къ Коринѣомъ нравоученіе 29: аще бы мощно было изврещи изъ шѣла душу неправеднаго, и видѣль бы еси ю, но не возможно. Нравоученіе 25: аще бы души нагіа можно видѣти, якоже въ воинствѣ сраженію мимошедшу, иныя убо мершвы естъ видѣти, иныя же уранены плоти, а души видѣти не возможно. Во нравоученіи къ Колоссаемъ 11: аще шѣлу разсѣкшу, коегождо душу можно было видѣти, показалъ быхъ, но не возможно. Въ Маргаритѣжъ, великій господинъ, воеже предста Царица, шой же злэшпрунный глаголетъ о добродѣтели шѣлеснѣй: что естъ доброта шѣлесная, явѣ естъ, яко ошъ естества, а не ошъ произволенія. Онъ же глаголетъ: пойдѣмъ къ души, зри ону; не бо можеши видѣти ю, невидима бо естъ. Іоаннъ свяшый Дамаскинъ глаголетъ, книга 1: въ насъ естъ духъ ошъ нашего естества, ниже воздухъ естъ вдохновенія и ошъ духновенія вдыхаемо и ошдыхаемо, иже во время глаголанія, егда что

что рцемъ, и гласъ слово учиняется
 и на воздухъ разсыпается. Древній
 же Философъ Сократъ, его же похва-
 ляетъ свяшій златорунный языкъ
 въ нравоученіи 125, всѣхъ сущихъ
 любомудріемъ одолѣвая, глаголетъ:
 солнца убо плоть видяшъ вси человѣ-
 цы, духа же плоти ни единъ мо-
 жешъ видѣши. А о измѣнѣ существа
 ихъ духовъ нечистыхъ, и низвер-
 женныхъ, и проклятыхъ, никто не
 написалъ, чшобъ естеству ихъ была из-
 мѣна, какъ Злашоустый глаголетъ:
 естество благо, предложеніе же зло;
 и какъ глаголютъ святіи Апостоли,
 Петръ, зачало 66 втораго посланія:
 аще бо Богъ Ангеловъ согрѣшившихъ
 не пощадъ, но плѣницами мрака свя-
 завъ, предасъ на судъ мучими блю-
 сти. Іуда, зачало 77: Ангелъ же не
 соблювшихъ свое начальство, но
 оставльшихъ свое жилище, на судъ
 великаго дне узами вѣчными подъ
 мракомъ соблюде. Человѣкъ же мой
 карла въ разпросѣ сказалъ: спалъ за
 печью и храпѣлъ, а видѣлъ; и въ
 томъ свидѣшельствуюсь писаніемъ же
 къ Римляномъ. Нравоученіе 24 глаго-
 летъ;

леть: азъ убо сіе реку, иже въ глѣ-
боцѣи ноши спящимъ же и храпящимъ
уподобимся вси, и аще мощно су-
щество безплотное было видѣши, по-
казалъ бы вамъ, како убо множайшіи
храплютъ, и дїяволъ прокопываетъ
стѣны, и заколаетъ лежащихъ, и
ошѣмлетъ сушая внутрь сои; спяй
бо убо ниже зло вѣщаетъ что, ниже
благо. Се, великій и премилосливый
Архіерей Божій, не возможно видѣ-
ши духи нечислые. Божественному ли
писанію вѣришь, или ворамъ и плу-
тамъ, и составщикомъ лѣкарю орабъ
одноокому, и исчадію его карбъ? Че-
го и помыслить не возможно, то на
меня, видя меня милости и помощи
оплученна, зашѣяли. А сверхъ сего
свидѣтельствуюсь Господомъ Богомъ,
неусыпнаго Его не ушаишься очесе,
и прежде грѣхъ содѣяши, видя душу,
не требуетъ свидѣтелей, иже вся вѣ-
дый. Какъ на страшнемъ Его Божіи
судѣ вшати? Не токмо словомъ, или
дѣломъ, но и помышленіемъ своимъ
ошѣ сихъ всѣхъ дѣлъ чистъ, что ни
нанесено на меня Великому Государю.
А что прежняго Давыдкова воровства
не

не писалъ безпамятствомъ своимъ въ челобитныхъ своихъ къ Великому Государю, и къ шебѣ великому господину, и те нынѣ объявляю. Воръ Давыдко сказалъ, что онъ, будучи у меня во дворѣ, будто видѣлъ, что мы, запершись въ палатѣ, чли черную книгу, я, работникъ твой, Стефанъ Докшоръ, Николай Спатарій, а онъ Давыдка будто вшелъ къ намъ въ палату изневѣстнымъ дѣломъ. И ты, великій Архіерей Божій, разсмотри и разсуди милосердо: въ запершую палату кто видѣши можешъ сквозь стѣну, кто что дѣлаешъ? Въ запершуюжѣ палату кто изневѣстно входитъ, покажѣши кого позовутъ и пускаютъ? Запворенному внутрь уду врагъ не возможно есть избѣжати, такожде не возможно пройти внутрь, бывъ внѣ. Сіе ли, великій господинъ и свяшый Владыко, не явное воровство наученное, и не составъ явно ложной отъ безумныхъ? Слова ихъ судятъ, и осуждаютъ ихъ самихъ. Словомъ человекъ своимъ осудился, словомъ и оправдился. А допрашиванъ ли онъ воръ Давыдка, или нѣшъ, какъ видѣлъ онъ

сквозь

еквозь еѣну палаты и въ запершую палату внезапно какъ входилъ, того мнѣ, работнику твоему, въ Казани въ сказкѣ не сказано. А что сиропина мой карла вралъ, и къ шѣмъ его рѣчамъ и свидѣтель учиненъ косто-правъ. И тотъ мой сиропина, убояся еѣраху, внѣ себя вралъ, и рѣчи его въ одномъ дѣлѣ всѣ врознь. Первое передъ всѣми Бояры сказалъ, что онъ спалъ за печью и храпѣлъ; я будто услышалъ, и сорвавъ съ него шубу, вышолкнулъ черезъ порогъ въ другую палату. Въ другой его сказкѣ онъ же карла Давыдкѣ вору сказалъ, что онъ боленъ отъ моихъ побой. Въ третей сказкѣ костоправу Ивану Максимову онъ же карла сказалъ и прибавилъ и два ребра. Одинъ мой по-бой явились шрожды, а всѣ врознь. А въ первой своей сказкѣ предъ Бояры того не сказывалъ, что я переломилъ ему два ребра; и прошивъ указу Великаго Государя и уложенья вѣрить ему не доведется. А переломилъ ему два ребра Иванъ Соловцовъ, а не я; и какъ переломилъ, свидѣтели есѣ два человекъ людиш-ки

ки мои, копорые нынѣ по указу Великаго Государя свободны, и бояшися имѣ нынѣ меня не для чего; и есѣли воля Государская будешѣ сверхѣ Лаишевскаго сыску сыскашѣ, воля его Государская. А допрашиванѣ ли Иванѣ Соловцовѣ и карла, и что они сказали, шого всего не вѣдаю. А что свидѣтелемѣ учиненѣ мнѣ костоправѣ, и костоправу быши свидѣтелемѣ не возможно; для шого что самѣ не видѣлѣ, что я переломилѣ; другое, что я на него вѣ свидѣтельствѣ не слался. Костоправѣ что у карлы слышалѣ, то и сказалѣ, что Думной Дьякѣ Даріонѣ Ивановѣ, и Алхимистѣ Иванѣ Ефимьевѣ, и челобѣкѣ мой Ивашка Еврей говорили: и то, Владыко свяшый, мнѣ ко очищенію, а не кѣ винамѣ. Думной Дьякѣ сказалѣ: смолрѣли книжку, сѣ часовникѣ величиною, и послалѣ вѣ аптеку, а сѣ кѣмѣ, шого не упомнимѣ; и что видѣлѣ вѣ ней, благое ли, или злое, и цыфирью ли писано, и шого о той книгѣ не сказалѣ. А книгу, великій Свяшитель, у меня Думной Дьякѣ смолрѣлѣ, что устроена вновь при мнѣ на Славян-

вянскомъ и на Лашинскомъ языкахъ о лѣкарствахъ съ цѣною, чтобъ сверхъ успаву лишнія цѣны не имали. А что онъ, не памятуя шоя книги, которую видѣлъ, а вмѣсто шой обѣ иной сказалъ, которой не бывало, и за то Господь Богъ мздовоздаятель. Дѣло, великій Архіерей Божій, объявляетъ невинность мою: чего ради было мнѣ казати книжку, въ которой было что непошребное? Второе, чего ради мнѣ казати ему же Думному лечебникъ и говоришь: принесли мнѣ книжку, годится въ аптеку, вѣдая о томъ, что Думной Дьякъ Ларіонъ Ивановъ Докторскимъ и Медицинскимъ и Алхимистскимъ наукамъ не искусенъ? Чего ради было мнѣ посылаши шое книжку къ Докторамъ, вѣдая, что Докторы всѣ не искусны Славянскому реченію и цыфирнымъ счашьямъ? Кто бы, великій господинъ, многое богатство, злато и ризы многоцѣнны, и даровалъ мнѣ, и за сія хотѣлъ бы взяти очи мои, не далъ бы я; и аще бы далъ, тогда бы былъ безумнѣйшій и паче .всехъ швари. Аще же тако щажу око шѣлесное, и вся прошиву

ему

ему ничто же вмѣняю, то кольми па-
че достоитъ храниши око душевное
ума, да не будешь зашмѣнь. Не хо-
тѣлъ бы за сію малую и мнѣ непо-
требную книжку, лечебникъ, наслѣдіе
родившаго мя и пожизки, прижизные
службами, и рабошами, и кровавыми
моими пошами, погубити, которые
чрезъ шестьдесятъ девять лѣтъ на-
жиши; могъ бы я, и разумѣлъ, что
злое видя въ той книжкѣ, безъ ап-
теки, и не показавъ Думному, и не
посылая къ Дьяку и къ Докторамъ
на свидѣтельство, въ домишкѣ безъ
свидѣтелей сжечь. А человекъ мой
рѣчи свои перемѣнилъ, и сказалъ, что
онъ взялъ у Алхимиста, а не у меня
украсть, и женѣ своей приказалъ сжечь.
А Алхимистъ сказалъ, что далъ ему
Алхимисту человекъ мой Игнашка,
а не я. А какая, великій господинъ,
межъ ихъ была книжка, и я того не
вѣдаю; всѣ рѣчи врознь, и Великаго
Государя указу прошивны, а мнѣ ко
оправданію, а вору Давыдкѣ и карѣ
человѣку моему къ винѣ; и мнѣ, ве-
ликій Свяшитель, вмѣсто оправданія
со всѣхъ розныхъ и несогласныхъ ска-
Р зокъ,

зокъ, копорымъ указъ Великаго Государя и уложеніе не повелѣвають въришь, а вины и неправды написаны мнѣ и сказаны, копорыми невиненъ. Мнѣ же, великій господинъ, вина въ сказкѣ моей наведена, какову я далъ Полуголовъ Алексѣю Лужину, что будшо далъ я сказку ложно; и я какъ далъ сказку, такъ и въ дѣлѣ явилось: человекъ мой Ивашко не крадывалъ, взялъ у Алхимиста, а Алхимистъ сказалъ шѣ же рѣчи, и сказка моя за что учинена лжива, а моеѣ лжи и неправды нѣшѣ, а раззоренъ шуне, не имѣя вины. Мнѣ же, Архіерей Божій милоспивый, сказано, что книги безъ указу Великаго Государя, помня Божій спрахъ и его Государской, и безъ розыску жечь не доведось, а извѣспити было объ ней Великому Государю. Гдѣ, Владыко Свяшый, то мое слово, что я приказалъ сжечь, или на себя говорилъ, или иніи свидѣшельствовали? Никшо, кромѣ человека моего Ивашки Еврея; и шотъ рѣчи свои перемѣнилъ, а сказалъ, что онъ взялъ у Алхимиста, а не у меня укралъ, и мнѣ было извѣ-

вѣщати Великому Государю нечего и ни на кого не имѣю; а спрахъ Божій и Государской имѣль и имѣю, и имѣти не престану до послѣдняго издыханія. За что, Владыко свяшый, шѣ отспавлены, копорымъ законъ Божій и Великаго Государя указъ и уложенія повелѣвають вѣришь? Отцы мои духовные, Преосвященный Архіепископъ Симеонъ Тверскій, Успенія Пресвятыя Богородицы Прошопопъ Кондрашъ не допрашиваны, и не повѣрено обыску и осмотру живошовъ моихъ и всей рухляди моей, и вездѣ пересмотру на дворишкѣ моемъ и въ Лаишевѣ, какъ обыскивали и осматривали Думной Дворянинъ Ѳедоръ Прокофьевичъ Соковнинъ, да Думной Дьякъ Василій Семеновъ; а книги и ничего прошивнаго Богу и измѣны моей, осматривая писемъ, никакія не нашли, а писемъ Посольскихъ взяли много; сыскужъ о той книгѣ, что они сыскивали, и въ сыску было два человекъ спряпчихъ, одинъ человекъ Дворянинъ Московской, девять человекъ людишекъ моихъ, что такія книги нѣшъ и не бывало. Сверхъ се-

го Думной Дьякъ Ларіонъ Ивановъ, стряпчій Иванъ Соловцовъ, Докторъ Степанъ, Переводчикъ Николай Спатарій, Алхимистъ Иванъ Ефимовъ. Мнѣ же еще въ то время по Государской милоспи будучи Бояриномъ, и всѣмъ вышеписаннымъ дваццати чело-вѣкомъ не повѣреножъ; единому же домишка моего сиротинѣ увѣчному и вору однокому повѣрено. За что спражду, не вѣмъ; уже раззоренъ, уже всякія милоспи лишенъ, опшорженъ, сверхъ сего въ шаковое мѣсто посланъ, какъ имя ему Пустоозерской, не токмо купишь часнъ мяса, или колачъ, или какія нужды, по-лребныя для пици и хлѣба, на двѣ деньги купишь, не добышь, и нѣшъ и не знають шого съ почашку, какъ жишь почали; единъ борщъ ъдьяшъ, да прибавливають по горсти муки ржаная, и то пожиточные люди. Не токмо, великій господинъ, купишь что, имени ради Божія выпросишь милоспыни не у кого, да и нечего; для шого что сами просяшъ, и дашь некому и нечего, и бредушъ врознь, а доспальные на тошъ же пушь смо-
тряшъ

спрятъ глада ради. А у меня по милости Великаго Государя что не опяшно было, и по водами и горами и переволоками пошоплено, вышочено; приближается до того, что прежде времени со всякихъ нуждъ душа изврещи. Чаялъ, Архіереи Божіи предшпашельспвовашъ о мнѣ будущъ, видя мои невинности и раззореніе всеконечное, но пустьъ помощи, обнаженъ заступленія и укрѣпляющаго не имѣю; много бѣдъ шуне и всуе и спуженія надшекаетъ; всѣмъ предложу хопящимъ обидѣши мя, аще кто благодѣтельствовалъ быль благодѣшельство забы оной; аще кому что случилось кромѣ меня, памятозлоствуютъ и гнѣвъ на мя испущаютъ. А въ шаковомъ започеніи, и въ шакой нуждѣ и шѣсношѣ голодъ, холодъ, дымъ, поношеніе всечасное и спѣсненіе спражи, только душа не извержешся, и исписати не возмогу, многобѣдствомъ не имѣя вины. Умилосердися, великій господинъ, святѣйшій Іоакимъ Паптріархъ Московскій и всея Россіи! буди предшпашель о мнѣ невинномъ и шуне всеконечно

раззоренномъ , неимѣющій ни отъ ко-
го помощи , у благочестиваго и Вели-
каго Князя Θεодора Алексѣевича, всея
Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи
Самодержца, Государя премилослива-
го; подай благодать свою яко миро-
благодать даетъ причащающимся ,
тако и слово благо. Сего ради и гла-
голаше нѣкто мироисшощенное имя
швое олдыхати шворящее отъ благо-
вонія онаго, даждь славу имени Всевы-
сочайшему по заповѣди Его, еже рече:
милости хочу, а не жертвы. Тоже
воздаяніе есть, и седмерицею воздастъ
ли въ вѣчномъ воздаяніи радость не-
изреченную, и ликостояніе со свя-
тыми у престола Его всевысочайшаго
Царя Царемъ и Бога. Началоводецъ
людей Его, Архіерей, Владыки Хри-
стна рабъ истинный! сотвори милость
ко мнѣ спранному и нищему. Живъ
Господь Богъ мой, ничтожъ вѣмъ да-
же до днесь, горе старости моей, и
оскорбленному безо всякія вины, зло-
получному милость равно Ангеломъ со-
творяй, о томъ сама Истинна глаго-
лешъ въ писаніи: шворите милость,
да вамъ милостивъ будемъ Владыко
Гос-

Господь. Вся бо, милоспивый Архіе-
рей Божій, аще восхощеши милоспъ
исполниши, исполнишь, яко чиномъ и
еспешствомъ благъ и милоспивъ; по-
чю да не презриши прошеніе наше
слезное, наведи свобожденіе злымъ;
ничпожъ прочее о насъ чаеися ино,
почю смерти приснопослѣдствующая
скудству всякому, чтобъ Великій Го-
сударь милоспи ради своея Государ-
скія, и славы ради своему Государско-
му имени, и швоего ради предспа-
тельства, и моей ради невинности,
и шуне раззореннаго, и воспоминаая ра-
боты, и крови, и увѣчья мои, какъ
въ первой моей челобитной къ нему
Великому Государю писано, велѣлъ
раззореніе наше милоспиво возвратитъ
и насъ изъ сего заключенія свободитъ
и взять, и жить намъ бѣднымъ и
всеконечно раззореннымъ, гдѣ его Го-
сударская милоспивая будетъ воля,
чтобъ наши непрестанныя и невин-
ныя кровавыя слезы ко всевысочайше-
му и всеильнѣйшему Богу престали
на шѣхъ, копорые насъ отъ ихъ Го-
сударской милоспи, и не воспоминаая
суда Божія, безъ всякія нашаея вины

оплучили и раззорили кромѣ всякія правды. Сирыхъ и шуне обидимыхъ кровавыя слезы и въздыханіе, и шруды, проходящѣ облаки къ престолу всевысочайшему. Самъ глаголетъ: покрываю щѣ слезами, въздыханіемъ и шруды жершвенникъ мой, и не имаю презрѣнныхъ обидимыхъ. А мы бѣдныя не отступимъ отъ слезъ и въздыханія грѣшныя своя молишвы, дондеже посѣшитъ шой же Всевысочайшій, и подаситъ о насъ сирыхъ и невинныхъ милосердіе и умиленіе и милость въ сердце государское. Великій Господинъ Святѣйшій Іоакимъ Патріархъ! смилуйся.

ТРЕТІЯ ЧЕЛОБИТНАЯ.

Великому Архіерею Архіереомъ, и пасшырю пасшыремъ, и отцу опцемъ, и великому господину святѣйшему Іоакиму, Патріарху Московскому и всея Россіи, озлобленные до конца и раззоренные безъ вины спранно, и заточенные въ ссылкѣ на послѣднюю чер-

чершу моря, за карауломъ сѣдящіе,
 и неимѣющіе помощи ни отъ кого,
 развѣ всевысочайшаго и всеильнѣйша-
 го Царя Царемъ и Бога, и себя, Ар-
 хіерея Его, бьюшъ челомъ раби твои
 Артемошка Машвѣвъ съ убогимъ чер-
 вемъ моимъ сынишкомъ Андрюшкою.
 Молишельная моя, великій Свяшитель,
 и слезная челобитная ко пресвѣтлому
 Великому Государю Царю и Великому
 Князю Феодору Алексѣевичу, всея Ве-
 ликія и Малыя и Бѣлыя Россіи Само-
 держцу, Государю премилосшивому,
 подобно и къ вашему Архіерейству
 разумѣхъ подаши. Егда вѣмъ свѣша
 сего оку двоима повелѣвашия быти,
 успроися пресполомъ Царскимъ, и пре-
 столемъ Свяшительскимъ, тѣмъ же
 долженъ пріяти бѣдныхъ прошенія,
 иже не опвергаеши и сильныхъ жела-
 нію, но и осужденныхъ невиннѣ пла-
 ча виненъ послушати; обое бо прили-
 чествуетъ тебѣ Владыцѣ, и съ весе-
 лящими веселишися, и съ плачущими
 плакати; чинажѣ есть духовнаго по-
 хвала и изященъ образъ, и души
 своя не щадѣши о погибающихъ, не
 щочію слова, и не шокмо самому бы-

ти сильну, но и немощные укрѣпляти, аще нуждѣ нашихъ шѣсноша велишѣ вспомянуши, егда како духъ твой воспалю, и шебѣ яко кадило молитва ваша Свяшительская многожды загради устнѣ меча Божія. Аще тако превозмогаешѣ волю, что прошеніе Свяшительское не одержишѣ вамъ просимое, всякое на высоцѣхъ Владыко исполняешѣ; ничто же бо просиши недоспойное, возбранишѣ ли премилостивый земли Христіанскій Царь? Суть бо многая свѣдому вашему Архирейству, яже на насъ отъ коея невинности избавишися желаемъ, шочію о прилѣжномъ услышаніи молимъ, послушати благоволи. Подущеніемъ отъ любящихъ любохотнѣ, оболговаши ближнихъ вмѣняюшѣ намъ, егоже никогда же отъ насъ чаеся, свидѣтель ми естѣ Сѣдѣй на Херувимѣхъ и Видѣй въ безднѣ. Глаголюшѣ убо воры и глупцы опца злобы и пагубы отъ царства подаемыхъ, рекше духи въ палатишкѣ моей быти, что ниже кто въ правду ума чуждѣ, и явственнѣ неистовѣ глаголати можешѣ. Ничто же чудно, аще пре-
любо-

любодѣйствуется за ненависть отъ ненавидящихъ мя, и оною плечю расшлѣваешься, сеюжь и раззореніе пріяхъ. Кшо, великій Свяпитель, не вѣсть, кто не зрѣтъ ясно, яко сія вся дѣлали и дѣлають ради ненависти, возмущающе и привсѣвающе на насъ, яко во умѣ нашѣ никогда въздоша; а насъ, рабовъ швоихъ, ничто же увѣщаетъ о сихъ, ниже ошлучитъ отъ любви Божіа, аще и смертію кто воспрешитъ. Христіане бо есть мы, и въ законѣхъ Божіихъ живемъ, и на Него уповаемъ. Вѣмы, Архіерей Божій святой, яко милосливъ и благоутробенъ, и челоуѣколюбивъ, благій, благочестивый нашъ Царь, Его Царское Величество, егда услышитъ прошеніе швое, не отречетъ милости, и невинность нашу разсудитъ и разсудини повелитъ. Сродно бо имъ Великимъ Государямъ, и еще паки обѣщавающимся предъ Богомъ въ помазаніи на престолъ избирати, благое отъ злаго разсудити, правое отъ неправого разсмотрѣти, обидимыхъ шуне отъ ненавидящихъ отъѣяти и возбранити лукавству лукавнующихъ. Уже пятое лѣто, третію

пшю сшо молишельную посылаю кб тебб, Владыко свяшый, челобитную, и не получу милости и заступленія за невинность мою; и не точшо милости полученія, но и отвбща милости не слышу. Или возбраняется препонами указовб Царскаго Величества, или своея превысокія степени престола, нашея нищеты возгнушеніемб? Однакожб де мы, раби швои, должны милости и предшательсшва просити у тебе, дондеже осіаетб насб сбдящихб во шмб и во узахб спражи милость и молишва ваша Архіерейская. Не повбръ ненавидящимб и завидящимб, и поношающимб насб шуне; а мы, раби швои, не престанемб очищати себя отб поношенія онаго. Услыши, премилосшвивый Архіерей Божій, чшо глаголетб Господь кб Іереміи Пророку: прежде неже создахб шя, во чревб познахб шя: и прежде неже изыти шя отб матере си, освяшихб шя, Пророка во языки дахб шя. Се Божественный Пророкб глаголетб вб дебелое сіе площе облеченнымб, за неже якоже не мощно превзыти свою сбнь, и збло спбшающуся, или зримо-
му

му приближись зраку безъ сущаго въ среди свѣта и воздуха, или водѣ въ плаващельному естеству проползатися: тако не мощно сущимъ въ шѣлѣ безшѣлесныхъ видѣши. Учитель великій святой Василій, царствовавшій надъ спрасчьми шѣла, имѣя столпѣ огненный до небесъ, въ бесѣдѣ 8 въ шестодневной книгѣ своей глаголетъ: бѣ нѣкое спаршее мѣробышіе, поставленіе премирныхъ силамъ лѣпошествующее, привременное, вѣчное, присно-сущное. Дѣла же въ томъ всяческихъ здашель, содѣшель соверши свѣшѣ умный лѣпошествующій блаженству любящихъ Господа, словесная и невидимая естества, и всеумнымъ украшеніемъ, елико нашъ разумъ превосходятъ, ниже именованія изобрѣспи мощно. Виждь, Владыко свяшый! высокій учитель глаголетъ: невидимое естество, ниже именованія изобрѣспи можно, и превосходитъ такому высокому учителю разумъ. Такимъ ли смердюхамъ, вору одноокому, доводчику, не истинному Давыдкѣ и сиротѣ моему глупому карлѣ пьяному и увѣчному видѣши души нечисшыя? Аще и пали, а по есте-

естество своему благи, яко глаголетъ
 свяшый Аѳанасій Александрійскій въ
 книгѣ скрижалѣ, листѣ 11 въ вопро-
 сѣхъ ко Антіоху начальнику. Вопросъ
 Антіоховъ: Чимъ премѣнися существо
 демонское отъ существа Ангельскаго?
 Отвѣтъ Аѳанасіевъ: Существо не пре-
 мѣнися, но произволеніе, якоже мысль
 праведнаго и грѣшнаго. Въ той же,
 великій Архіерей Божій, книгѣ напи-
 сано, листѣ 130 о существѣ Ангель-
 скомъ: существо Ангельское ниже зри-
 ся человѣческими очима, ниже руками
 объемлется. Злапоустый же глаголетъ:
 естество бо благо, преложеніе же зло;
 сего ради видѣши человѣкомъ не воз-
 можно. Учитель великій свяшый Гри-
 горій Богословъ, бодрое и неспящее
 око, но выну въ свѣтъ небесной пре-
 мудрости зряще, глаголетъ въ словѣ 18,
 похваляя мученика Кипріяна, а прочихъ
 и нынѣ поучаетъ, чшобъ мужественно
 стояли прошиву кознемъ діавольскимъ,
 реку нѣчшо и нашихъ Іереевъ шайно-
 водительстволюди благопокоренія, иже
 въ плачи утѣшеніе, въ благодѣшель-
 ствіи страхъ, богатіи подательство,
 убозіи благодареніе, вси на лукаваго и
 горь-

горькаго гонителя ополченія, да не являясь мещетъ, да не спрѣбляетъ крыяся, да не яко тьма ратуешъ, да не яко Ангелъ свѣша играетъ и крадетъ въ пагубы, въ пропасти. Виждь, Владыко свяшый, что человѣкомъ духовъ нечистыхъ видѣши не возможно, какъ Пророкъ и Богословъ глаголетъ: такожде да не являясь мещетъ. Какъ сиропинъ и вору одноокому видѣтъ духа нечиста, какъ не являясь мещетъ? Богословъ же глаголетъ: да не спрѣбляетъ крыяся. Какъ одноокому вору, а остро наученому зрѣтъ, и сиропинъ пьяному видѣши духа нечиста, какъ спрѣбляетъ крыяся? Богословъ глаголетъ: да не яко тьма ратуешъ. Какъ вору и сиропинъ тьма рати духа нечиста видѣши: тьма ничто ино, только лишеніе свѣша. Во святомъ, великій Архіерей Божій, Евангеліи толковомъ отъ Матвѣя, толкованіе небеснаго ума злагоглаголиваго Іоанна, глаголетъ Господь: Аще кто не родится отъ воды и духа, не можетъ внити въ царство Божіе. Вопросъ: а почто же отъ воды и духа, а не токмо единъ духъ доволенъ бысть на

на совершеніе крещенія? Отвѣштѣ: сло-
женѣ естѣ чловѣкѣ опѣ души и шѣ-
ла составленіемѣ, а не просѣ; сего
ради сугубою, супружною и сродною,
и присная врачеванія на исцѣленіе прі-
ятѣ; шѣлу убо видимая вода естѣ-
ственная, душѣ невидимой духѣ неви-
димый. Чшо, Владыко свяшый, сего
яснѣе? Вода плоти видимой, душѣ
невидимой духѣ невидимый. Не воз-
можно, великій Архіерей Божій, Ду-
ха Бога видѣши; не возможно, вели-
кій господинѣ, духа чиста видѣши;
не возможно, Владыко свяшый, души
видѣши; не возможно, великій госпо-
динѣ, духа нечиста видѣши. Богѣ
невидимый, якоже глаголетѣ свяшый
Апостоль Павель: Царю же вѣковѣ
нешаѣнному, невидимому, единому
премудру Богу. И Ангелѣ невидимый,
о немѣ же рече свяшый Іоаннѣ Дама-
скинѣ вѣ книгѣ второй, его же су-
щество видѣ и предѣль единѣ Зижди-
тель вѣстѣ. И аггелѣ падшій, онѣ
же и духѣ нечистый, и діяволь не-
видимый, о немѣ же шой же Дама-
скинѣ глаголетѣ: не естествомѣ лу-
кавѣ бывѣ, но благѣ еый, и во блазѣ
бывѣ,

бывъ, и никакоже въ себѣ самомъ
 отъ Содѣшеля злобы имъ слѣдѣ, само-
 властіемъ, волею тѣма бысть и душа
 человѣческая не видима. Той же Да-
 маскинъ свяшій глаголетъ и ука-
 зуешъ о человѣцѣ на Григорія Бого-
 слова, еже онъ глаголетъ: изъ неви-
 димаго же и видимаго естествова содѣ-
 шельствуетъ не видима душа, плоть
 же видима. Что сего, великій Архі-
 ерей Божій, истиннѣе и яснѣе? Гдѣ
 моя вина, раба швоего? Нѣтъ ее. Гдѣ
 правда вора и сироты моего? По свя-
 томъ писаніи нѣтъ правды, только
 воровской составъ, лукавство, нена-
 висть. Паки Злашустъ глаголетъ:
 аще непремѣнное невидимаго не яв-
 ляешъ образъ, что возбраняешъ и
 Ангеломъ образъ быти? ибо и тіи
 суть невидими. Но не себѣ, и душа
 естъ невидимая, понеже невидимая
 просто; сего ради образъ, аще и не
 шако, якоже шой, перворожденъ всея
 швари. Аще бо змѣя видѣли бы есмы
 вгнѣждающагося при одрѣ нашемъ,
 много бы сотворили есмы шщанія,
 яко шого убити; діаволу же, вгнѣж-
 даемому въ душахъ нашихъ, ничто-

же мнимъ спрдаши люто, но лѣнимся. Виновное же, понеже очима тѣлесными того не видимъ; и убо сего ради подобаше наче бдѣши и презвитися: чувственнаго бо супоснана ухранишися нѣкто удобно; невидимаго же, аще не будемъ выну вооруженія, не возможно. И паки на первую и вторую, и сію прешію мою челобитныя, совершениѣше свидѣтельство мнѣ, рабу швоему, на оправданіе и на очищеніе, а врагомъ моимъ и ихъ сосшавному глупству и воровству на обличеніе. Въ Маргаритѣ въ словѣ 3 о святомъ крещеніи Господнѣ, когда при Іорданѣ Креститель Предтеча Іоаннѣ, земный Ангелъ, небесный человѣкъ, ему же пища пружи, глаголетъ ко Христу и Богу: азъ шребую ошѣ тебе креститися. Ты ли грядеши ко мнѣ? Хриносъ же рече: Остави нынѣ, не видиши ты, кто стоитъ здѣ, врагъ діаволъ; молчи, молчи! да не ошутитъ сей, побороши того придохъ; сего ради не придохъ нагимъ Божешвомъ, обложихся вашею плошію, да не видѣвъ

мя

мя нага, отбѣжитъ. Виждь, Владыко
 свяшій, что не возможно видѣши.
 Креститель Господень, земный Ан-
 гелъ, не видѣлъ единого духа нечи-
 ста, а сиротинѣ моему видѣши мно-
 гихъ. Не сиротины моего и не вора
 криваго Давыдки шомъ разумъ и
 смышленіе, но самаго того выше-
 писаннаго діавола, чрезъ чловѣки
 вале, отъ него же діавола научен-
 ныхъ къ пуши своему пагубному.
 Діаволъ пріобрѣтаетъ служащихъ ему
 подобныхъ. Въ символѣ, еже есть
 во исповѣданіи благочестивыя на-
 шея Христіанскія вѣры, юже благо-
 честивые Христіанскіе Цари и свя-
 тѣйшіе Папы и Патріархи, и всѣ
 освященные Соборы седмь, въ нихъ же
 бѣ высокіе философы и чудотворцы,
 согласенъ гласъ испустивше исповѣда-
 ша во благочестіе, и сіяетъ исповѣ-
 даніе; ни единъ, ни два, ни три, но
 вси седмь Соборовъ, отъ востока до
 запада, полунощія и полудня, ушвер-
 дили, яко не шокмо разума, или рече-
 нія, но и дитера возбранена пере-
 мѣниши; и въ шомъ символѣ написано:
 Вседержителя Творца, небу и земли,

видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. Видимымъ человекомъ, невидимымъ духовомъ благимъ и злымъ. И сіе, великій господинъ, спверждаешъ Іоаниъ Дамаскинъ: Богъ сый благъ, и всякаго блага податель естъ; еже полезно намъ познаши и видѣши, отккры; а еже не можемъ носити и видѣши, закры премолча. Все, великій Архіерей Божій, блаженные Богословцы, яко трубы злашюкованныя, даша гласъ языка своего, яко трубою шумяще, возвѣщающъ намъ брань и ополченіе противу силъ невидимыхъ. Которые всю свою жизнь имѣли надъ чтеніемъ Божественныхъ книгъ, и пѣ написали, что духа чиста и духа нечиста видѣши не возможно; сего ради да не поношающъ насъ, рабовъ пвоихъ, невинно, а наипаче всемъ прилѣжаніемъ и бодростію крѣпкою да слышатъ и свидѣшельспвующъ слова сія книгами, не яко моя, но яко отъ пѣхъ блаженныхъ мужей реченная; ихъ бо словеса и утвержденіе спрашное. И сіе до пресвѣтлаго Царскаго Величества не донесено, что тому быши и что духи чистые, и души, и духи не-

нечистые видѣтъ опниюдь не возможно, и сіе зашмилось, не воспомянуто ненавидя насѣ; дали смертнюю рану, и учинили приговоромѣ своимѣ вины и неправды бево всякія вины моя; а я нуждою и раззореніемѣ моимѣ себѣ на оправданіе правое, истинное, православное утвержденіе къ шебѣ, великому Свяшителью, приносилѣ и приношу. Сирошамѣ ли, одноокому и пьяному вѣришь, или Божеспвенному писанію и такимѣ высокимѣ училемѣ, какѣ вѣ челобитѣ моемѣ писано выше сего? О всевысочайшій и милосердый Боже, всего сотворенія Творецѣ, сѣдѣй на Херувимѣхѣ и пѣваемый ошѣ Серафимѣ, и иже вездѣ сый! Ты вѣси, яко слукавствовася на насѣ, и спраждемѣ и умираемѣ шуне. Сіа ли, Архіерей Божій милоспивый, вина моя, что вѣ разспросныхѣ рѣчахѣ раба моего и рабы моей писано, а мнѣ наложена безѣ вины? Сказали они вѣ разспросѣ своемѣ, вѣ присылку Полуголовы Алексѣя Лужина, обыскивалѣ на дворишкѣ человѣка своего Ивашка Еврея, я книгѣ и писемѣ осмашпривалѣ и обыскивалѣ, и вѣ

ларчикѣ , который былъ подѣ головами , въ то время того осмотра споялъ подѣ головами у постели Ивашковой жены его была въ томѣ ларчикѣ , и ту книгу Ивашкова жена по приказу мужа своего въ Лаишевѣ сожгла ; а въ грамотѣ Великаго Государя написано , что мнѣ въ Казани чтена. Естлибѣ та книга была не дурная , для чего было ту книгу подѣ мостѣ хранишь и жечь ? И я тою книгу подѣ головы у постели рабѣ своей Ивашковѣ женѣ хоронишь не веливалъ , и жечь той книги ей Ивашковой женѣ не приказывалъ ; и сиропы мои , мужѣ и жена , на меня того не сказывали , что я имѣ велѣлъ сжечь ; а ту ли книгу она сожгла , или иную какую , они то вѣдали ; а запечаталъ то слово свое мукою своею , кровію и смертію ; а вина мнѣ сказана за что ? Гдѣ вина моя та явилась ? Пророкъ Іезекіиль глаголетъ : да не будетъ къ тому прищя сія глаголашися : яко опцы ядоша квасное , чадомѣ же зубы оперпоша. Нѣсть бо сіе праведно предѣ Богомѣ инымѣ согрѣшати , а инымѣ мучишися ; но аще кто согрѣшитъ ,
той

шой мучится и умираетъ, и чада за отеческіе грѣхи не спраждутъ, не шокмо господіе за рабовъ; всякъ о себѣ долженъ отвѣтъ дати во благое, или въ злое. Рабъ мой велѣлъ, раба моя своровала; мужъ велѣлъ, жена сожгла; а я виненъ же за что, кошорыми законы? Миѣ же, великій господинъ, вина наведена, что шой книги безъ указу Великаго Государя и безъ розыску жечь не довелось, помня страхъ Божій и Великаго Государя, и извѣспить было о шой книгѣ Великому Государю. И я, рабъ твой, слыша въ грамотѣ Великаго Государя, не могъ и не могу познаши и по се время, какъ та вина наложена на меня невинно. Въ грамотѣ Великаго Государя написано: Алхимистъ Иванъ Ефимьевъ въ разпросѣ сказалъ, во 184 году, въ Ноябрь, а указалъ назадъ тому два года, и того будетъ за 184, 183, 182 по Ноябрь, далъ ему книжку, величиною съ часовникъ, человекъ мой Игнашка Лукьяновъ, а не я, и человекъ мой Ивашка Еврей у него Алхимиста взялъ и не отдалъ; а человекъ мой Игнашка

ка Лукьяновъ Алхимисту книги жечь не приказывалъ. А что въ указной грамотѣ Великаго Государя написано: извѣстнъ было оной Великому Государю, а безъ розыску жечь ее не велѣнъ; и мнѣ, великій Священитель, извѣщать Великому Государю во 182 году въ Ноябрь не возможно было: въ то время еще здравствовалъ и царствовалъ отецъ его Государевъ, Великій Государь; а и отцу его Государеву, Великому Государю, извѣщати было нечего: въ то время извѣсту мнѣ отъ Алхимиста Ивана Ефимьева и отъ человека моего Игнашка не бывало. Тобѣ моя вина была, чтобъ Алхимистъ Иванъ Ефимьевъ и человекъ мой Игнашка сказали мнѣ, что человекъ Ивашка Еврей взялъ книгу и не отдалъ; а ябъ томъ извѣстъ покинулъ просто, и не розыскалъ, и не извѣстилъ отцу его Государеву, Великому Государю: тобѣ моя вина была. Кто сія не зреть, что вины моей нѣтъ; осужденъ отъ ненавидящихъ неправымъ приговоромъ, и разоренъ шуне. И то мояжъ вина, что я, рабъ твой, далъ сказку Полуголовъ

Але-

Алексѣю Лужину, что у меня человекъ мой Ивашка Еврей книги не крадывалъ; а что онъ сиропина, убося спраху мукъ, сказалъ, что онъ укралъ у меня, и по слово его не право и опмѣнилось. Первое сказалъ, что взялъ у Алхимиста, а не у меня укралъ; второе, Алхимистъ свидѣтельствовалъ, что взялъ у него Алхимиста, а не у меня укралъ; третье, Владыко свяшый, всѣ рѣчи Алхимистовы и человекъ моего Игнашки, и пошъ человекъ мой послѣдними своими рѣчьми укрѣпилъ, что взялъ у Алхимиста, а не у меня укралъ, и сіе запечаталъ кровію и смертію своею. Гдѣ, великій господинъ, моя вина? Гдѣ, Владыко свяшый, моя неправда и сказка ложна? Нѣшъ моей вины и сказки ложной. Сія ли правда и извѣстъ правой, что воръ Давыдка въ извѣстѣ своемъ зашѣялъ, а сказалъ, что видѣлъ сквозь стѣну каменную? Виѣ былъ, а внутрь видѣлъ, и въ запершую палашу изневѣстно вшелъ, чему спашися никогда не возможно. Сіяль правда, великій господинъ, что духи нечистые

видѣнь, никогда того не бывало, какъ учить божественное писаніе? Сія ли правда, великій Архіерей Божій святой, что воръ Давыдка зашѣлъ на сиротину моего Захарку, а карла Захарка, убояся мукъ, не спорилъ ему вору предъ Бояры въ разспросѣ, и съ пышки говорилъ будто безъ ума, будто я, рабъ твой, съ Стефаномъ Докшоромъ и съ переводчикомъ Николаемъ книгу чли, а онъ сиротина за печью въ то время спалъ и захрапѣлъ; и сну сиротинѣ моего, что онъ видѣлъ во снѣ, тому повѣрено; а сновидѣніе заповѣдано, якоже глаголетъ святой Григорій Двоесловъ: Сны суть едины съ толстошты плоти ошъ обьяденія и пїянства и жажды приходяшъ, и безъ всякаго навѣша и мечтанія случается; ибо аще не бы соня мечтательная ошъ дїавола приходили, не бы речено, яко Сирахъ глаголетъ: мнози сномъ прельстишася. Не достоитъ, Владыко святой, тому вѣришь, что воръ и сиротина во снѣ видѣли и ввали. Буде, великій господинъ, кто вѣдаетъ ивмѣну мою и недоброхотство мое,

ва что не взять меня, за что не
 дать очной справки, за что не обли-
 чить? Доброхотствуетъ ли кто и
 достоинъ доброхотству, и извѣщай
 Великому Государю явно. Обличаетъ
 ли кто, обличай явно, истинно, аще
 ли въ явное обличеніе спаша прошиву
 меня не восхощетъ законами Божи-
 ими, Царскими, свидѣтели благими.
 Есмь, свяшый Владыко, лукавство,
 хитрость, злоба и не истинна. Пи-
 шешъ иѣкто: ничто пако чловѣкомъ
 сладко, яко лгати и глаголати чуж-
 дая и о чуждомъ, а своя не воспо-
 минаши, недовѣдающе недоумѣніемъ,
 ниже сіе, ниже ино что Божествен-
 ныхъ писаній видятъ: отъ Бога бо
 рекошася словеса, и не можетъ лжа
 быти въ нихъ; отпадше бо отъ
 сердца правды и своихъ вымышлений,
 не видятъ въ Божественномъ писаніи
 ума, и вмѣсто истиннаго разума, не-
 навистный ядъ свой привсѣвали намъ
 на разореніе. А нынѣ, смущающесея
 опшупити отъ своего баснозданія, и
 держатся и извѣшуютъ обычно пред-
 реченные глаголы; а аще бы быша
 разумѣли, не бы себѣ заключили въ
 сій

сїй вѣчный позоръ. И сїя вся и нынѣ творяшъ и не престаюшъ; а слышатъ нужды наши и кровавыя слезы, и не умиляшся и въ милосердіе милости припши не хощяшъ. Ащебъ предъ ними и сердца наши сѣкли и слезы черпаломъ проливали, не пришлибъ во умиленіе милости, и желая вѣрно удержаши имѣніе наше, помѣспье и вопчины за своими родишеди и друзи. А мы въ семъ нашемъ раззореніи невинномъ имѣемъ надежду на всесильнаго Бога, и на помазанника Его благочеспиваго и милосердаго Великаго Государя, и на твое Архіерейское теплое заспупленіе и предстательство. А буде ложно бѣемъ челомъ и изыщупся вины наши прошиву воровскаго Данскаго Нѣмчина письма, измѣна наша и недоброхощство, и опсшупленія опъ закона, какъ вради воръ Давыдка и сиропина пьяной карла, судомъ, очноюспавкою, законами Божіими и Царскими, сами на себя приносимъ совершеніе, и да будемъ всякаго рода мукъ и жестокосердой смерти достойны, и всякой соспавъ на опорваніе плоти нашей

достоинствъ расперзати, и псамъ на свидѣніе бросати, на страхъ смѣющимъ шворити сія. Аще ли же, великій Архіерей Божій, винъ нашихъ нѣтъ, за что ненавиждающимъ насъ даши на посмѣяніе, и на раззореніе, и на владѣніе имѣнія нашего? Кому, началоводецъ людей Божіихъ, достоинствъ вѣришь, Божественному ли писанію и вышнихъ учителей ученію, и законамъ Божіимъ и благочесивыхъ Царей, или такимъ вору и пьяницъ сиropинѣ, копорымъ по шѣмъ же вышеписаннымъ законамъ не повелѣно вѣришь? Ушверждено закономъ и благодашію: всякъ глаголь станешъ при тріехъ свидѣтелехъ истиненъ. А мнѣ кто свидѣтель? Нѣтъ его; а мы, раби твои, всегда съ Богомъ и въ Него присосшавнаго вѣруемъ, и покланяемся, и поемъ и исповѣдаемся, и пречистое шѣло Его Христа Спасителя, и кровь пріемлемъ на воспоминаніе слова Его, еже рече: Ядый мою плоть и пій мой кровь во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ. Аще и скверны, да не лишаемъ себе того вѣчнаго живоша; приговоръ съ зави-

сти

спии и ненависти учинилъ нѣкто нѣ-
другъ мой; скоро внезапно наполнился
ярости, вскочилъ, аще бы и отъ
ратникъ такожде же спрадали, какъ
отъ его приговору. Да не вмѣнитъ ему
сего Господь во грѣхъ! а я, убогой во
вся лѣша мои, какъ онъ самъ меня
возлюбилъ и нарекъ другомъ, кромѣ
работъ своихъ, ничего злаго ему не
шворилъ, не почію словомъ, или дѣ-
ломъ, ни мыслию, кромѣ всякаго бла-
га. Свидѣшель ми есть всевидящее
Око. Но обаче ничего же о сихъ и
нынѣ на него порицаю, ниже пустош-
свомъ поношу, въ немъ же насъ
устроилъ онъ; но вся сія оставляю
и сношеніемъ крошцѣ претерпѣваю.
Аще и смертну далъ намъ рану, аще
бы не милость Великаго Государя,
Государя премилосшиваго, единого на
вселеннѣй, живошъ нашъ удержало,
уже бы давно приговорами его скон-
чаны были. Приговорилъ, что я, рабъ
швой, достоинъ смерти; а за что,
того не разсмотрѣлъ. Какимъ зако-
номъ человѣку, Бога боящемуся, учини-
ли смерть, и какво то предъ Бо-
гомъ? и въ томъ зашмидся и не вос-
по-

помянулъ того, что страшнo лице
 Божіе на творящая злая, и всепагуб-
 ствомъ злобу попребляющу, и стра-
 шенъ слухъ Божій, и Авелевъ гласъ
 слышитъ молчащею кровію. Порадо-
 вався приговору своему неправому, и
 раззоренію моему, что пошло въ рас-
 хищеніе. А я, рабъ швой, благодарю
 Бога, яко вещи мои конецъ имяху
 добрѣ: Господь даде, Господь и взя;
 благословенъ Богъ, изволивый тако:
 нази родихомся, нази исходимъ; а
 покамѣспѣ поживемъ, имѣемъ наде-
 жду на Господа Бога и на слугу Его
 Великаго Государя во всякомъ при-
 зрѣніи. Аще и наказаны, а вины на-
 шея, кромѣ работъ нашихъ, нѣспѣ.
 Единого челобколюбія Божія и силы
 и Великаго Государя милости, и шво-
 его Архіерейскаго предшательства и
 заступленія дѣло еспѣ, еже избави-
 тися намъ отъ шоликихъ невинныхъ
 золъ и бѣдъ и скорбей. Въ насѣ
 нѣспѣ, рабовъ швоихъ безпомощныхъ,
 шоликія крѣпости, да возможемъ се-
 му приговору прошивилсися челобитъ-
 емъ своимъ часнымъ къ Великому Го-
 сударю, еже нападе на ны. Для шо-
 го,

го, великій Свяшитель, и къ пусто-
му морю засланы были за 4000 верстѣ
на послѣднюю черту государства Ве-
ликаго Государя, чѣтобъ не частое
челобитѣе наше и оправданія невин-
ности нашей было къ Великому Го-
сударю. Сіе, великій Свяшитель,
токмо намъ оста, да очи наши съ
бѣдными сиротами наполняемъ къ
вышнему и всеильнѣйшему Царю Ца-
ремъ и Богу на обидимыхъ, которые
силою своею правду и истинну въ не-
правду претворили; и вопіемъ не-
преспанно: о вѣчная истинна и пра-
ведная любовь, и драгая вѣчность!
ты еси Богъ нашъ, гдѣ въздыхаемъ
и слезы проливаемъ во дни и въ но-
щи; виждь, аще истинна суть, они
же мучатъ насъ. Судіе праведный!
упиши неправедно на насъ ожесто-
чившихся утробъ, и преврати на
умиленіе милости, да тѣми же кро-
вавыми слезами на скрижалѣхъ сер-
децъ нашихъ пишемъ непрестанно
святымъ Ангеломъ хранителемъ на-
шимъ, воспоминаая возлегшаго на пла-
менныхъ персѣхъ, еже написа во свя-
шомъ Евангеліи слова Христа Спа-
си-

сителя : Не обидите малыхъ сихъ , Ангели бо ихъ выну видяшъ въ лицѣ Отца моего , иже естъ на небесѣхъ. Въмѣ , Владыко свяшый , незабытну имаши память Божественнаго писанія въ сердцѣ своемъ съ небеси ждый его , и присно блудый часъ пришествія его , и всегда въ рукахъ своихъ держаше святыя книги ; однако же не можеша и безъ мѣрскихъ строеній дому пребывати расправа дому , и приходящимъ обидамъ заскупленіе , якоже и естъ. Повели , Архіерею Божій , изъ книгъ Божественнаго писанія прошивъ челобитенъ моихъ шрехъ выписати и донести до себя , и приклони ухо свое ко услышанію Божественнаго писанія , и узриши невинность мою , что безъ вины обезчещенъ и разоренъ шуне. Азъ швоя овца швоей паствы , богаше швоея ушробы , и нищіе швоеяжъ ушробы. Долженъ шы , Владыко свяшый , предшати за обоихъ , аще обидими естъ. Воспомини , началоводецъ людей Божіихъ , самаго Господа глаголюща : Азъ не обвинуся глаголахъ. И паки , понеже , рече , сотвористе единому малыхъ сихъ , мнѣ сотвористе.

Т

Егда,

Егда, Владыко свяшый, не вѣрно слово,
яко милуя нища, ничтоже ино вос-
помяну дѣло добродѣтели. Се или
мнишия, ей ей нищѣ и убогѣ, и
всякія милоспи обнаженѣ, и не вос-
поминаютѣ прежде бывшимѣ вси срод-
ницы, и друзи мои мене убога оста-
виша и забыша, или возлюбиха ны-
нѣшній вѣкъ, или спрахомѣ препоною
одержими, и да не вмѣнишѣ имѣ Гос-
подь во грѣхѣ, Господь мѣ помощ-
никѣ. Власть, великій Свяшитель,
превысокую имѣешь, и милоспѣ любве
у Великаго и благочестиваго Государя
Христіянскаго Царя Государя мило-
сердаго; видя и слыша обиды мои не-
винныя, и шѣсношты нестерпимыя, и
не отрицайся, Архіерей Божій, заступи-
ши. Глаголетѣ нѣкто Учитель: аще
кто, пастырство имѣя, обидимымѣ не
помогаешѣ, наспоитѣ насилувати,
еже прошиву сану его будетѣ. Аще
и отверженѣ есмѣ, аще и нищѣ и не
имаемѣ гдѣ главы подклониши, аще
и не обрѣтохѣ за множество работѣ
моихѣ во вся лѣта мои къ чести, и
къ славѣ, къ повышенію имени Вели-
кимѣ Государемѣ Христіянскимѣ, на
всей

всей вселеннѣй Царемъ и простран-
 ству ихъ, ко урядству всякихъ раш-
 ныхъ спроевъ, иже свидѣшельствуются
 благими; однакожде воспочныя церк-
 ви сынъ и швоея пасшвы овца. Вос-
 помяни Божіе слово, еже рече: Нѣсть
 воля предъ Ошцемъ моимъ, да погиб-
 нетъ единъ отъ малыхъ сихъ. Аще,
 Владыко свяшый, оставиши насъ въ
 невинности спраждушихъ, въ конеч-
 ной бѣдѣ и раззореніи нашемъ, даси
 отвѣтъ о своей пасшвѣ, и обѣщаніи
 въ руку Его словеса швоя; да къ шо-
 му прихода Его съ небеси ожидай,
 приносяща словеса усшъ швоихъ на-
 писана, имъ же прочешися предъ
 Ангелы и человѣки. Се азъ и дѣти,
 иже ми даде, не погубихъ ихъ. Не
 почію васъ, Владыко свяшый, учи-
 нилъ Богъ надъ нами пасшырями на
 соблюденіе отъ лукавыхъ, но и Анге-
 ловъ употребилъ на наше служеніе,
 рече: Се есть Ангельское служеніе,
 еже служити Богу на спасеніе чело-
 вѣческое, шѣмъ же Ангельское дѣло.
 Сіе есть, еже вся шворити на спа-
 сеніе наше. Аще бо ты дому Влады-
 ко вѣси, кому что поручити, много

паче Богъ вѣдый ума Архіерейства твоего, вручи сій престолъ. Сего ради пощися на помощь нашу, возбрани прелести воровской; прельспиша ненаказанніи, и повѣрено, не осморя въ Божественномъ писаніи, а въ писаніи показати того не могутъ, кромѣ ложныхъ умышленій и наученія, Владыко святой, кошорая писанія святыхъ, или кая Евангелію научиша невидимая видѣти, нигдѣ же сего обрящутъ. Мы, раби твои, хранили, и хранимъ, и храниши будемъ до исходу душъ нашихъ. добръ залогъ, его же отъ отецъ пріяли, покланяющеса Отцу, и Сыну, и Святому Духу; въ Сынѣ Отца, и въ Дусѣ Сына знающе, вня же крестихомся, вня же вѣруемъ и покланяемся, тому единому честь воздаемъ, и вѣмы, и множайшіе богоносные учители учаще насъ. О семъ намъ нынѣ довабешъ. И еще бы къ вашему Архіерейству въ молитвенномъ прошеніи писалъ, да иныхъ ради онѣмѣхъ и смирихся, яко нѣкій облакъ мое сердце подшекъ, и скрыхъ явленіе словесъ, и лежу всѣмъ хотящимъ обидѣти мя, далече всякаго

го блага есмь. А что въ невинности, великій Архіерей Божій, бывшая ми отъ прїѣздовъ съ Москвы и на пуши на земляхъ, и на водахъ, вспомянулъ бы писати къ тебѣ, но тогда ми вся внушрняя спрахомъ препенешъ. Нѣшь бо, великій Свяпитель, ни одинаго уда и чувсва безъ муки; но каждой удъ свое поспрада, и нынѣ спраждетъ; къ тому же прилагаются два года съ лишкомъ, непрешанно голодъ, холодъ, дымъ, угаръ, тѣсноша, духи смрадные, въ полушрелъи сажени избенкѣ отъ чловѣкѣ живущихъ поношеніе, укоризны, безчесніе, чій домъ; и просто рещи, оповсюду поспигоша злая и окованъ нищетою и спражею, и по ли время сидимъ безъ вины въ темницѣ, безъ отрады, милости, за всякія свои службы и крови и работы? Увы намъ бѣднымъ и невиннымъ въ неизреченномъ жалѣніи бывшій и въ недоумѣніи велицѣмъ, неимѣющимъ помощи ни отъ кого! ибо на мнземъ времени въ забытіи себе приходимъ. Воспомявая первая своя работы и службы, свх-

ше силою Христа и Бога моего на все удерживахся, съ крѣпкими воины боряхся, и никогда обращахъ полки хребтами къ чуждымъ воемъ, не почію свой полкъ, но и прочихъ. Въ посольскихъ дѣлѣхъ съ крѣпкимижъ сварихся о чести и о славѣ, о пространствѣ и разширеніи государства благочестивыхъ великихъ Государей Христіянскихъ православныхъ Царей. По семъ въ бунтахъ, въ гиляхъ, въ огни и во всякой попоржинѣ боряхся, и за помощію Божіею одолѣвахъ, и во всемъ томъ свидѣшельствуюсь благиими нынѣ. Владыко свяшый! сиротиною домишка моего многочисленнымъ и воромъ одноокимъ побѣжденъ безъ суда и очныя ставки, и безъ всякаго розыску, и неосмотру въ Божественномъ писаніи и высокихъ учителей ученія, и законовъ Царскихъ, кромѣ всякія вины, за ненависть единою неправдою, и спраждемъ по се время, и не можемъ суда и очныя ставки упросити. А и безъ суда и очныя ставки мы, раби твои, пишемъ въ челобитныхъ своихъ, и очищаемся предъ Великимъ и благочестивымъ Го-
су-

сударемъ словомъ Божіимъ, Апостольскимъ, учительскимъ, философскими ученіи и законами и ихъ Царскими; и еще свидѣтельствовался Бояры, съ кѣмъ бывалъ на службахъ у дѣлъ; обысками живошовъ моихъ, Думнымъ Дворяниномъ и Думнымъ Дьякомъ, опцами духовными во исповѣданіи и въ принятіи пречистыхъ таинъ, и сыску дватцати одному человѣку и распросамъ послѣднихъ рѣчей человѣка моего и кровію и смертію, что онъ очистилъ меня, и сему всему не повѣрено, и отспавлено; а повѣрено ворамъ и плутамъ и глупцамъ, и за сіе ихъ воровское умышленіе въ горькой тмѣ сидимъ. Кто, великій Архіерей Божій, не восплачетъ къ невинности плача, писати вѣдущихъ дѣло невинности нашей, и каково стерпѣ твой великоеспешвенъ и высокъ разумъ, и не исправи злоспвующихъ обычнаго дерзновенія во исправленіе толикаго намяла. Но аще и не первѣе сіе бысть, нынѣ убо да возстанетъ непорочное швое въ добродѣтели совершенство, и ясно объявишь невинность нашу

благочестивому Христіянскому православному Великому и милостивому Государю, Его Царскому Величеству, да повелишъ даши намъ судъ предъ швоимъ честнымъ и святымъ Соборомъ вины ради церковныя, предъ всею своею Царскою палашою вины же ради градскихъ законовъ; да уснешъ непрестанное наше воздыханіе съ пролисимъ слезъ къ Богу и къ Его Царскому Величеству, и къ швоему честнолѣпію, и услышанію отъ нашего вопля покой. Аще ли милосердія въ невинности нашей намъ слезящимъ во злѣ не явите, яко ни едино пріобрѣшеніе будетъ, не почію шожъ воздыханіе и слезы къ пресполю превысочайшему и на немъ сѣдящему Господу. И еще возвѣщу Архипасшырспву швоему: писалъ два писанія слезная, просительная, молишельная, не водою чернило растворяя, но кроваными слезами, честному вашего рукоположенія просто Іерею и духовнику и печатарю душъ Великаго Государя, Его Царскаго Величества, и всего его Государскаго дому, къ Никитѣ Васильевичу и къ ближайшимъ

шимъ Его Царскаго Величества Боярамъ. О предшательствѣ же и заступленіи по закону Божію, и по словеси Апостольскому, другъ друга сягошы носите, какъ и мы нѣкогда за помощію Божіею имѣли мѣсто и время въ дѣлахъ, и носили тѣхъ же вышеписанныхъ сягошу, и по се время намъ, бѣдно и слезно нагошою изверженнымъ и отверженнымъ, не почію милостиваго заступленія и предшательства, ни чаши студены воды, и ни перста на языкъ мой милости не вѣмъ; ихъ ли немилосердіе, или не доходяшъ тѣ мои слезномолительныя писанія; или и доходяшъ, да къ нимъ какимъ препятіемъ не вручаются съ утаеніемъ для сягошы нашей отъ злобствующихъ и ненавидящихъ насъ. Попшися убо на помощь нашу, святѣйшій Архіерею Божій избранный! По семъ повели призваши честнаго отца Прошоеіерея Никишу Васильевича, и ему сіе коварство враговъ моихъ сказати повели. Отъ насъ же, рабовъ швоихъ, отеческое чловѣколюбіе неумаленно да будетъ, и

зане не причастны заступленія, оставиши насъ. А буде Великій Государь не укажетъ намъ даши суда, чшобъ пожаловалъ велѣлъ наше невинное разореніе для благодаренія и славы имени своему Государскому, и ради работъ моихъ и кровей, честь мою, ихъ Государское жалованье, домишко возвратишь и взяшь насъ къ Москвѣ. Аще совершенныя милосши за невинность нашу не покажетъ надъ нами, и къ Москвѣ не велитъ взять, чшобъ пожаловалъ чести наши и все наше оидать велѣлъ, и насъ указалъ перевестъ въ хлѣбныя деревнишки наши. Великій господинъ святѣйшій Іоакимъ, Папріархъ Московскій и всея Россіи! имаши многихъ заповѣдей воспоминаіе благодареній: не претещы благодарѣтельствую, благодарѣтельства просимъ, умилися.

Письмо просительное его же Боярина
 Артемона Сергѣевича, посланное съ тѣ-
 мижъ пыщепомянутыми посыльщиками
 по 187 году, Юля пѣ 20 день, Благо-
 пѣщенскаго Собора къ Протопопу,
 а къ Царскому Духопнику, къ
 Никитѣ Васильевичу.

Въ Бозѣ пречестный Протоіерею,
 Никита Васильеничь! подай всевыш-
 ній Господь Богъ шебѣ, государю мо-
 ему и благодѣтелю, здравствовать на
 многія лѣта со всемъ швоимъ благо-
 датнымъ домомъ. Аще волишъ воля
 и милость швоя, государя моего и
 благодѣтеля, спросити о мнѣ убо-
 гомъ и шуне всеконечно раззоренномъ,
 и Божіе всемилостивое долгошерпѣніе
 окаянству моему молишъ ради ва-
 шихъ еще шерпитъ, съ живыми ды-
 шемъ съ червемъ моимъ сынишкомъ.
 Умилися и не презри, пречестный
 опче, что понужденъ написати къ
 шебѣ сугубое отъ горести сердца мо-
 его сіе прошеніе; и сіе зря, умилиши-
 ся надъ нами. Глаголетъ нѣкто отъ
 учителей церковныхъ: ничтоже бо
 ино

ино заступити насъ возможетъ на судѣ, развѣ милость. Якоже вода кладязная сладкая пишущая, и приносящихъ сосуды исполняетъ, и источника не умалаетъ изчерпаемаго: такожде милость и нравъ благихъ, отнюду же аще исходитъ, онаго веселитъ; ничтоже сладостнѣйшее заступленія и предшательства и поможенія. Въ первомъ моемъ благодѣшелю моему писаніи, чего старости ради и печали безпамятствомъ своимъ не написалъ, нынѣ чрезъ сіе писаніе не черниломъ писано, но горько и кровавослезно возвѣщаю: написано въ извѣшѣ Давыдка лѣкаря, что сказывалъ ему, будто человекъ карла Захарка, какъ будто мы чли книгу съ Степаномъ Докторомъ и съ Переводчикомъ Николаемъ Спагаріемъ, и въ то время будто пришло къ намъ въ палату нечислыхъ духовъ множество. И то, благодѣшелю мой, по наученію лукавыхъ людей зашѣялъ воръ Давыдка, хотя себѣ свободы отъ правезу; а человекъ мой карла сиропина, убося страха и мукъ, ему не спорилъ. Не шокмо такой сиропина увѣчной, но мно-

многіе въ крѣпости и въ силѣ не пре-
 перпя мукъ, клеветушъ на людей не-
 винныхъ, и сами на себя говоряшъ,
 чего не дѣлали, и тѣхъ государь
 дѣлѣ по приказамъ много. А я опѣ
 воровскаго ихъ составу и наученія
 очищаюсь Божественнымъ писаніемъ,
 какъ о томъ писали свящїи Апостоли
 и свящїи учители. Свящїй Матѣей
 Евангелистъ глаголетъ, зачало 75:
 первѣе сошвори Богъ разумную шварь,
 родовъ Ангельскихъ существо без-
 плодное, неосязаемое, духи невиди-
 мые, свѣтлости и красоты неизрече-
 ной. Книгажъ Ключъ разумѣнія глаго-
 летъ: два естества наичестнѣйшіи
 Богъ сошворилъ: Ангельское и чело-
 вѣческое, на образъ свой и подобіе.
 Такъ рекъ самъ Богъ, глава 1 въ Биб-
 ліи: Сошворимъ челоѣка по образу
 своему и по подобію. Обаче не по
 шѣлу, но по душѣ челоѣкъ есть
 образомъ Божїимъ. Богъ всевысочай-
 шїй, невидимый, и Ангелъ невиди-
 мый, и душа челоѣческая невидима.
 Въ Маргаритѣжъ бесѣда 5: что есть
 душа? убо воздухъ ли, или духъ, или
 вѣтръ? Ничтоже опѣ сихъ. Рекутъ
 духъ,

духъ, сія бо вся шѣлеса суть. Къ Коринѣомъ нравоученіе 29: аще бы мощно быши изврещи душу изъ шѣла неправеднаго, видѣлъ бы еси ю, но не возможно. Нравоученіе 23: аще бы мощно душа видѣши, якоже въ воинствѣ сраженію мимошедшу, иные убо мершвы есть видѣши, иныя же ураненныя плоти; а души видѣши не возможно. Во нравоученіи жъ, благодѣтель мой и государь, слово, еже предша Царица, той же Злапострунный глаголетъ о добродѣтели шѣлесней: что есть доброта шѣлесная? Явѣ есть, яко отъ естества, а не отъ произволенія. Онъ же глаголетъ: пойдѣмъ къ души, зри ону, не можеша видѣши ю; невидима бо есть. Іоаниѣ святыи Дамаскини глаголетъ, книга 1: въ насъ есть духъ отъ нашего естества, ниже воздухъ есть вдохновенія и отдохновенія вдыхаемо и отдыхаемо, иже во время глаголанія, егда что рѣемъ, и гласъ слово учиняется и на воздухъ разсыпается. Древній же философъ Сократъ, егоже Златоглаголивый во нравоученіи 25 похваляетъ, всѣхъ сущихъ любомудріе одолѣвая, глаголетъ:

солн-

солнца убо плоть вси чловѣцы видѣшѣ, плотижѣ духа ни единѣ можешѣ видѣши. Вѣ житіижѣ, государь, чудотворца Аврамїя Ростовскаго, Октября вѣ 29 день: нѣкогда святому хошащу руцѣ умыти, вѣзѣ духѣ лукавый вѣ умывальницу свашаго. Свяшый же разумѣвѣ, а не видѣвѣ коварство вражіе, вземѣ крестѣ, положи на умывальницѣ, и огради около сосуда крестнымѣ знаменіемѣ, и не могій изыти отшолѣ духѣ лукавый. Княземѣ же Ростовскимѣ, пришедшимѣ ко святому вѣ келію, и дерзнувшимѣ крестѣ сняти сѣ умывальницы, и вѣ томѣ часѣ изыде духѣ смраденѣ изѣ сосуда, аки дымѣ чернѣ, и устрашити всѣхѣ сущихѣ. По семѣ паки свидѣтельство свашаго мученика другаго Конона, Марта вѣ 5 день, иже во Ассирїи: прїятѣ власть свашый мученикѣ надѣ духи нечистыми, и вѣ корчазехѣ ваключи, и запечатавѣ погребе подѣ основаніемѣ дому своего, и по умертвіи его дому его на церковь устроену, копающіе же основаніе церкви, обрѣшоша сосудѣ скудельный, и мнѣвше злато, сокрушивше единѣ сосудѣ,

судъ , и изыдоша души въ видѣнїи
огня, и вси устращишася. И по сему
вышеписанному видѣнїи ихъ по есте-
ству не возможно. А что человекъ
же мой карла Захарка предъ всѣми
Бояры въ разпросѣ изъ пытки гово-
рилъ , будто я съ Спепаномъ Докшо-
ромъ и съ переводчикомъ съ Никола-
емъ книгу чли, а онъ Захарка за пе-
чью въ то время былъ , и уснулъ и
захрапѣлъ , и будто услышалъ я, что
онъ храпитъ , взявъ его изъ запечья
за волосы , и штолкнулъ его чрезъ по-
рогъ вонъ въ заднюю палату. А та
де книга не велика , а Давыдкѣ де
онъ о томъ сказывалъ , а какъ де его
будто изъ палаты выштолкнулъ , и
книга де въ то время передъ нами
была на столѣ. И въ томъ ихъ лу-
кавствѣ наученомъ я, работникъ твой,
очищаюся и свидѣтельствуюсь писанї-
емъ же , что не возможно спящему и
не спящему души нечистые видѣнїи
и слышатъ свое храпленїе. Къ Римля-
номъ нравоученїе 24 глаголетъ : азъ
убо сіе реку , иже во глубоцѣй нощи
спящимъ же и храпящимъ уподобимся
вси , и аще мощно существо безплот-
ное

ное было видѣши, показалъ быхъ вамъ, како убо множайшии храпаютъ, а дїяволъ прокапываетъ стѣны, и закаляетъ лежащихъ и отъземлетъ сущая внутрь сонъ: спяй бо убо ниже зло вѣщаетъ что, ниже благо. Да не шокмо, благодѣшель мой и государь, духи, или души снѣщему и храпящему челоуѣку видѣшь, или слышашъ, нѣсть бо мощно челоуѣку сущу видѣши искренняго. Кто бо видѣ отъ челоуѣкъ, рече, яже вѣ челоуѣцѣ, развѣ духъ челоуѣка, иже вѣ немъ? Се, благодѣшель мой, не возможно видѣши духи чистые и нечистые; а о измѣнѣ существа ихъ духовъ нечистыхъ и низверженныхъ и проклятыхъ, никто не написалъ, чшобы вѣ естество ихъ была измѣна. Сего ради и видѣши ихъ по естеству не возможно, какъ злпый языкъ глаголетъ: естество бо благо, преложеніе же зло; и какъ писали вѣ посланіи свяшїи Апостоли, Петрѣ зачало 66 во второмъ посланіи: аще бо Богъ аггеловъ сокрушившихъ не пощадѣ, но пленицами мрака связавъ, предаснѣ на судъ мучими блюсти. Іуда, зачало

77: аггеловѣ же несоблюдишихъ свое начальство, но оставльшихъ свое жилище на судъ великаго дне узамѣ вѣчными подѣ мракомѣ соблюде. Сиropy мои и раба моя взяты къ Москвѣ изъ Даишева къ очнымъ ставкамъ, а я за что не взять? Пропивъ моеѣ же ссылки опцевѣ моихъ духовныхъ, Преосвященнаго Архїепископа Симеона Тверскаго, Успенїя пресвятыя Богородицы Собора Пропопа Кондраша, не допрошено и не повѣрено; Думнаго Дворянина Федора Прокофьевича Соковнина, да Думнаго Дьяка Василїя Семенова, что они осматривали книги въ животахъ моихъ, копорой не бывало, не повѣреножѣ обыску о той же книгѣ, а въ обыску было два человекѣ спряпчихъ, дворянинѣ Московскоѣ, да девять человекѣ людишекѣ моихъ, копорые непрестанно жили у меня. Въ томѣ же дѣлѣ Думной Дьякѣ Ларїонѣ Ивановѣ, Докторѣ Сяепанѣ, Переводчикѣ Николай, Спряпчїй Иванѣ Соловцовѣ, Алхимистѣ Иванѣ Ефимьевѣ; мнѣ же еще, по Государскоѣ милости и по службамъ моимъ будучи
въ

въ Боярѣхъ, и всѣмъ вышеписаннымъ
 дващцаши одному челобку не повѣре-
 но. Еще и указъ Великаго Государя
 и уложенъе ошсшавлено, по которымъ
 спашьямъ довелися Давыдко и карла
 смерти, и то все ошсшавлено; а че-
 го ради, того не вѣдаю. А сиропинѣ
 домишку моего единому и лѣкаришку
 непопробному новокупленному вору на-
 ученому, шѣмъ повѣрено, и чрезъ за-
 коны Божіи и Государскіе, и чрезъ
 всякую мою правду и невинность, и
 чрезъ всякія мои и отца моего вели-
 кія службы, какъ писаны въ челобит-
 ныхъ моихъ къ Великому Государю,
 раззоренъ спранно и всеконечно, не
 имѣя вины. Божешвенному ли, госу-
 дарь, писанію и законамъ Божіимъ и
 Государскимъ вѣришь, или ворами,
 плушамъ и сославщикамъ? Чего и по-
 мыслишь невозможно, то на мя, видя
 милости и помощи ошлученна, затѣ-
 яли, и суда не сподобленъ, его же вся-
 кихъ дѣлъ злыхъ дѣтели по зако-
 нѣхъ воспріемлюшъ воздаяніе. А я
 убогой, ни единой винѣ подлежащей,
 за едину ненависть спранно раззоренъ,
 и на стопы ногъ моихъ не ошавлено;

а сверхъ сего въ такое мѣсто по-
сланъ, какъ имя ему Пустоозерской;
шюрьмы горчае, и шоліку прешерпѣваю
муку, голодъ, холодъ, дымъ, шѣсно-
ту и поношеніе всечасное, день и
ночь слезы, чешыре лѣта уже наша,
яко водопечія текушъ. Глаголюшъ
церковніи учители: очищающся грѣси
покаяніемъ и слезами; ихъ же бо не
возможешъ великая бездна моря омы-
вашъ и очиспашъ, шо омываешъ ма-
лая капля слезъ; а я бѣдной съ чер-
вемъ моимъ шакое многое время слезя
непрешанно безъ вины, не могу ми-
лосши и опрады истинныя получитьи.
Свидѣтельствуюсь Господемъ Богомъ,
что ни принесено на меня благоче-
штивому Великому Государю, шому
всему неповиненъ. Аще во лжи кля-
нуся, и человѣки оболъшу; но онаго
никогда же оболъстиши кто возмо-
жешъ, и не глаголи никшоже шьма
окрешъ меня и спѣны, кто мя
эришъ; создавый бо на единъ сердце
наше, вся знаетъ, зане шьма не по-
мрачшися отъ Него. Воспомяни, благо-
дѣшелю мой, на священштво произ-
водимыхъ, или уже священшвую-
щихъ,

щихъ, повелѣно искусство имѣти, обидимымъ поможенія, въ напастехъ исправленія, сущихъ въ узилищахъ отрѣшенія, и иже въ зоключеніяхъ, предшательство и освобожденіе на страшнѣмъ Божіи судѣ предъ Судією всѣхъ Царя и Бога, Его же слово истинно и повелѣніе спрашно, и чистъ судъ Его, да не вопію къ Нему на тя, яко сей къ милосердію непреклоненъ бѣ прошиву намъ бысть; и болящимъ намъ, яко недуга сягчайшій явился, и не насладихомся, ниже единого заступленія узникомъ же намъ, яко сей милосердія надъ нами не ископа. Въ зоклученіи же сущимъ, яко сей цѣлебныя руки опнуодъ не подаде, ни богатство, ни слава, ни могущество возможетъ помощи. Умилошвивися, пречестный отецъ и пастырю избранный! сотвори милость, пастырь добрый, иже не сѣно творитъ стадомъ пажитъ, но чистыми кринами пишаетъ овцы; крины же чистые суть прекрасныя добродѣтели, пастырскія заступленія и поможенія невиннымъ. Предшательствуй о мнѣ Великому и милостивому Государю, чтобъ

чтобъ оиъ , Великій Государь , пожаловалъ насъ бѣдныхъ , неимѣющихъ помощи и заступленія , велѣлъ насъ изъ сего злочюченія дальняго и гладнаго взять , и невинное мое раззореніе возвратишь , и живишь намъ бѣднымъ , гдѣ его Государская милосиная воля повелишь , чтобъ наши бѣдныя и кровавыя слезы ко Господу Богу на шѣхъ престали , которые насъ кромѣ всякія правды раззорили и зашочили. Но да и сіе вѣси , благодѣтелю мой и пасшырю избранный , яко сія вся извѣщаю ти , тако ми пришедшаго спаси грѣшника , яко еще благоволенія твоего не будетъ , и не имаша предстательствовати о мнѣ , уже самъ оиъ многихъ служеній буду себѣ убійца , и обрящешися убійство сотворивъ , и на судѣ , яко виненъ осудишися. Но молюшися , оиъ избранный , прежде даже не быши мнѣ виновну , то лицемъ зломъ иди и предстательствуй о мнѣ у всемилостивѣйшаго Царя и благочестиваго Государя о невинности моей , и возврати изъ рова погибели. Богъ всевысочайшій естъ , иже на Херувимѣхъ сѣ-

свѣдѣй и видѣй бездны, шой зришѣ
невинность нашу, и напрасно свѣдѣ-
щихъ въ шемницѣ сей и гладомъ па-
ющихъ. Работникъ швой Артемощка
Машвѣвѣ челошъ бью.

*Письма егошъ Б ярина Артемона Сер-
твѣпича о томъ же споей непинности,
напеденной ему, очищеніи, и тѣхъ же
лѣтѣ, и съ тѣмижъ пышешомннуты-
ми посыльшики изъ Пустоозерска-
тошъ острога къ ближнимъ Боя-
ромъ посланныя въ Москву.*

*Першое письмо къ ближнему Боярину,
ко Князю Юрью Алексѣевичу Долго-
рукому, отпрашленное по 185 году.*

Государь мой, милосшивый благо-
датель и благодѣтель, Князь Юрій
Алексѣевичъ! подай Господь Богъ ше-
бѣ, государю моему, здравствовашь
на многія лѣша со всешъ швоимъ,
государя моего, благодашнымъ до-
момъ.

момъ. А по прежде бывшей милости
своей еспшли волишь воля твоя спро-
ситъ о мнѣ убогомъ и раззоренномъ,
и я съ червемъ своимъ Божиимъ все-
милоспивымъ долгоперпѣніемъ еще съ
живыми дышемъ. Не возбрани, благо-
датель мой, что чрезъ сіе мое писа-
ніе къ тебѣ изреку, колико плачу
памятію моею нынѣ оскорбленною:
показанная твоя ко мнѣ благотвори-
тельства существу на Москвѣ, воспомина-
юлико сугубо твоего немилосердія,
нынѣ плакати не престаю и не пре-
стану; ибо въ ровъ вверженнаго па-
губы невинна кто не извлекаетъ и
кто, реку, помощи не дастъ упо-
пающему? Вы же мнѣ обѣщавше ми-
лостъ, любовь содержать, нынѣ ме-
ня въ бѣдахъ суца, изъ Пустоозерска-
го острожка и плачущаго, еже свобо-
дити мя опшуда, и перста косну-
тія отрицаетеся, и утопающаго въ
слезахъ всеневныхъ заступленіемъ
своимъ помощи не хотите дати,
что сего горя горѣе? Аще и не поноси-
ши на мя, не буди. Сіе речено, ниже
заступаеши; дѣлаяй бо немилосердо
и соизволаяй на немилоседіе, равенъ
грѣхъ

грѣхъ понесутъ. Сія глаголю отъ жалосни сердца моего, не терпипъ бо ми сердце злаго прешыканія на всякой часъ объ ошѣянїи чесни моеи, домовъ и живошовъ моихъ, и вопчинъ, и помѣспїи, постигоша бо мя злая вся, и нѣспъ ми восклоненія. Помощь отъ мене ошспуни, и отверже мя милость, ближнїи мои ошспуниша отъ мене, познаша чужда, неже мене, и друзи мои немилоспиви быша, и вѣдушїи имя мое забыша мя рабомъ своимъ, яко иноплеменникъ, и отбыхъ, возвахъ ихъ, и плакахъ, и моляхся, и не послушаша мя. Кто же бы тако окамененно сердце имѣлъ, видя вся предъ собою жестокая, не возрыдалъ и не восплакалъ? Судимъ не представъ суду, осужденъ есмь започенію. Царскіе бо законы не допускаютъ выдати чловѣка на раззореніе и погибель, прежде даже оклевешаемый не имать предъ лицемъ клеветущимъ его, и мѣсто отвѣта прїиметъ о своемъ согрѣшенїи; и не судитъ законъ чловѣку, аще не слышитъ отъ него прежде и разумѣетъ, что шворитъ, аще и еще реку, глаголю отъ

горести сердца моего, кто мя нещасливѣйшій, никогда же ни спавленъ, ни уличенъ на судъ, котораго не дано мнѣ предъ вами Бояры. А что не спавленъ на судъ во всѣхъ своихъ дѣлѣхъ, и въ шомъ воля Великаго Государя. Не токмо спавленъ на судъ, когда и въ Казани сказываны мнѣ вины, и въ то время мнѣ Дьякъ Иванъ Гороховъ единого слова не далъ молвить. А въ уложенъ и въ указѣхъ писати тебѣ, государю моему, не могу; и для шого не докучаю писаніемъ, что ваше благородіе самъ у шого Уложенья былъ дѣшателемъ. Милость хвалишся на судъ, пристанище есть сущимъ въ нуждахъ милосивый; пристанище же, иже во испѣвнии впадшая, вся пріемлетъ и свобождаетъ отъ бѣдъ. Аще блази, аще и эли, глаголетъ Пророкъ Михей: человекче! что есть добро, и что есть Господь Богъ швой ищетъ отъ тебе, но еже шворити и любити милость, судъ и правду, и гошову быши. И паки глаголетъ Пророкъ Исаія: възшите суда, и избавите обидима; начало пуши благому шворити правду:

вся

вся убо, елико сушь праведна, та сушь
 любезна Богу и угодна; праведенъ
 сый, печалуется о правомъ. А что
 Степанъ Докшоръ и Николай Спапа-
 рій, то и начало дѣлу, что сказали,
 и чѣмъ себя и меня оправдали, или
 себя и меня виновнымъ учинили, и чѣмъ,
 и что имъ учинено, и съ ними я не
 ставленъ, и того всего не вѣдаю, и
 въ сказкѣ въ Казани мнѣ не сказано.
 А человекъ мой Ивашка Еврей умирая
 говорилъ, что я книги не вѣдалъ, и
 ему и женѣ его жечь не вели-
 валъ, и сіе слово кровію и смертію
 своею запечатавъ. Ниже мнѣ самому
 въ сказкѣ моей допросной за рукою
 не повѣрено, еще сушу Бояриномъ;
 ни Думному Дворянину Феодору Про-
 кофьевичу Соковнину, да Думному
 Дьяку Василью Семенову осмошру въ
 рухлядишкѣ моей; ни опцемъ моимъ
 духовнымъ, ни премъ человекамъ пле-
 менникамъ моимъ, девяти человекамъ
 людишкамъ моимъ, единому же вору
 Давыдикъ повѣрено, и за сіе спражду
 тяжцѣ, не имѣя вины! Сіе же писахъ
 не яко невѣдущу тебѣ, государю мо-
 ему и благодѣтелю, но яко да воспо-
 мя-

мяну благодать и пріятство швое
прежнее, и тако слезы и досады на
лицѣ зря, умилишия благоутробнымъ
своимъ сердцемъ, и челобитную мою,
и работы мои, и невинность мою
извѣстишь, и отъ започенія сего
горькаго свободишь, чшобъ милости-
вый и благочестивый Великій Госу-
дарь, Царь и Великій Князь Феодоръ
Алексѣевичь, всея Великія и Малыя и
Бѣлыя Россіи Самодержецъ, не заста-
вилъ насъ, сиротъ своихъ бѣдныхъ,
неимѣющихъ помощи, странствовашь
межъ чужихъ жилищъ; чшобъ насъ
изъ сего започенія велѣлъ взять, изъ
за присава свободитъ и жить намъ
бѣднымъ, и за него Великаго Госу-
даря, и за его Государской домъ Бога
молишь, гдѣ его Государская милости-
вая воля будетъ. Молю яебя, госуда-
ря моего благодѣтеля, не презри про-
шенія моего по милости своей прежде
бывшей. Надежду мою всю шочію по-
лагаю на Бога и благочестиваго Го-
сударя; швоимъ доношеніемъ да испра-
витъ Господь Богъ всемогій во благое!
Не даждь мнѣ безпомощному больше
плакати, и червю моему; уже бо отъ
пла-

плача и туги на полы мертвѣ лежу. А что, благодатель мой и государь, въ пути моемъ бѣдномъ и слезнокровавомъ случилось зимою и водою, и что Господь Богъ вѣсть, Его же праведнымъ судьбамъ предаю. А что растеряно и разсыпано и вышочено, и того исписать не могу; и людишки, кошорые и пошли ко мнѣ, и они, видя конечную мою бѣду, покинули меня съ убыткомъ моимъ, побѣжали. А что Великаго Государя жалованья дано изъ нажишковъ, и то малое что довезъ до Пустоозерскаго острога; а въ Пустоозерскомъ жителяхъ многіе голодомъ шаюшъ и умираюшъ, а купяшъ четверикъ Московской мѣры по 13 алтынъ по 2 деньги, а ихъ будетъ пудъ. Пустоозерскихъ, государь, жителей всегдашняя пища борщъ, да и того въ Пустоозерскомъ нѣтъ, привозяшъ съ Ижмы, и такая нужда въ шамошней сбранѣ, на Турьѣ, на Ижмѣ, на Усцылмѣ, и въ Пустоозерскомъ острогѣ. Ей ей службу Божию отправляютъ на ржаныхъ просфирахъ, и ша мука мало лучше невѣнной муки, и

шако-

такова та служба приношенія къ Богу, о томъ освященныхъ вопросы. Ей ей не постыдился бы, свидѣтель ми естъ Господь Богъ, чшобъ имени ради Его ходишь и просишь милоспины, да никто не подасишь, и не можешъ своей ради сродной нужды подати. Лучше меня и славнѣе былъ въ Царѣградѣ Гешманъ Висарій, и ненависти ради и зависти воспріимъ раззоренное, которой въ великой чести и славѣ и могуществѣ былъ; и попомъ то отмѣнилось, по помужъ Царюграду съ блюдишкомъ ходилъ и просилъ милоспины; а говорилъ: азъ убо честь и слава Греческая, нынѣ же проситель есмь съ убогими; дайте Гешману Висаріеви милоспину! Сіе время дочасное, и свѣтъ сей коловертнтся непрестанно. Глаголетъ нѣкто, поучаяй насъ: ни красная свѣта сего вѣчна, ни скорбная безъ конца. А ивъ глаголетъ: отъ утра до вечера измѣняется время, и все скоро естъ предъ Богомъ. А непріязненная человѣческая кознь, ненависть и безблагородство, какъ съ великими, такъ и съ малыми людьми, обычество-

твориши, и общую злобу днесь на
 тѣхъ, ушре на оныхъ пополняти. Я
 же убогой имѣю воздыханіе и слезы,
 и надежду ко Господу Богу; все, ели-
 ко нанесено на мя, и приѣмлю и во
 измѣненіи смиренія моего шерплю.
 Глаголетъ Иисусъ Сираховъ: яко во
 огни искушаешся злато, и человекъцы
 пріяшнн въ печи смиренія. И шы
 меня, благодатель мой, оставилъ си-
 ра, или не оставилъ, то Богъ вѣсть;
 шолько же вижду, что беззаконія ра-
 ди своего не шокмо что воръ Давыдка
 зашѣялъ на меня, шуда послалъ и
 межъ шакихъ жншелей жить, что и
 милосшнны выпросишь не у кого.
 Однакожде надежда моя Господъ
 Богъ: Онъ всякой ушѣхн и радости
 Податель, и ошретъ слезы любнше-
 лей своихъ, и вѣсть, чѣмъ пншапи
 боящихся имени Его. По семъ все-
 милосшнвый и благочешнвый Великій
 Государъ шакожде всѣхъ насъ общая
 надежда, шой да повелитъ намъ да-
 ши. Глаголетъ шой же Иисусъ Сира-
 ховъ: души алчущей не оскорби. И
 паки инъ нѣкто глаголетъ: блаженъ
 человекъ, иже и сқотъ свой милуетъ.
 Буде

Буде смерть случится, не покинь, благодатель мой и государь, мальчика моего, бѣднаго червя Андрюшку, котораго ты жаловалъ. По семь работникъ швой Артемошка Машвѣевъ челомъ бью.

Второе письмо къ немужъ ближнему Боярину, ко Князю Юрью Алексѣвичу Долгорукому, отправленное по 187 году.

Государь премилоспивый благодатель Князь Юрья Алексѣвичъ! подай всевысочайшій Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравспивовашъ на многія лѣта со всемъ швоимъ благодашнымъ домомъ. А изволишь, государь, по прежней милости своей, аще волишь воля швоя и милость, спросить о мнѣ: и Божіе всемилоспивое долготерпѣніе беззаконію моему терпитъ; еще съ живыми видя предъ собою вся жестокая, дышемъ. Се ищу заступника къ благочеспивому Государю Царю и Великому Князю

вю Теодору Алексѣвичу, Великія и
 Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу,
 и нѣспь предсташеля! Се ищю по-
 мощника, и нѣспь помогающаго! Се
 ищю избавляющаго мя, и не обрѣшаю
 и слова полезна! Се ищю отъ сродныхъ
 писанія, какъ обычай вѣдали и опъ
 того себѣ опраду имѣши, и сего не
 вижду! Страхомъ побѣжденный, ждахъ
 со мною скорбящаго, и не бѣше, и
 утѣшающихъ не обрѣшохъ! Охъ и
 люто и нестерпимо! азъ же вмѣсто
 утѣшающихъ невинно поношающихъ
 обрѣшохъ. Колико зло, яко ни единой
 винѣ подлежащей, и ничто же въ се-
 бѣ бываемыхъ свѣдущу, за едину не-
 нависть множество бѣдъ и спранныаго
 раззоренія и истопленія, и неначаянна-
 го страху, и непрестанныя печали, и
 чрезъ всякую надежду четвертое лѣ-
 то по преставленіи благочестиваго и
 милостиваго и приснопоминаемаго бла-
 женнаго памяши Великаго Государя
 Царя и Великаго Князя Алексѣя Ми-
 хайловича, всея Великія и Малыя и
 Бѣлыя Россіи Самодержца, Государя
 премилостиваго, воспоминаая съ ры-
 даніемъ, рущъ къ персѣмъ прилагая,

слезы яко и водопеченіе день и ношѣ. Охъ увы! о люшѣ мнѣ! приложи Господь шрудѣ на шрудѣ мой, и прешерпѣваю голодѣ, холодѣ, дымѣ, шѣсношю, и услохѣ со стenanіемѣ, покоя не обрѣшаю; однакожде благодарю Его, и благодарши не прешану. Онѣ всякія ушѣхи и радости Податель и вѣ бѣдахѣ невинныхѣ скорый Помощникѣ, облегчаетѣ болѣзни и шруды рабовѣ своихѣ, вѣрующихѣ во имя Его, и подасшѣ о насѣ сирыхѣ милосердіе и милость и умиленіе вѣ сердцѣ премилосливому Государю. Первая моя челобитная, кошорая, благодатель мой и государь, писана вѣ Казани во 185 году, Іюня вѣ 13 день, и не приняша, а приняша вѣ Пустозерскомѣ, и послана къ Великому Государю во 186 году, Іюня вѣ 26 день; и вѣ шой моей челобитной спаросши ради и увѣчья моего погорбленнаго, а наиначе всего гнѣва ради Великаго Государя и опалы, и раззоренія моего невиннаго обезпамятѣль, и многое, что видѣль вѣ Божештвенномѣ писаніи, и шого безпамятспивомѣ не написалъ; а что воспоминавалъ для очище-

щенія невинности своей себѣ, чтобѣ паче невинность моя отъ лукавыхъ и злыхъ сердца человекѣ очистилась, и шо нынѣ во второй моей челобитной написано. Такожде и тебѣ благодателю моему объявляю: написано въ извѣстѣ Давыдки лѣкаря, что сказалъ ему человекѣ мой карла, какъ будшо мы чли книгу съ Степаномѣ Докторомѣ и съ Переводчикомѣ Николаемѣ Спашаріемѣ, и въ шо время будшо пришло къ намѣ въ избу нечистыхъ духовъ множество, и шо, милоспивый мой, затѣялѣ ворѣ Давыдка по наученію злыхъ человекѣ. Мой карла сиротина убояся спраху и мукѣ, не шокмо такой сиротины увѣчной, но многіе въ крѣпости и въ силѣ, не претерпя мукѣ, клеветшутѣ на людей невинныхъ, но и сами на себя говорятѣ чего не дѣлали, и шѣхъ дѣлѣ много по приказамѣ. А я отъ ихъ воровскаго сосшаву и наученія очищаюсь Божештвеннымѣ писаніемѣ, какъ о шомѣ свяшый Іоаннѣ Злашосущый и Іоаннѣ Дамаскинѣ глаголюшѣ: отъ живыхъ сушу, никому не возможно видѣши духи чистые и

нечистые, какъ о томъ, благодателъ мой и государь, явное свидѣтельство въ Маргаритѣ, слово 3: бысть, рече, яко день сый, и яридоша Ангели Божіи предша Господеву, и дїаволъ сна посредѣ ихъ. Убо со Ангельскою ли службою предстоитъ дїаволъ, и посредѣ святыхъ духовъ нечистый духъ предстоитъ. Никакоже, ниже бо святіи Ангели предша Богови блеснѣ, но всяка служба предстоянїе глаголется. Сице и дїаволъ сна не на небеснѣмъ мѣстѣ, ниже въ премирныхъ силахъ, яко созданіе Божіе повелѣваемъ бываетъ шворити подобающее. Въ строительства, государь, въ человекѣхъ святіи Ангели, посылаемы суть, егда святыи Ангели, поминаетъ Апостолъ Павелъ, глаголетъ: не всѣ ли суть служебнии души, на служеніе посылаемы ради хощащихъ наследовати спасеніе? Отнюду же вѣдомо, яко святіи Ангели служатъ на человекская спасенія, горцыи же бѣсове на человекская грѣшныхъ мученія. Посла бо, Давыдъ рече, на Египетъ ярость и гнѣвъ и скорбь посланіе аггелы люшыми. Лука-
выи

выи убо и нечистыи бѣсове аще и отпадоша предложеніемъ, но подъ игомъ лежашъ работѣ. Сего ради отвѣщаваша на Ахава, Богъ глаголетъ: кто поидеть и прельститъ Ахава, и падеть? Отвѣща духъ лукавый: се азъ. Вѣдѣше бо, яко на се учиненъ есть дѣволъ. Посылаются же и къ праведнымъ, не яко мучашъ, но да искусяшъ; понеже Ангелъ святъ послужити искушенію не повелѣваемъ есть: не бо Богъ повелѣваетъ недостойное Ангелу. Сего ради бѣсове на сіе повелѣваеми сущъ на искушеніе. Не гласъ бо исходитъ отъ Бога лукавому бѣсу, ниже сподобляется сіе преступное оно произволеніе; естество бо благо, преложеніе же зло. Дѣволъ убо не естества есть имя, но произволенія. Не бо дѣволъ бысть изъ начала, и не сошворилъ Богъ дѣвола, но Ангелъ убо созданъ бысть; дѣволъ же именовася, яко оболгуяй Бога человѣкомъ и человѣка Богу. Святыи Матѳеи Евангелистъ, зачало 75, глаголетъ: первѣе сошвори Богъ изъ небытія въ бытіе разумную тварь, родовъ Ангельскихъ существо

безплотное, неосязаемое, духи не-
 видиміи свѣтлости неизреченной. Кни-
 гажь, благодѣтель мой и государь,
 ключь разумѣнія глаголетъ: два есше-
 ства наичестнѣйшіи Богъ сошворилъ:
 Ангельское и человѣческое, во образъ
 свой и подобіе. Такъ самъ рекъ, гла-
 ва 1 въ Библии: сошворимъ человѣка
 по образу своему и по подобію. Обаче
 не по тѣлу, по но душѣ человѣкъ естъ
 образомъ Божиимъ. Богъ всевысочайшій
 невидимъ, и Ангелъ невидимый, и
 душа человѣческая невидима. Въ Мар-
 гаритѣ же бесѣда 5: что естъ душа,
 убо воздухъ ли, или духъ, или
 вѣщрь? Но ничто же отъ сихъ, ре-
 кушъ; сія бо вся тѣлеса суть. Къ
 Коринѣомъ нравоученіе 29: аще бы мо-
 щно было извещи изъ тѣла душу не-
 праведнаго, и видѣлъ бы еси ю, но
 не возможно. Нравоученіе 23: аще бо
 можно душа видѣши, якоже въ воин-
 ствѣ сраженію мимошедшу, иныя убо
 мершвы естъ видѣши, иныя же ура-
 ненныя плоти; а души видѣши не
 возможно. Во нравоученіи же, мило-
 спивый мой, къ Колоссаемъ 11: аще
 бы тѣлу разсѣкшу коегождо душу

мощ-

мощно было видѣти, показалъ быхъ,
 но не возможно. Въ Маргаритѣжъ въ
 словѣ, о еже предста Царица, той
 же златоспрунный глаголетъ о добро-
 дѣтели тѣлеснѣй: что есть доброта
 тѣлесная, явѣ есть, яко отъ еше-
 ства, а не отъ произволенія. Онъ же
 глаголетъ: пойдѣмъ къ души, зри
 ону; не бо можеша видѣти ю, не-
 видима бо есмь. Иоаннъ святыи Да-
 маскинъ глаголетъ, книга 1: въ насъ
 есмь духъ вдохновенія и опдохнове-
 нія вдыхаемо, иже во время глагола-
 нія, егда что рцѣмъ, и гласъ слово
 учиняешся и на воздухъ разсыпается.
 Древній же Философъ Сократъ, его
 же похваляетъ златоглаголивый во
 нравоученіи 125, всѣхъ сущихъ любо-
 мудріемъ одолѣвая глаголетъ: солнца
 убо плоть видяшъ вси чловѣцы, ду-
 ха же плоти ни единъ можешъ ви-
 дѣти. Чловѣкъ же мой карла въ раз-
 спросѣ сказалъ: спалъ за печью и хра-
 пѣлъ, а видѣлъ духи нечистые. И
 въ томъ паки свидѣтельствуюся пи-
 саніемъ же, что не возможно видѣти.
 Къ Римляномъ нравоученіе 24 глаго-
 летъ: азъ убо сіе реку, иже въ глу-

боцѣи ноши спящимъ же и храпящимъ уподобимся вси; и аще мощно существо безплотное было видѣти, показалъ быхъ вамъ, како убо множайшии хранлюшъ, а діаволъ прокапываетъ стѣны, и закаляетъ лежащихъ, и отъземлетъ сущая внутрь сонъ. Спай бо убо ниже зло вѣщаетъ что, ниже благо. Да не токмо, благодѣтель мой и государь, духи, или души спящему и храпящему чловѣку видѣть, или слышать, нѣсть мощно чловѣку сушу видѣти искренняго. Кто бо видѣ отъ чловѣкѣ, рече, яже въ чловѣцѣ? Охъ друзи! развѣ духъ чловѣка, иже въ немъ. Се, благодѣтель мой, не возможно видѣти духи нечиспые. А о измѣнѣ существу ихъ духовъ нечиспыхъ и низу верженныхъ и проклятыхъ никто не написалъ, чтобъ въ естествѣ ихъ была измѣна; сега ради и видѣти ихъ не возможно по естеству, какъ той же алапоглаголивый рекъ: естество благо, преложеніе же зло; и какъ писали въ посланіяхъ свяшии Апостоли, Петрѣ зачало 66 во второмъ посланіи: аще бо Богъ аггеловъ согрѣшившихъ не пощадѣ, но

пленицами мрака связавъ, предасть на судъ мучими блюсти. Іуда, зачало 77: аггелъ же не соблюдшихъ свое начальство, но осшавльшихъ свое жилище, на судъ великаго дне узами вѣчными подъ мракомъ соблюде. Боже-спвенному ли писанію вѣришь, или ворамъ лѣкаришку одноокому, оралъ и исчадію его карлъ? Чего помыслишь не возможно, то на мя зашѣяли, видя помощи опшорженна. А свержъ сего свидѣшельствуюсь Господемъ Богомъ: неусыпнаго Его не утаится очесе, и прежде грѣхъ содѣяши, видя душу не пребуешь свидѣшелей, иже вся вѣдый, какъ на спрашнѣмъ Его Божіи судъ снаши, не шокмо словомъ, или дѣломъ, но и помышленіемъ своимъ опъ сихъ вышеписанныхъ дѣлъ чистъ, и что на меня ни нанесено. А что прежняго воровства Давыдкова не писаа въ челобитшѣ своемъ къ Великому Государю, и къ тебѣ, благодѣшелю своему, и то нынѣ тебѣ объявляю: тошѣ же воръ Давыдка сказаа, что онъ, будучи у меня во дворѣ, будшо видѣа, что мы заперщисъ въ палацѣ чли черную

книгу, я, работникъ твой, Степанъ Докшоръ, Николай Переводчикъ; а онъ Давыдка будто вшелъ къ намъ въ палату изневѣстнымъ дѣломъ. И ты, благодѣтель мой и государь, разсмотри и разсуди милосердо, сіе ли не воровство и не сошавъ явной? Въ запертую палату кто изневѣстно входитъ, покаместъ кого не позовутъ и пустятъ? Запворенному внутрь вратъ, не возможно есть избѣжати; такожде не возможно пройти внутрь, бывъ внѣ. Сіе ли, благодѣтель мой, не явное воровство наученное, и не сошавъ явной ложной отъ безумныхъ? Слова ихъ судятъ и осуждаютъ ихъ самихъ. Словомъ человекъ своимъ осудится, словомъ и оправдится. А допрашиванъ ли онъ воръ Давыдка, или нѣтъ, какъ видѣлъ сквозь стѣну палаты, и въ запертую палату какъ входилъ, того мы въ Казани въ сказкѣ не сказано. А что сиротина мой карла Захарка вралъ, а къ тѣмъ его рѣчамъ и свидѣтель учиненъ коштоправъ, и шотъ сиротина, убоясь страху, внѣ себя вралъ, и рѣчи его въ одномъ дѣлѣ всѣ врознь. Первое,
пе-

передъ всѣми вами Бояры сказалъ ,
 что онъ спалъ за печью и храпѣлъ ; я
 будто услышалъ , и сорвавъ съ него
 шубу , и вытолкнулъ черезъ порогъ въ
 другую палату. Въ другой его сказ-
 къ онъ же карла Длвыдикъ вору ска-
 залъ , что онъ боленъ ошъ моихъ по-
 бой. Въ третней сказкѣ космоправу
 Ивану Максиму сказалъ , и приба-
 вилъ и два ребра. Одни мои побои
 явились шрожды , а всѣ врозь , и ука-
 зу Великаго Государя и уложенью про-
 шивныя. А переломилъ ему два реб-
 ра Иванъ Соловцовъ , а не я ; а на
 шомъ переломѣ свидѣтели естъ лю-
 дишки мои , которые по указу Вели-
 каго Государя оппущены , и меня имъ
 бояшися нынѣ не для чего. Естли
 воля Государская будетъ , велишь до-
 просить ихъ сверьхъ Лишевскаго до-
 просу , а имена имъ : Оська Трофи-
 мовъ , прозвище Индей ; да Зиновка
 Федоровъ. А допрашиванъ ли онъ Иванъ
 Соловцовъ и карла свидѣтели , на ко-
 торыхъ я сказалъ , что они видѣли ,
 и что они всѣ сказали , и того всего
 не вѣдаю. А что , благодѣтель мой
 и государь , учиненъ мнѣ космоправъ
 свидѣ-

свидѣшель, и мнѣ онѣ не свидѣшель для того, что костоправѣ сказалъ, что онѣ самѣ видѣлъ, какъ я карлѣ переломилъ два ребра; другое, чтобы ешъли я на костоправа слался, то бы онѣ въ то время былѣ свидѣшель; а костоправѣ, что слышалѣ отѣ карлы, то и сказалѣ. А по моей сказкѣ, что Иванѣ Соловцовѣ и два человекѣ мои, что были, и что сказали, и того въ сказкѣ мнѣ не сказано. А въ указѣ Великаго Государя и уложенъи тебѣ, государю моему, извѣстно, на чью сторону больше скажущѣ, шѣмѣ и вѣряшѣ. Костоправуль вѣришѣ, или стряпчему, и еще сверхѣ того два человекѣ? А что Думной Дьякѣ Даріонѣ Ивановѣ, и Алхимиспѣ Иванѣ Ефимьевѣ, и человекѣ мой Ивашка Еврей говорили, и то все, благодарѣшель мой, мнѣ ко очищенію, а не къ винамѣ. Думной Дьякѣ сказалѣ: послалѣ я книгу въ аптеку, а съ кѣмѣ, того не упомнишѣ; а что въ ней видѣлъ, благое ли, или злое, и цыфирьюль писана, и того о той книгѣ не сказалѣ. А книгу онѣ у меня видѣлъ, и смотрѣли, что устрое-на вювь при мнѣ на Славянскомѣ и Латин-

Латинскомъ языкахъ о лѣкарствахъ съ цѣною, чтобъ сверхъ уславу лишнія цѣны не имѣли. А что онъ, не памятуя той книги, которую видѣлъ, а вмѣсто той объ иной сказавъ, которой не бывало, и за то Господь Богъ мѣдвоздастель. Нѣкто мудрый написалъ: когда не можемъ о присныхъ вѣрѣ чего похвальнаго рещи, лучше есмь умолчати, нежели что о нихъ непотребное рещи. А человекъ мой Ивашка Еврей рѣчи свои перемѣнилъ, а сказалъ, что взялъ онъ у Алхимиста, а не у меня укралъ, и женѣ своей приказалъ сжечь. Алхимистъ сказалъ, что далъ ему Алхимисту человекъ мой Игнашка, а человекъ мой Ивашка Еврей у него Алхимиста взялъ, и не опдалъ; а какая межъ ихъ была книга, и я того не вѣдаю. Всѣхъ, благодѣтель мой и государь, рѣчи прошивны Великаго Государя указу и уложенью; а мнѣ ко оправданію, а вору Давыдкѣ и карлкѣ винѣ. И мнѣ, государь, вмѣсто оправданія со всѣхъ сказокъ разныхъ, которыми указъ Великаго Государя и уложенье не повелѣваетъ вѣрись, вины и неправды написаны мнѣ. Въ

лѣхъ

тѣхъ же, государь, вина о сказкѣ
моей наведена, какову я далъ Полу-
головѣ Алексѣю Лужину, что будно
далъ я сказку ложно, и я какъ далъ
сказку, такъ и въ дѣлѣ явилось: чело-
вѣкѣ мой Ивашка Еврей у меня не
крадывалъ; взялъ у Алхимиста, а Ал-
химистъ сказалъ тѣ же рѣчи, что
взялъ человекѣ мой Ивашка Еврей. А
я съ нимъ Алхимистомъ въ аптеку
не посылавалъ, за что моя сказка
учинена ложна, а лжи моей и неправ-
ды нѣтъ, а разворенъ спрранно шу-
не, не имѣя вины. Мнѣжь, государь
милосливой, сказано, что книги безъ
указу Великаго Государя и безъ ро-
зыску жечь не довелось, а извѣстить
было объ ней Великому Государю.
Гдѣ, благодѣшель мой, то мое сло-
во? Кто сказалъ, кромѣ человекѣ мо-
его Ивашка Еврея, что приказалъ
сжечь, и шотъ рѣчи свои перемѣнилъ,
а сказалъ, что взялъ у Алхимиста
книгу, а не у меня укралъ. А какъ
по указу Великаго Государя взявъ у
меня изъ Лаишева, и въ то время
опѣвѣжаючи приказалъ женѣ своей
сжечь, а жена сказала: по приказу
му.

мужа своего сожгла; а я по сказкѣ, какѣ сказываны вины и неправды, всего того не вѣдалъ, и мнѣ Великому Государю извѣщать было не чего и не на кого, и не имѣю. Кто бы, благодѣшель мой, имѣя отъ Бога дарованной разумъ отъ человекѣ, и хотя онѣ жиши на свѣтѣ и благоденствовать на вселюбезномѣ, принялъ бы въ пазуху свою скорпіона, отъ котораго ядѣ, или жало бывають неисцѣленны? Никто же бы дерзнулъ то учинить. Могъ бы я, что злое видя, безъ ащеки не показывая Думному Дьяку Ларіону Ивановичу, и посылая къ Дьяку Ивану Папрекѣеву, и Докшорамѣ на свидѣшельство, въ домишкѣ у себя безъ свидѣшелей сжечь. Не прогнѣвайся, благодѣшель мой и государь, на меня, работника своего, что отъ многія горести сердца и кровавыхъ моихъ слезъ написати къ тебѣ понужденъ, вѣдая твое обученіе долгое, и искусство для разсужденія добру и злу, и отъ разсужденія многія въ правдѣ своей, въ печалѣхъ своихъ утѣшенія пріяли, а обидимые заскупленіемъ и судомъ правымъ свое

вос-

воспріали, и слава велія одержаваша о имени швоемъ, не яко благороденъ и дому високаго сый шокмо, но яко благъ живіемъ правымъ, и яко разсудитель; вкупъ же и словесенъ, глаголаши и увѣщаваша збло хишросшенъ, и похвалу побѣдную по чесши вѣрашныхъ дѣлѣхъ прінялъ еси превеликую ошъ самодержавной превысокія руки; а я бѣдной, милости и помощи обнаженной, вѣ горькихъ и кровавыхъ слезахъ съ червемъ моимъ сынишкомъ ушопая безвинно, а милости вѣ правдѣ своей не получу. Воспомяни, государь, слово Премудраго: не ошѣими благошвориши шребующему, егда рука швоя имать помогаши. Инъ же глаголетъ словомъ Божіимъ: швори правду, и буди помощникъ сиру, и обидиму помози, и изведи слѣпаго на свѣтъ мой: и дамъ шесѣ первое сѣденіе вѣ царствіи моемъ. Вѣ законѣхъ же, государь, Божіихъ писано, книги Моисеовы пяшой, вшорый законъ, глава 25: аще будетъ прѣ между человѣкома, и да пріидутъ на судъ и судяшъ, и да оправдясъ праваго, да осудятъ нечестива-

ваго. Пророкъ Исаія глаголетъ, глава 1 :
 Взыщите суда, и избавите обидима су-
 диши сиру. Глава 24: Путь Господень
 судъ. Глава 51: Внушите, яко законъ отъ
 меня изыде, и судъ мой на свѣтъ спра-
 намъ, послушайте мене вѣдѣющіи судъ.
 Глава 5: Егда обрящете мужа шворяща
 судъ, и ища правды, милосердъ буду ему.
 Глава 7: Аще сотворите судъ посредъ му-
 жа и искренняго его, и пришельцу и
 сиру не сотворите льстиво. Пророкъ
 Іезекіиль глаголетъ, глава 18: Аще
 снабдитъ вся заповѣди моя, и сошво-
 ритъ судъ, и правду, и милость, вся
 со~~грѣ~~шенія, елико будетъ сотворихъ, и
 не упомянутся ему. Пророкъ Михей,
 глава 6: Человѣче! что добро, или
 чесо Господь проситъ отъ тебе, но
 еже швориши судъ и любиши милость.
 Пророкъ Захарія, глава 7: Глаголетъ
 Господь Вседержитель: судъ правед-
 нъ судите, милости и щедрости
 швориши каждо искреннему своему,
 и сира не насилуйте. Праведный Іовъ
 рекъ: Возрѣвый на лице ваше не сол-
 жу. Іаковъ же: На лице зряще суди-
 те и не вѣсше, каковъ духъ во обою,
 и не разсмотряете быши помышленія
 Х злыхъ.

злыхъ. Захарія Пророкъ глаголетъ, глава 7 : Аще ислячеси, яко слѣпъ, выю свою и вретище, и пепель поспелеси, то ни тако наречетъ ми ся постъ пріяшенъ. Не такова бо поста азъ избрахъ, глаголетъ Господь, но разрѣшай всякъ союзъ неправды и исправляй развращенная нужныхъ бре-
менъ. Книга 1 Царствъ глаголетъ : Но о семъ да хвалятся, еже разумѣваши и знаши Господа, и твориши судъ и правду посредѣ земли. Спаситель же Хриосъ, Сынъ Божій, рекъ во святомъ Евангеліи, Іоанна зачало 16 : Якоже слышу, сужду, и судъ мой праведенъ есть. Прежде сошворенія и рожденія чловѣкъ Всевидѣцъ испытаяй сердца и утробы рекъ : Якоже слышу, сужду; а ты, благодѣтель мой, что отъ меня слышалъ въ судѣ, или на очной спавкѣ; какой опвѣщъ, или вопросъ, и по какому опвѣщю и по вопросу я обвиненъ, не поставя къ суду и къ очной спавкѣ? Раби мои взяшы, Ивашка Еврей, карла Захарка Полуголовою Алексѣемъ Лужинымъ; раба моя, жена чловѣка моего Ивашка Еврея, взяша Думнымъ Дворяниномъ

Оедоромъ Прокофьевичемъ Соковни-
 нымъ, да Думнымъ Дьякомъ Василь-
 емъ Семеновымъ. Всевысочайшій же
 Господь Богъ надежда наша, иже
 обищаетъ въ вѣки, Его же слово
 истинно и повелѣніе крѣпко; сій
 разсмотрѣ странно, и чистъ судъ
 Его; сій воздастъ ненавидящимъ мя,
 и поношающимъ, и оклеветашимъ.
 Пишетъ нѣкто, проливающимъ слезы
 обидимымъ глаголетъ Господь: пе-
 крываете слезами жерпвенникъ мой,
 и плачемъ и въздыханіемъ отъ тру-
 довъ, и ничтожъ изношающе лукавно
 глаголаніе, въздыхающъ шокмо и пла-
 чущся своихъ золь, и обидимымъ убо
 милосливъ бываетъ Богъ. Умилоспи-
 вись, государь мой, Князь Юрій Але-
 ксѣевичъ! приэри на невинность мою
 и на спранное мое раззореніе, и видя
 мя беззасупна, и отъ милости оп-
 торженна, и всякихъ благъ лишенна,
 сотвори милосшь, вспомяни Божіе
 слово, еже рече: Поелику сотвористе
 единому отъ сихъ малыхъ, вѣрующихъ
 въ мя, мнѣ сотвористе. И паки тако:
 Нѣсть воля предъ Отцемъ моимъ не-
 беснымъ, да погибнешъ единъ отъ

малыхъ сихъ. Предстательствуй о мнѣ у Великаго и милоспиваго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и милоспи и славы ради имени своего Государскаго, и твоего ради засупленія въ правдѣ моей, и многихъ ради моихъ служебъ и прибылей, какъ въ первой моей челобитной писаны, велѣлъ разореніе наше возвратилъ съ милоспію, и велѣлъ насъ бѣдныхъ изъ сего дальняго заключенія свободить и взять, и жить намъ бѣднымъ и всякія милоспи обнаженнымъ, гдѣ его Государская милоспивая воля будетъ, чтобъ намъ со всякихъ нуждъ прежде времени душъ не извреши, и чтобъ наши непрестанныя кровавыя слезы ко пресполу Всевысочайшему на шѣхъ престали, которые насъ безъ всякія вины, кромѣ всякія правды, изогнали; а больше сего не могу и не смогу писати. А которые, государь мой, и въ винахъ объявились и обличены, и сами на себя говорили, и выняшы у нихъ книги и заговоры, и проливные Божію и Государскимъ законамъ: и шѣмъ

шѣмъ такого воззренія не учинено,
 и милость показана, въ прежнихъ
 чинѣхъ и во всемъ своемъ пребыва-
 ютъ. Единъ я бѣдной и спранной съ
 червемъ своимъ не имѣю гдѣ главы
 подклониши, и на стопы ногъ на-
 шихъ нѣтъ, и лишенъ всякія мило-
 сти; а я, кромѣ работъ своихъ, съ по-
 чашку лѣтъ моихъ и служебъ, и вся-
 каго добра имѣ Великимъ Государемъ,
 не знаю ничего, чѣмъ въ чемъ ви-
 ненъ былъ. А чьи и вины бываютъ
 великія, и шѣмъ людямъ по ихъ Го-
 сударской милости судъ, очныя спав-
 ки, розыски; а я спранной всего по-
 то лишенъ; а чего ради сего Велика-
 го Государя указу и милости не спо-
 добленъ, и того не могу знаши;
 только имѣю на Господа Бога надеж-
 ду, и на него, помазанника Божія Ве-
 ликаго Государя. Царево сердце въ ру-
 цѣ Божіи. Ими, благодѣшель мой и
 государь, мнѣ вѣры, что съ голоду
 спраждемъ съ работники, и не мо-
 жемъ части мяса, или калача, или
 иныхъ потребныхъ самыхъ нуждъ,
 хлѣба на двѣ деньги купишь не до-
 будемъ. Нѣтъ и не знаютъ того съ

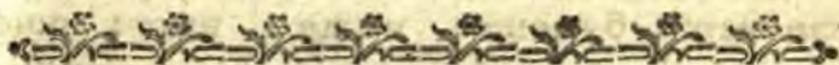
початку, какъ почали ^{купить} муку въ Пусто-
озерскомъ; единъ борщъ ядяшъ, да
прибавляюшъ по горсти муки ржа-
ныя; и то прожиточные люди ядяшъ,
а убогіе единъ борщъ, да и шого не
родишя въ Пустоозерскомъ, при-
возяшъ съ Ижмы, пять сотъ верстъ
ыше Пустоозерскаго. Не шокмо, ми-
лосшивый мой благодѣшель, что ку-
пишъ, милосшныи не у кого выпро-
ситъ имени ради Божія; для шого
что сами межъ себя просятъ, и дашъ
некому и нечего, и бредушъ врознь
глада ради; а и достальныи на тотъ
же путь смопряшъ. А у меня что
по милосши Великаго Государя не ош-
няшо, и то водами, перемѣнами, го-
рами, переволоками пошоплено, рас-
шеряно, раскрадено, разсыпано, вы-
шочено, сѣдено, мало что до мѣста
довезено. И въ шакомъ нашемъ раз-
зореніи и въ такой нуждѣ и голодѣ,
ничшо же ошъ насъ ино прочее чаеш-
ся, шочію смершь, послѣдствующая
ошъ скудости всякой; уже безъ прав-
ды неправедно изгнанъ, безо всякія
вины уже ошлученъ лика милосши;
уже ошторженъ благоденсшвія ошече-
ства,

ства, дому моего и всѣхъ моихъ на-
житковъ, помѣстій и отчинъ, и лю-
дей шуне чрезъ законы лишенъ. Всѣмъ
указами жестокими заспращено срод-
нымъ моимъ и друзьямъ не токмо ко
мнѣ самой ради конечной нужды моей
на пищу прислаши что, или по обык-
новенію народовъ писати, какъ свои и
друзья письмомъ завидѣнія мѣсто се-
бя являющъ и утѣшаютъ въ печали;
но и о имени моемъ не смѣетъ никто
спросить. Заточенія ради послѣдней
черты, гдѣ языцы обитающъ, та-
кое мѣсто выбрано, какъ имя ему
Пустоозерской: ей истинно пустъ,
хлѣба и соли нѣтъ, голодъ, холодъ,
а сверхъ сего только земля да вода.
Охъ да увы! слезы, горестъ, живощъ
золъ неимѣющимъ помощи, умилися
благодѣшель мой и государь! Если
совершенныя милости Великаго Госу-
даря, благочестиваго Царя, прирѣнія
по моему челобитью не будетъ, чтобъ
уже онъ Великій Государь пожаловалъ
велѣлъ насъ въ хлѣбныя наши дерев-
нишки перевезть, или гдѣ его Госу-
дарская воля волишь, и дашь намъ
хлѣбъ и харчъ денежной на кормъ изъ

нашихъ слезнокровавыхъ нажишченковъ. Ими, благодатель мой и государь, вѣры мнѣ убогому, какъ на свѣшѣ почаль жить, такой нужды не видалъ надъ сиротами моими, не только надъ собою. Избенка дана мнѣ, другая червю моему сынишку; ей ей обѣ безъ печи: прошлую зиму рукъ и ногъ во всю зиму не согрѣли; а иные такіе дни бывали, мало что не замерзли, а отъ угару непрестанно умирали; а вѣ подклѣпишкѣ запасенко и рухлядишка, а вѣ другомъ сироты мои да караульщики, которые меня сперегушѣ, чтобъ я не побѣжалъ. Бѣжать некуда и не отъ чего: совѣсть моя меня не судитъ и не грызетъ; изъ тѣхъ подклѣшовъ пускаютъ тепло, и отъ того пущанья пользы столько нѣтъ, сколько смрада. Почали цынжашѣ, и не вѣдаемъ, что впредь намъ будетъ. А что были челомъ Великому Государю Пустоозерскіе жители о дровахъ, что намъ дрова даютъ, а пишатъ саженьми, и челобитье ихъ не право. Даютъ сажень ручную малую сѣченыхъ дровъ вѣ аршинъ отрубки, и тою саженью

из-

изба шрожды истопишь; а не такая сажень, что на Москвѣ плахами кладушь и мѣряюшь саженью. Прежде сего сказывали жители Пустоозерскіе, что по благодаши Божіей на пищу рыбы былъ досташокъ и на продажу; а нынѣ, государь, не шокмо въ годъ и на продажу на хлѣбъ съ самой весны и по Іюль мѣсяцъ до сытости не наблись, шаюшь гладомъ, а хлѣба, государь, привезли муку, что опруби, и шой мало продаюшь, оставляюшь въ зиму; въ самой голодъ продаюшь, чтобъ взять дороже. По семъ работникъ твой Аршемошка Машвѣвъ челомъ бью.

*Письмо къ Боярину ко Князю Никитѣ
Ивановичу Одопскому.*

Государь мой, милосливый Князь Никита Ивановичъ! подай всевысочайшій Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравствовать на многія лѣта со швоимъ, государя моего, благодашнымъ

нымъ домоу. Аще волишь воля и
 милость твоя, государя моего, спро-
 сить о мнѣ, убогомъ и всеконечно
 раззоренномъ: и Божіе всемилосливое
 долгошерпѣніе окаянству моему пер-
 пишъ, еще съ живыми дышу. Умилосер-
 дия, государь мой! предшательствуй
 о мнѣ, безъ вины раззоренномъ, и помо-
 щи и заступленія опшорженному; уже
 четверное лѣпо въ непрестанныхъ
 кровавыхъ слезахъ пребывающій. Вящ-
 шая добродѣтель есть, еже милова-
 ти и щедрити, и ничѣмъ тако при-
 своипися имамы къ Богу, якоже ми-
 лованіемъ обидимыхъ невинно. И сіе
 рече: аще просшите, подобни есте
 Ошцу вашему. И се рече: аще дѣй-
 ствовати будете, ниже, рече; аще
 молишся, подобни есте Ошцу ваше-
 му; но что будете щедры, якоже
 Ощецъ вашъ, иже есть на небесѣхъ.
 Сіе есть Божіе дѣло, милости хошу,
 рече: якоже милость, чшобъ Великій
 Государь милости ошца своего Госу-
 дарева блаженныя памяти Великаго
 Государя и своей Государской милости
 и славы ради имени своего Государ-
 скаго и служебъ, и работъ крова-
 выхъ,

выхъ, и невинности ради моеѣ, и
 конечнаго моего раззоренія, велѣлъ воз-
 вратишь раззореніе мое, и изъ сего
 дальняго заключенія взяшь, и жишь
 намъ бѣднымъ, гдѣ его Государская
 милоспивая воля будетъ, чтобъ на-
 ши кровавыя съ червемъ моимъ слезы
 ко Господу Богу на обидимыхъ пре-
 стали; и за сіе подаспъ тебѣ той же
 въ вѣчной славѣ зрѣніе видимыхъ и
 невидимыхъ красосъ Его. Артемощ-
 ка Машвѣевъ челомъ бью.

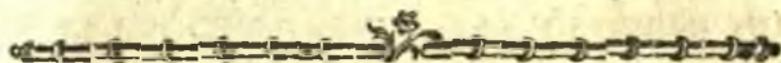
*Письмо къ Боярину ко Князю Михай-
 лу Юрьевичу Долгорукому.*

Государь мой милоспивый благо-
 дѣшель, Князь Михайла Юрьевичъ!
 подай Господь Богъ тебѣ, государю
 моему, здравствовашь на многія лѣша
 со всемъ пвоимъ, государя моего,
 благодащнымъ домоу. Аще волишь
 воля и милоспъ швоя, государя моего,
 спросишь о мнѣ: и Божіе всемилоспи-
 вое долгошерпѣніе беззаконію моему
 шер-

перпитъ; еще съ живыми. Милость отъ Бога въ законъ положися, ибо можаше подашь милость человѣкомъ и кромѣ сего, но да въ насъ приведетъ любовь, и да согрѣется безпомощный отъ могущаго отъ васъ и намъ безвиннымъ повелѣ избавишися. Сего ради индѣ глаголетъ: лучше слово благо, нежели даяніе; и сіе слово благо паче даянія. И самъ Богъ глаголетъ: милости хочу, а не жертвы; понеже есть обычай и благодѣшельство пріемлющихъ любими, и доброемлющимъ ко благодѣтельствующимъ свойственнѣ пребывати. Аще видиши невиннаго плачуща и рыдающа и болѣзнующа, помози ему. Сего ради и азъ тебѣ, государю моему, чрезъ кровавыя мои слезы докучаю: попроси милости у отца своего, государя моего, чтобъ онъ въ нападныхъ моихъ безвинныхъ бѣдахъ подалъ руку вспоможенія, и по челобитнымъ моимъ первой и второй Великаго Государя доложилъ милостиво. Пишетъ нѣкто стихотворецъ: истинну любя, лжу ненавида, не оскорбляя, въ неполученіяхъ исправляя, иже туне ненавидимыя, и не шочію слышашель, но и творецъ доб-

добрыхъ и досточудныхъ дѣланій
будетъ. И за сіе пріимете отъ все-
высочайшаго Бога здѣ и въ будущемъ
вся благая. Работникъ швой Арше-
мошка Машвѣевъ челомъ бью.

*Письмо къ Боярину Родіону Матвѣеви-
чу Стрѣшнему.*

Государь мой милоспивый Родіонъ
Машвѣевичъ! подай Господь Богъ ше-
бѣ, государю моему, здравствовать на
многія лѣта со всемъ твоимъ, госуда-
ря моего, благодапнымъ домомъ. Аще
волишь воля и милоспъ твоя спроси-
ти о мнѣ: и Божіе всемилоспивое
долгоперпѣніе окаянству моему еще
перпимъ; съ живыми съ червемъ мо-
имъ дышемъ. Четверпное лѣто уже
государь мой наша, какъ непреспан-
но въ кровавыхъ слезахъ невинныхъ
пребываемъ, а помощи и заспуленія
ни отъ кого не имѣемъ, и спраж-
демъ, не вѣдаемъ за что, и раззоре-
ны до конца, учинены нищими и на
спог

стопы ногъ нашихъ не оставлено. Господемъ Богомъ свидѣтельствуемся, шой вѣсть прежде бышія всѣхъ чело- вѣкъ, не шокмо словомъ, или дѣломъ, но и помышленіемъ невинны, что ни нанесено. Давній то, государь мой, обы- чай, чешутъ слухи приложенными гла- голы и завистію движими оклеветаю- ще, да воздасть Господь Богъ здѣ и вѣ день суда своего праведнаго; а мы, бѣдные и всякія милосши оппор- женные, шокмо имѣемъ въздыханіе и плачь, ничто износяще лукавно. Уми- лостивися государь мой, вспомяни Божіе слово: блажени милосшивіи, яко ініи помиловани будутъ. Се милость, егда кто кому вѣ бѣдахъ сущему по- можетъ словомъ благимъ, совѣтомъ правымъ. Кто милосши желаетъ и шворитъ ю, шой и самъ опъ Бога помилованъ будетъ. Елико немилосши- віи, непощадиіе Божіе на судѣ не- милосшивымъ; шoliko помилованіе су- губо милосшивымъ, и воздаяніе вѣ царствіи небеснѣмъ, за едину чашу спуденой воды животъ вѣчный, чтобъ Великой Государь пожаловалъ велѣлъ насъ изъ сего започенія и злоключе- нія

нїя сего невиннаго взять , и разворенїе наше невинное возвратишь , и жишь намъ бѣднымъ , гдѣ его Государская воля будетъ , чшобъ намъ въ такой нуждѣ прежде времени не скончались. По семъ работникъ швой Артемошка Матвѣевъ челомъ бью.

---

*Письмо къ Боярину ко Князю Якову
Никитичу Одоевскому.*

Государь милоспивый Князь Яковъ Никитичъ ! подай Господь Богъ тебѣ , государю моему , здравствовать на многія лѣта со всемъ швоимъ , государя моего , благодарнымъ домомъ. Аще волишь воля швоя и милоспъ , государя моего , спроси о мнѣ убогомъ и всеконечнѣ разворенномъ : и Божіе всемилоспивое долготерпѣнїе беззаконїю моему терпитъ ; еще съ живыми дышемъ. Въ первой моей челобитной къ Великому Государю , чего спароси ради и увѣчья моего погорбленнаго , а паче всего гнѣва ради

ди

ди его Великаго Государя и опалы, и раззоренія моего невиннаго, для очищенія многое безпамятствомъ своимъ не написалъ; а что воспоминавалъ, и то во второй моей челобитной и писано, и то тебѣ государю моему будетъ извѣстно: спражду, и раззоренію твоему, не имѣя вины. Умилися, государь мой! сотвори милость, какъ спшануть челобитную мою предъ Великимъ Государемъ чесшь, представельствуй о мнѣ всякія милости и помощи опшорженномъ. Воспомни Божіе слово, реченное: основаніе благихъ ничтоже ино, развѣ милость; на семъ, рече, законъ и Пророки висятъ. Якоже бо въ вещество огнь вшедъ и вся очищаши обыче, сие и милость: милости, теплоси, идѣже еще впадетъ, вся истребляетъ спраждушая, и исцѣляетъ. Воспомни работишку мою, какъ въ докладъ гошовилъ Думной Дьякъ Герасимъ Докторовъ дѣло. Воспомни работишку мою ко опцу своему, государю моему Боярину Князю Никитѣ Ивановичу въ посольскихъ его сбѣздахъ, во второмъ и въ послѣднемъ. А иныхъ пи-

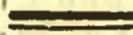
са-

сапи не смогу, за малое прїимите, а надо мною странно раззореннымъ велию милость явите, чтобъ Великій Государь пожаловалъ велѣлъ насъ изъ сего започенія свободить, и раззореніе наше невинное возвратить, и жить намъ бѣднымъ, гдѣ его Государская милоспивая воля будетъ, чтобъ намъ бѣднымъ съ червемъ моимъ въ такой нуждѣ прежде времени не скончашься. Работникъ твой Арпемошка Машвѣвъ челомъ бью.

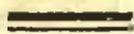
*Письмо къ Боярину Кириллу Полуевк-
топичу Нарышкину.*

Государь мой Кирилъ Полуевктовичъ! подай Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравспвовать на многія лѣта со всемъ своимъ благодатнымъ домомъ. Аще волишь воля швоя спросишь о мнѣ: и Божіе всемилоспивоое долгошерпѣніе окаянспву моему шерпишь; въ бѣдахъ моихъ и въ невинномъ моемъ раззореніи еще съ червемъ

моимъ Андрюшкомъ дышемъ, вся видя предъ собою жестокая, а милости и помощи не имбю; а въ житіи моемъ бѣдномъ кровавомъ слезы, голодъ, холодъ, шѣсношу, дымъ, укореніе, поношенія и прочая, вѣсть Господь Богъ, исписати не могу; а о васъ, пріяшеляхъ моихъ, не токмо писанія, ни слова не могу слышати, какъ изъ Казани повезенъ. Надежда моя Господь Богъ, аще здѣ меня измучитъ въ малѣ. Се же нѣсть образъ мученія, но милости и наказанія, яко Апостоль рекъ: яко судими отъ Бога наказуемъ, да не съ міромъ осудимся; яже бо здѣ, наказанія суть; а еже шамо, помленія суть и муки вѣчныя. Не токмо щогда есть Богъ благій, егда намъ благая подаетъ, богатство міра сего, славу, здравіе, веселіе, радость; но и щогда благій есть, егда нищету подаетъ и поношеніе, болѣзнь и печаль; щогда паче благій Человѣколюбець большую показуетъ намъ милость: въ малѣ бо даетъ наказаніе, да свободитъ отъ вѣчнаго мученія. Аще имаши благовременный и радостный приступъ къ благочестивой

вой Государынѣ нашей Царицѣ и Великой Княгинѣ Нашальѣ Кириловнѣ, и къ Государю Царевичу и Великому Князю Пётру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи: воспомяни любовь мою къ себѣ нелицемѣрную, и улучи время по достоинству величества, попроси милости за меня невиннаго и раззореннаго до конца, и неимѣющаго ни оубо кого помощи, кромѣ всевысочайшаго и всеильнѣйшаго Царя и Бога, чшобѣ она, Великая и благочестивая Государыня, и Великій Государь Царевичь, попросили о невинности моей, что по ненависти врагѣ моихѣ раззоренѣ шуне, у благочестиваго и милоспиваго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Государя премилоспиваго, чшобѣ онѣ Великій Государь велѣлѣ насѣ изѣ сего злоключенія взяшѣ, и раззореніе наше возвратишѣ сѣ милоспію, и живѣ намѣ, гдѣ его Государская воля будетѣ. А буде милости Великаго Государя не будетѣ, и изѣ сего злоключенія взяшѣ насѣ не укажетѣ, чшобѣ указалѣ намѣ

съ сиротами нашими до своего Госу-
дарскаго милоспиваго указу давати
хлѣбъ и на харчъ денежной кормъ,
какъ инымъ и виннымъ дають кормъ,
а нашей вины, кромѣ службъ и кро-
вей и работъ всякихъ правыхъ, ни-
какой вины нѣтъ. Свидѣтель ми есть
всевидающее Око, отъ негожъ и тьма
не помрачится, возненавидѣвъ и раз-
зоренъ шуне. А естли милости Ве-
ликаго Государя не будетъ, я кор-
мить насъ не укажетъ, и о насъ ино
благо ничтожъ чается, почію смерть,
послѣдствующая всякой ради скудо-
сти. Естли, благодатель мой, указу
Великаго Государя заповѣданнаго срод-
нымъ и друзьямъ моимъ нѣтъ, и
аще волишь воля ихъ и благопріят-
ство мое вспомянуть и умилишься
на раззореніе мое всеконечное, чшобъ
Хрисна и Бога ради прислали мило-
шныю, елико кого сила имашъ; чшобъ
о томъ побил челомъ Великому Госу-
дарю; а въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ
Боярину Юрью Алексѣевичу Долгоруко-
ву, чшобъ шу ихъ милосшныю приняли
въ приказъ, а мнѣбъ указалъ Великій
Государь дашъ изъ доходовъ, гдѣ со-
сланъ,

сланъ , или гдѣ милостию Великаго Государя переведенъ буду ; а больше сего писати сими чернилы , разведенными кровавыми моими слезами , не могу . По семъ паки здравствуй . Работникъ швой Арпемошка Машвѣвѣ челоу бью .

Первое письмо къ Боярину Ипану Михайловичу Милославскому , отправленное по 185 году .

Государь мой , милостивый благодатель , Иванъ Михайловичъ ! подай Господь Богъ тебѣ , государю моему , здравствовать на многія лѣта со всемъ швоимъ , государя моего , благодатнымъ домомъ . А извоишь спросить о мнѣ : и Божіе всемилостивое долгошерпѣніе окаянству моему еще шерпитъ ; съ живыми и съ червемъ моимъ еще дышемъ . Многими напастями и скорбями умученъ , едва воздохнуши могу ; шако бо сердце мое многими злыми изше , яко едва движется ;

обаче прошеніе и челобитье мое къ тебѣ, государю моему и благодателю, написати дерзнулъ. Времяжъ мое бѣд-ное и горькое сіе, и случай мой сей окаянный и пагубный, спрасить и раззореніе, како изрещи могу? отъ плача бо кроваваго умъ мяшется. Кое бо сицево зло есть, еже бы въ моей бѣдѣ не случилось мнѣ? И кто когда тако высокаго чина обнаженъ, и имѣнія и домъ, и волчинъ и помѣспій оппаде, якоже азъ? И на стопы ногъ моихъ не имѣю, и сего ради имаю въ забвеніи отъ жалости и самаго себе, что прежде быхъ кто, нынѣ есмь азъ единъ, люю всѣхъ чеснѣю, не имѣя помощи, показахся, осудиша мя винѣ, не представиша мя суду, вбрющи словамъ ложнымъ предъ вами Бояры Давыдка. Умилися, благодѣтель мой! Слышу, всѣмъ приходящимъ къ тебѣ благотворишь болѣзнь мою, и раззореніе мое напрасное и безвинное разумомъ своимъ высокимъ и судомъ праведнымъ разсудишь, и всѣхъ ропшущихъ и клеветующихъ на мя далече отъ милости своей отослаши повелишь, и да отрещи слезы

кро-

кровавыя мои, и заступленіемъ своимъ по челобитной моей, какову у меня принялъ приставъ Гаврила Яковлевичъ Тухачевской и послалъ къ Великому Государю.

*Второе письмо къ немужъ Боярину
Ипану Михайловичу Милославскому,
отправленное по 187 году.*

Государь милоспивый благодѣшнелъ Иванъ Михайловичъ! подай всевысочайшій Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравстввовать на многія лѣта со всемъ своимъ благодашнымъ домоу. Аще волишь воля швоя и милость государя моего спросить о мнѣ: и Божіе всемилоспивоое долготерпѣніе окаянству моему еще терпипшь, съ живыми дышемъ. Въ первой моей челобитной къ Великому Государю чего старости ради и увѣчья моего погорбленнаго, а наипаче гнѣва ради и опалы и всеконечнаго моего раззоренія, безпамятствомъ своимъ не писалъ, чшобъ па-

че невинность моя предъ Великимъ Государемъ отъ злыхъ сердца чело-
вѣкъ очистилась, и шо во второй
моей челобитной писано: извѣстно ше-
бѣ, государю моему, будетъ. Услыши,
благодѣтель мой и государь, что
Сотворшій всяческая глаголетъ: блю-
дите и не презрите единого отъ ма-
дыхъ сихъ; Ангели бо ихъ выну ви-
дятъ лице Отца моего, иже на небе-
сѣхъ. Всякъ вѣрный Ангела мирна
имашъ; зане искони кождо отъ благо-
искусныхъ мужей Ангела имѣли, яко-
же глаголетъ Іаковъ: Ангель, иже
питаетъ и избавляетъ мя отъ юно-
сти моя. Сего ради молимся, и гла-
големъ просяще: Ангела мирна, и вез-
дѣ мира просимъ, яко той естъ ма-
ти всѣхъ благихъ. Сего ради Хри-
стосъ Спаситель нашъ и Апостоломъ
сіе глаголаши повелѣ, якоже иѣкая
знаменія благихъ. Кая же польза, благо-
дѣтель мой и государь, аще со онымъ
убо миръ, со онымъ же вражда? Сушь
бо многи радующеся о злыхъ, а не
о мирѣ, и не воспоминающъ, яко судъ
уготовася безмилосерднъ несотворше-
му милости. Всяко погрѣшеніе преж-

де конца имать исправленіе. Съ почапку лѣтъ моихъ до сего злаго моего и горькослезнаго времени, кромѣ работъ моихъ къ родителемъ твоимъ, и твоего жалованья, къ себѣ ничего не знаю и въ службѣ твоей Аспраханской, кромѣ работъ своихъ, ничего не знаюжъ, и въ томъ свидѣтель ми есть Господь Богъ, да братъ твой Окольникій Андрей Ивановичъ Чириковъ. А что, государь мой, похлѣбствуюшъ и присвояюшся къ тебѣ, какъ времени обычай, о выборѣ въ Аспрахань, той же Господь Богъ вѣсть, если бы то на среду вынесено было, былъ бы я свободенъ правдою своею, что та посылка волею Божіею и Великаго Государя изволеніемъ, а причина кромѣ меня. Умилися, государь! сотвори милость о мнѣ невинномъ и спранно раззоренномъ: какъ сшанутъ челобитныя мои честь предъ Великимъ Государемъ, предшашельствуй, чтобъ Великій Государь, славы ради своему Государскому имени, велѣлъ раззореніе наше невинное возвратить, и изъ сего злоключенія взять, и жить намъ бѣднымъ, гдѣ ево Государя милости-

вая воля будетъ, чтобъ наши бѣдныя кровавыя невинныя слезы ко Господу Богу на тѣхъ преслили, копорые безъ всякой нашей вины отъ Государской милости изгнали и до конца раззорили. Умилися, благодѣтель мой! и да получишь за сіе заступленіе невинное здѣ и въ будущемъ вся благая. Ими миѣ спранному вѣру, въ такое мѣсто посланъ, какъ имя ему Пустоозерской, не токмо купить части мяса, или калачъ, или иныя какія нужды потребныя для пищи, хлѣба на двѣ деньги купишь не добудемъ, и нѣтъ, и не знаютъ того съ почашку, какъ жишь почали; одинъ борщъ ядятъ, да прибавляютъ по горсти муки ржаной; и то прожиточные люди ядятъ, а убогіе борщъ одинъ, да и шотъ въ Пустоозерскомъ не родится, привозятъ съ Ижмы. Да не токмо, государь, купить что, имени ради Божія выпросишь милосыни не у кого, да и нечего; для того что сами межъ себя просятъ, и дашь некому и нечего, и бредушь врознь, а доспальные на шотъ же путь смотрятъ глада ради. А у меня, государь,

дарь, что по милости Великаго Государя не ошнято было, и по водами, премѣнными горами, переволоками, пошоплено, расперяно, раскрадено, разсыпано, вышочено; и въ такомъ нашемъ раззореніи ничтожь о насъ чаешся паче ино, точію смерць, приснопослѣдствующая скудству всякскому. Работникъ твой Артемошка Машвѣвъ челомъ бью.

Письмо къ Болрину Богдану Машвѣвичу Хитропу.

Государь мой премилостивый благодѣшель Богданъ Машвѣвичъ! подай Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравствовать на многія лѣта, и со всемъ твоимъ, государя моего, благодашнымъ домоу. Аще волишь воля и милость твоя, государя моего, изволишь спросить о мнѣ: и Божіе всемилостивое долгошербніе беззаконію моему шерпишь; еще съ живыми чущь дышемъ. Въ первой моей челобитной къ

къ Великому Государю, чего старости ради и увѣчья моего погорбленнаго, и его Государскія опалы, и всеконечнаго моего невиннаго раззоренія, что видѣлъ въ Божественномъ писаніи, и то безпамятствомъ своимъ не написалъ на очищеніе невинности своей, а нынѣ во второй моей писано; и когда ша челобитная чтена будетъ предъ Великимъ Государемъ, умилися, благодѣтель мой и государь, надо мною, видя меня, спранна и всякія милости и заступленія и помощи лишена и опшорженна, и въ конецъ раззоренна, и на стопы ногъ моихъ не оставлено, и безвинна и плачуща уже четвертое лѣто, и ушопаяща въ кровавыхъ нашихъ непрестанныхъ слезахъ, а помощи ни отъ кого неимѣющихъ: заступи и предшательствуй о мнѣ; вспомяни милость свою ко мнѣ и работишку мою, аще и малую, только правую; не повѣрь обычаю злыхъ, иже чешутъ слухи предложенными глаголы, и зависію движими оклеветашающе. Ничто же бо тако, благодѣтель мой и государь, можетъ сошворити Христоподражателя,

яко

яко помышляти о искреннихъ. Но
 еще и постишися, еще и долу лега-
 еши, ничшо же веліе содѣлалъ еси ;
 еще что и примешь искренняго ради
 и невинна, обаче принесешъ ти нѣкое
 утѣшеніе отъ Бога, и примешь вѣч-
 ную славу и благихъ наслажденіе.
 Еще ли же речешь : не мое , но свое
 кождо смотри ; о семъ блаженный
 ошвѣщаетъ Павелъ : еще раздамъ вся
 имѣнія моя, и предамъ шѣло мое воеже
 сожеши е, любви же не имамъ, ни
 кая же ми польза. Рече : не свою, но
 ближняго искаши пользу, и мило-
 сердіемъ многимъ пользоваться ; ни му-
 ченичество, ниже ино что заступити
 тѣя возможно, еще не имаша пред-
 стательствовати. Еще сурубой мило-
 сти у себя прошу : попроси милости и
 милосердія у государыни моей, мило-
 стивой Боярыни Анны Пешровны,
 чшобъ она, видя мою невинность и
 слезы кровавыя и непрестанныя съ
 червемъ моимъ, и разореніе мое все-
 конечное, для воздаянія на небсѣхъ
 будущихъ благъ въ некончаемомъ цар-
 ствіи, предстательствовала о мнѣ
 у Великаго Государя съ по-
 бою,

бою, благодѣтелемъ моимъ, чтобѣ Великій и милосливый Государь велѣлъ насъ изъ сего заоченія взять, и разореніе наше возвратитъ, и жить намъ бѣднымъ, гдѣ его Государская милосливая воля будетъ, чтобѣ съ нуждъ и съ голоду и съ холоду прежде времени душъ не изреци. Ими, благодѣтель мой и государь, мнѣ убогому вѣру, вѣ такое мѣсто посланъ, какъ имя ему Пустоозерской: не токмо купить частъ мяса, или калачъ, и какія нужды попребныя для пиши, хлѣба на двѣ деньги купишь не добудушь, и нѣтъ, и не знаютъ того съ почашку, какъ жить почали; единъ борщъ ядятъ, да прибавляютъ муки ржанья по горсти; и то прожиточные люди. А не токмо, государь мой милосливой, купить что, но имени ради Божія выпроситъ милоспыни не у кого, да и нечего; для того что сами межъ себя просятъ, и дасть некому, и нечего, и бредушь врознь, а и доспальные на тошъ же пушь смотрятъ глада ради. А у меня что по милости Великаго Государя что не опнято было, и то, государь мой,

во-

водами и горами и переволоками по-
 топлено, растеряно, раскрадено, раз-
 сыпано, вышочено; ничто же прочее
 о насъ чаеся иное, точію смерть,
 приснопослѣдствующая скудспву вся-
 кому. Работникъ швой Артемошка
 Машвѣвѣ челомъ бью.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Въ прибавку еще съ пополненіемъ
 самымъ неложнымъ и испиннымъ, къ со-
 вершенію онаго совѣстнаго оправданія,
 и весьма къ безпорочному извѣщенію,
 по вышепредъявленнымъ его же Боя-
 рина Артемона Сергѣевича высоко-
 хвальныхъ и достошноблаженныхъ памя-
 ти, тако же и сына его при благо-
 получномъ государспвованіи высоко-
 державнѣйшаго Государя Царя и Вели-
 каго Князя Алексѣя Михайловича,
 всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи
 Самодержца, тогда бывшаго Комнаш-
 наго Спольшника Андрея Артемонови-
 ча Машвѣевыхъ, къ благочестивому
 Ве-

Великому Государю Царю и Великому
 Князю Феодору Алексѣевичу, всея Вели-
 кія и Малыя и Бѣлыя Россіи Само-
 держцу; яко святѣйшему Іоакиму, Архі-
 епископу Московскому и всея Россіи и
 всѣхъ сѣверныхъ спранѣ Патріарху,
 по горькослезнымъ и законно очисти-
 тельнымъ шремъ челобитнымъ его
 Боярскимъ, и къ знашимъ вѣка по-
 го къ присутствующимъ ближнимъ
 Бояромъ, и къ Царскому Духовнику,
 по просительнымъ письмамъ, сей всѣхъ
 оныхъ вышеозначенныхъ челобитенъ
 и писемъ многошрудившійся, и пре-
 же бывшій въ Пустоозерскомъ острогѣ,
 и собственною рукою своею достовѣр-
 ный писатель, при бывшемъ помѣ
 какъ долготѣшномъ заточеніи его
 Боярскомъ, и сына его, и не однократ-
 номъ уже во 185 и потомъ во 190
 годѣхъ отъ воровскаго бунта Москов-
 скихъ стрѣльцовъ, дому его всеконеч-
 номъ раззореніи, такъ и по спрдаль-
 ческомъ отъ нихъ же воровъ стрѣль-
 цовъ его Боярина Артемона Сергѣеви-
 ча въ то же смутное время варварскомъ
 убіеніи, съ великимъ любопытствомъ
 и трудомъ, всѣ шѣ собравъ оныя
 сии-

снискашель тщаельно, и яко при
 всемъ помъ его Боярскомъ, и сына его
 невинномъ злоспраніи, и при седми-
 лѣшнемъ започеніи съ начала самага
 первой его Боярской посылки подъ ви-
 домъ Сибирскаго воеводства въ городъ
 Верхотурье изъ Москвы до Казани, и
 изъ Казани попомъ неправымъ и не-
 повиннымъ осужденіемъ въ ссылку до
 Пустоозерскаго острога и опшуды до
 Мезени, а съ Мезени до города Луха,
 и до возвращенія въ царствующій градъ
 Москву, и во время вышепомянушаго
 стрѣлецкаго бунша свидѣтель сей оче-
 видный всѣмъ онымъ бѣдспвамъ само-
 видѣць, и присулспвенный соспран-
 далецъ сущею, не пришворною, но пря-
 мою и безспрансною испинною нелице-
 мѣрно, по благочестію вѣрнаго своего
 Христіянства, возбужденъ есть не-
 уполимо и неложно. Сіе самое чисто-
 лою совѣсти своей, безъ ласкашель-
 ства человѣкоугоднаго обспояшельнѣй-
 шее и вѣры достойное нижеписанное
 изъясненіе, даже до самой свяшопо-
 чившей егожѣ Боярина Аршемона Сергѣ-
 вича кончины, разумному свѣшу со-
 общишь и предложишь на безсперп-
 Ч ную

ную его и всей изящнѣйшей его Боярской фамиліи въ роды родовъ и на безпорочную память, паче же ради народнаго всѣмъ и прямаго извѣстія, да не бы кто отъ невѣдущихъ о томъ довольно, и отъ спраси злодѣйствующихъ людей, и отъ какой многоядовишой козни и въ людѣхъ сродной ненависти и злобы исполнившихся на немъ Бояринъ и на сынъ его, при преждебывшемъ злополучіи ихъ неповинно, прошивъ всѣхъ Божественныхъ заповѣдей, Апостольскихъ преданій, отеческихъ правилъ, Христіанскихъ всѣхъ Царей законовъ, государственныхъ правъ, и прошивъ законноутвержденнаго въ самомъ Россійскомъ царствѣ святохранимаго печатнаго уложенія о невинномъ осужденіи безъ достойнаго правосудія, токмо по лживымъ сущимъ клеветамъ отъ наученныхъ и вымышленныхъ составовъ и воровскихъ доводовъ, точно и свѣшло уже въ его Боярскихъ высокопомянутому Великому Государю Царю Феодору Алексѣевичу, Самодержцу Всероссійскому, достоблаженная памяти тогда царствующему, и

ко

ко вышеименованному святѣйшему Іоакиму, Патриарху Московскому, правящему тогда престолъ Всероссійскій, святолюбивныяжъ памяти, въ трехъ челобитныхъ изобличительно изображенныхъ, такъ о злоспращательномъ седмилѣтнемъ ихъ Боярина и сына его заточеніи, и ошъ неслѣдомыхъ Божественнаго писанія, ни силы его, изъ скоропостижной и безразсудной человѣческой продерзливости, неистовымъ какимъ и наглымъ навѣтомъ, или нападеніемъ клеветливымъ впредь дерзнулъ за то ложной укоризны и безчестія напраснаго, оставшимъ рода его Боярскаго нанести; того ради все то объявленіе симъ нижеслѣдующимъ и правымъ умному свѣту изъясненіемъ; да заградитъ уста тѣмъ глаголющимъ на праведнаго беззаконіе.

По вышепомянутымъ его Боярина Артемона Сергѣевича и сына его Андрея Артемоновича Машвѣвыхъ къ его высокопомянутому Царскому Величеству горькослезнымъ шремъ челобитнымъ, во 188 году велѣно ихъ изъ Пустоозерскаго острога перевезть

на Мезень; и бысть до указа за шѣмъ же приславомъ, Стольникомъ и Воеводою Гавриломъ Яковлевымъ сыномъ Тухачевскимъ, гдѣ пробыли до 189 году.

Въ томъ 189 году благочестивый Государь Царь и Великій Князь Теодоръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, при совершенныхъ уже лѣшѣхъ онаго государствованія своего, вступя прямо въ свою державу, и часто болѣзнуя отъ своей тогда бывшей естественной скорби скорбушки, то есть цынгошной, изъ шѣхъ его Боярскихъ зѣло плачевныхъ челобитенъ, по природному Его Царскаго Величества и безприкладному ко всѣмъ подданнымъ своимъ милосердію, и безстрастному правосудію, самую правосію его Боярскую невинность законно разсмотря и разсудя всѣми Божественными, Апостольскими и богоносныхъ отецъ святыми писаніи избличительныхъ многокозненныхъ клеветы, и весьма ложныя на него отъ явныхъ его Боярскихъ злодѣевъ вымышленныя, и Его Царскому Величеству на него Боярина Арше-

Артемона Сергѣевича, и злопагубные наносы, шокмо по одной прекляшой зависти, и ослабленной ненависти, и по врожденной въ брашоненавистномъ Каинскомъ озлобленіи спраспи, и отъ тѣхъ внутреннихъ его Боярскихъ супостатовъ вымышленной, и всякой лжи исполненной, наипаче же всякаго смѣху передъ всѣмъ умнымъ свѣтомъ достойной, чрезъ непопулярнаго изъ послѣдней крестьянской чади одноглазаго, и тогда въ самомъ особливомъ своемъ воровствѣ и въ шюрмѣ держимаго сославщика и вора лѣкаря Давыдки Берлова вымышленной, и наученной на него Боярина Артемона Сергѣевича ужасной, и ни въ чемъ опшюдь по самой истиннѣ несообразимой, но ясно ложной доводъ, и всѣмъ Царскимъ законамъ и градскимъ правамъ и самому государственному Всероссійскому уложенью всемѣрно прошивной, понеже честь Царева судъ любилъ: шого ради въ шожее время Его Царское высокопомянутое Величество повелѣлъ шого явнаго вора и лжесоставнаго доводчика Давыдку Берлова сослать въ Казань въ ссылку на

вѣчное житіе, гдѣ потѣ злопагубной сосудѣ, яко древній Искаріотѣ, на безконечную и горшую себѣ еще пагубу изчезѣ.

Во 190 году мѣсяца Генваря въ первыхъ числѣхъ Спрмяннаго полку съ Капитаномъ съ Иваномъ Сергѣевымъ сыномъ Лишуковымъ изъ Москвы на Мезень присланъ былъ отъ Егсѣя Царскаго высокопомянутаго Величества къ вышеименованному его Боярскому приставу къ господину Тухачевскому указѣ, по копорому велѣно ему призвавъ его Боярина Артемона Сергѣевича и сына его, объявить имъ, что Его высокопомянутоежѣ Царское Величество, разсмотря ихъ невинность, и бывшее на нихъ самое ложное оклеветаніе, и милосердуя объ нихъ, Бояринѣ и о сынѣ его, указалъ ихъ изъ за пристава освободить, и Московскою ихъ дворѣ, и подмосковныя и другія вотчины и пожитки оставшія за раздачею и продажею, имъ по прежнему возвратити, и сверхъ того еще ему же Боярину и сыну его пожаловалъ вотчину изъ дворцовыхъ селъ въ Суждальскомъ уѣздѣ село Верхній Ландехъ съ

сѣ деревнями, восемь сотѣ дворовъ
крещьянскихъ, и отпуспитъ его Боя-
рина и сына его сѣ Мезени свободна
въ городъ Лухъ, давъ имъ подорож-
ную и ямскія подводы, на чемъ мо-
гутъ они подняться, гдѣ имъ впредъ
ожидать будущаго отъ Его Царскаго
Величества къ себѣ указу. И шогожъ
времени вышеименованной приславъ
и Мезенской Воевода Господинъ Туха-
чевской, при всѣхъ шѣхъ случаяхъ
бѣдсва его Боярскаго и ссылки семи-
лѣшней, къ нему Боярину и сыну
его будучи весьма склоннымъ и добро-
желательнымъ благодѣтелемъ, о чемъ
подлиннѣ на своемъ мѣстѣ изъявле-
но будетъ, по силѣ онаго его Царска-
го указу въ крайней скороспи все по
вышеписанное исполня, отправилъ его
Боярина Артемона Сергѣевича и сына
его Андрея Артемоновича удовольство-
вавъ подводами и напушными потре-
бами, и провожалъ нѣсколькo отъ
Мезени вершѣ сѣ великимъ почтені-
емъ, и сѣ премногою шого разлученія
своего и благопріяшства любовію.

Не возмoжножѣ списателю сего
приснопамятнаго и вѣчной хвалы до-

стойнаго отъ негожъ господина Тухачевского, мужа благоразумнаго, и всякаго цѣломудрїя и благочестїя въ Христїанствѣ исполненнаго, не токмо великаго благодѣянїя, но и самаго Христолюбиваго милосердїя всехвальное дѣло молчанїемъ обойши: ибо при преждебывшей ихъ Боярина и сына его въ Пустоозерскомъ оспрогѣ ссылкѣ, гдѣ оной же господинъ Тухачевской въ то время Воеводою, а при немъ Бояринъ и сынъ его приставомъ присушествовалъ, онъ Бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ за безмѣрнымъ удаленїемъ того Пустоозерскаго оспрога, и за безвѣстїемъ глубокимъ, что въ томъ краѣ земледѣльства никакова нѣтъ, и объ немъ отнюдь не знаютъ, и токмо въ оспрогѣ томъ, зѣло малолюдномъ, всякаго чина жители, числомъ всѣхъ со сто дворовъ обрѣтающагося, питающагося съ Вычегды рѣки изъ Еренска и изъ Пермїи ближней, на малыхъ самыхъ каючкахъ весною, однажды въ годъ привознымъ хлѣбомъ; а съ нимъ Бояриномъ тогда были: учитель сына его Андрея Артемоновича, изъ меньшаго Польскаго
 шля-

шляхетства, Иванъ Лавреншѣевъ сынъ
 Поборской и священникъ Василій, по
 прозванію Черицовъ, и всякаго чину,
 дому его Боярскаго людей безъ малу
 припцашъ человекъ, и которой хлѣб-
 ной запасъ прежде про обиходъ домо-
 вой его Боярской съ нимъ привезенъ
 былъ, уже издержался въ расходы
 до весны, и до приходу туды оныхъ
 судовъ съ хлѣбомъ за два мѣсяца, или
 больше, токмо всего его Боярскаго за-
 су на лицо осталось при сухаря. Увѣ-
 давъ въ тоже время онъ господинъ
 Тухачевской о такой всеконечной уже
 его Боярскаго дому скудосни, и у
 себя имѣючи хлѣбнаго запасу только
 шесть кулей ржаной муки, половину
 изъ той на свое пропитаніе оставляя,
 другую къ нему Боярину на суду
 прислалъ; подобно древней исторіи
 высокославнаго вельможи, бывшаго при
 дворѣ Фараоновъ Юсифа прекраснаго,
 во время гладу тогда пропитавшаго
 братію свою.

Ежели бы при такомъ отъ глада
 онаго уже весьма послѣдствующемъ бѣд-
 ствѣ не показалъ онъ господинъ Туха-
 чевской такого невозмезднаго своего и

человѣколюбнаго милосердія, то пришло бы уже къ тому, чтобы неизбытно отъ безхлѣбницы той ему Боярину съ сыномъ и со всемъ домою своимъ неиздѣльно оцѣнжать, и отъ глѣда того безвременно погибнуть; понеже въ ту пору у обывателей того острога, кромѣ всякому про себя унопробительной нуждицы имѣющему, ни четверика за расходомъ на продажу не сыскалось, и отнюдь не бываетъ, хотя бы кто за четверикъ ржаной муки по десяти рублей давалъ, никакимъ образомъ сыскать и получить не могъ, но и всегда и въ самой привозъ съ Руси томъ хлѣбной пудъ ржаной муки меньше рубля цѣною тамъ не купятъ; и больше всѣхъ того острога жилиши, отъ большой части въ мясоѣды пшитами всякой дичи, а въ посты изъ рѣки Печоры множествомъ семги, нелемъ, сиговъ, чировъ, пеледей и иною бѣлою рыбою питающа со многимъ изобиліемъ. Однакожъ всѣхъ изъ нарочитыхъ жилишей острога того къ нему Боярину и ко всѣмъ несчастіе имѣющимъ тамъ бытъ въ ссылкѣ по премногу челоѣколюбивы

вы и всякими вышепомянутыми хар-
чами збло ссудливы.

О ссылкѣ шой Пустоозерской, и о
переведеніи изъ шой на Мезень распро-
странять не нужно есть, понеже въ
прошеніяхъ его Боярскихъ о томъ
подлиннѣе изображено есть.

Путь его Боярской и сына его
сѣ Мезени былъ чрезъ Колмогоры, гдѣ
тогда и на Двинѣ Воеводою былъ
Бояринъ Князь Никиша Семеновичъ
Урусовъ, и въ то прибытіе его Боя-
рина Артемона Сергѣевича и сына его,
онъ Бояринъ Князь Никиша Семено-
вичъ принялъ его сѣ великою любовію
и сѣ открытствомъ пріятельскимъ
всего дому своего, и всѣ Колмогорскіе
жители, иноземцы и всякаго чину лю-
ди со многимъ благопріятіемъ почте-
ніе ему Боярину Артемону Сергѣевичу
учинили; и онъ Бояринъ и Воевода и
сѣ дѣтьми своими его Боярина Арте-
мона Сергѣевича пять верстѣ отъ
Колмогорѣ до села, зовомаго Машигоры,
проводжалъ, и расстался сѣ вели-
кою любовію.

Сѣ Колмогорѣ путь егожѣ Бояр-
ской отправился зимней на Волгу
чрезъ

чрезъ городъ, именуемой Шенкурскъ, гдѣ тогда присушествовалъ Воеводою Думной Дворянинъ Григорій Стефановичъ Карауловъ, который и всѣ тамошніе граждане встрѣтя со всякимъ почтеніемъ, и удовольствовавъ напущными потребами, проводили его Боярина Аршемона Сергѣевича и сына его съ великою честію.

Опшуды путь продолжился до Вологды города, гдѣ тогда Воеводою былъ Стольникъ Князь Петръ Ивановичъ Львовъ, которой съ дѣтьми своими за нѣскольکو отъ Вологды верстъ и при немъ тамошніе обыватели, иноземцы, а именно: Иванъ Гаутманъ, Володимеръ Эводсъ, Андрей Бушъ и прочіе всякаго чину тогожъ города обыватели встрѣтили его Боярина съ премногою честію, и удовольствовавъ изобильно всякими потребами путевыми, провожали немало верстъ.

Съ Вологды прибывъ въ городъ Ярославль отъ Воеводы господина Уньковского, и отъ купечества тамошняго онъ Бояринъ и сынъ его равномерножъ честь и всякое довольство на путь свой имѣлъ.

По-

Потомъ мѣсяца Марта въ послѣднихъ числѣхъ онъ Бояринъ Аршмонъ Сергѣевичъ и сынъ его со всѣми при нихъ сущими достигли прежде поминушаго города Луха, гдѣ Его Царскаго Величества присланъ указъ объ отказѣ вышеозначенной ему Суждальской вотчины села Ландеха, и объ отводѣ довольныхъ на тамошнее его Боярское пребываніе постоялыхъ дворовъ до указу.

Послѣ того его Боярскаго въ оной городѣ Лухѣ прибытія, мѣсяца Апрѣля въ послѣднихъ числѣхъ, внезапно прибылъ изъ Москвы свойственникъ ближней его Боярской Стольникъ Карпъ Есифѣевъ сынъ Сышинъ къ нему Боярину съ злополучною, и всему государству Россійскому съ многоплачевною вѣдомостью, что волею Божіею погожѣ мѣсяца Апрѣля въ 27 день благочестивый Государь Царь и Великій Князь Θεодоръ Алексѣевичъ Самодержецъ всея Россіи преславился.

Та вѣдомость свыше чаянія такъ ему Боярину зѣло чувствительною и горькоплачевною объ оной Его Царскаго Величества кончинѣ была, что онъ
Боя-

Бояринъ, забывъ всѣ безмѣрныя свои и злополучныя прежде бывшія несчастія и бѣдства, по многіе дни неуѣшими своими плакалъ и рыдалъ слезами, припоминая съ молодыхъ лѣтъ Его Величества высочайшую и крайнюю къ себѣ и къ сыну своему бывшую милость, и за извѣстно вѣдая, что Его Царскаго Величества всесвященная душа не своимъ подвигомъ собственнымъ, но отъ братоненавидной зависти, не вѣдущей полезная предпочитати непріятелей своихъ главныхъ и предателей, подобной Іосифа блаженнаго лжебратіи явноложными вымыслами и лестными наносами нагнѣвъ къ нему Боярину приведена была, и еще не меньше того пролитіе оное горькихъ слезъ его Боярскихъ было, и ни по какимъ разговорамъ неуѣшимое, наипаче же о томъ безчастіи своемъ, что онъ Бояринъ передъ шую Его Царскаго Величества кончиною не сподобился очи его Царскія увидѣть, и персонально на тѣхъ великихъ злодѣевъ своихъ о милосердомъ себѣ по совершенной невинности своей правомъ судъ, и по разсмотрѣніи

ніи того о полномъ удовольствѣ и о управѣ слезно у Его Величества на тѣхъ непріятелей своихъ, безвинно на него тѣми злодѣйственными ихъ навѣшами и составными клеветами нападшихъ и безвинно его осудившихъ просить, о которыхъ пространнѣ сіе настоящее объявленіе слѣдуется ниже сего.

Явственна и скоропоспѣжная опкрышой уже зависти наружно, какъ огонь крыющейся, и изъ древняго зданія вонъ выбился, оная причина опкрылася, то есть: по блаженной кончинѣ всепресвѣтлѣйшаго и благочестивѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, приснопоминаемая и вѣчнодостоинныя памяти, къ комнатамъ его Царской присвоенныя и ближніе Бояре, Иванъ Михайловичъ Милославской, Богданъ Машвѣвичъ Хитрой съ племенникомъ своимъ съ Александромъ Савастьяновымъ, сыномъ Хитровымъ же, допусти къ себѣ въ общій совѣтъ Окольниковъ Василья Семеновича Волынскаго, кляшвеннаго всегда бывшаго

шаго ему Боярину Артемону Сергѣевичу, врага, по сродной шокмо чело-
вѣчеству зависти и ненависти, зная
совершенно его Боярина Артемона
Сергѣевича передъ ними всѣми выше-
именованными не въ примѣръ высокое
остроуміе, чрезмѣрной разумъ и пре-
восходное во всѣхъ дѣлѣхъ искусство,
и премногія къ Государю и ко всему его
государству вѣрныя и долголѣтныя
службы; и усмотря, что тогда на-
слѣдственный сынъ его Государевъ,
благочестивый Государь Царь и Вели-
кій Князь Θεодоръ Алексѣевичъ, вся
Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Само-
держецъ, блаженныя памяти вос-
пріялъ престолъ короны Россійскія, и
при управленіи дѣлѣ посольскаго при-
казу онъ былъ Бояринъ Артемонъ
Сергѣевичъ по своей вѣрной и усерд-
ной предъ лицемъ Его высокопомяну-
таго Величества службѣ, тогда еще
зѣло угоденъ, и безъ всякой оспѣны
по высокой егожѣ Царской къ нему
Боярину милости съ докладами по пре-
жнему въ комнашы его Государевы до-
ступенъ. Начали тѣ вышесозначенныя
особы мыслишь всякія уму челоѣчес-
ко-

кому поспижные на него Боярина со-
спавляшь ковы: вопервыхъ, Бояринъ
Иванъ Михайловичъ Милославской, по
природной ему злонравной и неукро-
пимой зависпи на него Боярина Ар-
шемона Сергѣевича, а именно, что
будто наносомъ его Боярина Аршемо-
на Сергѣевича онъ Бояринъ Милослав-
ской, при благополучной благочести-
вѣйшаго Государя Царя Алексѣя Ми-
хайловича высокохвальныя и вседоспой-
ныя памяти, отъ двора Царскаго онъ
посланъ былъ Воеводою въ Аспрахань;
и то было его самодержавною Царскою
волею, и къ великой ему Милослав-
скому и всему роду его находкѣ и ко
всякой чести, а не къ упадку; поне-
же въ Аспрахани прежде издревле изъ
высокихъ предъ нимъ Милославскимъ
породѣ Бояре, а именно: Князь Борисъ
Александровичъ Репнинъ и Князь
Яковъ Никипичъ Одоевской, и прочіе
Воеводами бывали. А Бояринъ Бог-
данъ Матвѣевичъ Хишрой вознилъ
себѣ, что онъ, будучи дворецкимъ,
какова чину изъ городовыхъ Алексин-
цовъ, какъ онъ въ сновидѣніи бышь
никогда же вѣрили, кромѣ благополуч-

ной пѣхѣ временѣ машери его причинны, въ домѣ Боярина и дядьки Бориса Ивановича Морозова, производителя его Богданова, и племянникѣ его Александрѣ съ нимѣ же товарищемѣ въ приказѣ большаго дворца, кошорые изѣ государственныхъ дворцовыхъ селѣ и волостей, повсявременно вопчины свои всякими изобиліи, и заводы спроили и наполняли, шакожде и изѣ всѣхѣ сышнаго, кормоваго и хлѣбнаго дворцовѣ премножественнымѣ похищеніемѣ всякихѣ дворцовыхъ обиходовѣ явственна и безспыдно по вся дни корысповалися, и великими посулами съ дворцовыхъ подрядчиковѣ богапили себя, что будно о всемѣ о томѣ вышешисанномѣ скрышнымѣ наносомѣ его Боярина Аршемона Сергѣевича Его высокопомянутому Царскому Величеству подробно было донесено и извѣстно; при томѣ же опасаяся и щого будущаго ему Боярину Аршемону Сергѣевичу, по видимому началу, и сына его Государева, Царя Феодора Алексѣевича въ милоспи, впредѣ благополучія, болѣе же всего цвѣшущей надежды по вѣрнымѣ и высокимѣ его

Бо-

Боярскимъ заслугамъ , на ожидаемую и преспѣвающую уже всему Россійскому государству неувядаемую опраель , тогда бывшаго Государя Царевича и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Россіи : того ради въ крѣпкую еще себѣ подпору и въ едино общество присовокупилъ сродницу свою вдову Анну Петровну Хишрую , того времени при Государѣ Царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ зѣло продерзостную и злоненависшную , подѣ Фарисейскимъ шолько видомъ посшницу , и вверху бывшею Боярынею , и долговременно во всемъ сильную имѣвшую на себѣ мочь , къ споронѣ же высокопомянушаго его Государя Царевича , и матери его Государевой , Великой Государыни Царицы Натальи Кириловны по злопачивной всей Россіи ошѣ всего государства кончинѣ , супруга своего Государева , тогда уже вдовствующей зѣло люшую враждебницу , шакожде и присвоеннымъ къ споронѣ ея Государыни Царицы весьма шяжкою озлобительницею , подобною во всемъ была древней и окаянной Езавели , иногда алчущей крови Свяшаго Пророка Іліи

въ Израили; и та Боярыня хитрая видомъ, нравомъ и самымъ дѣломъ, паче же конечно по званію своему злохитрая, пусшой лицемѣрной бабьей святыни полная устами, а не дѣломъ, всячески всеприлѣжно щилася и искала ревностно удобна времени, како бы высокоименованную Царскую шу отрасль ушничествомъ и ложнымъ наговоромъ своимъ съ настоящимъ Царскимъ домомъ въ безсоюзство привести и свойственниковъ ихъ, и съ ними его Боярина Артемона Сергѣевича низвергнувши, конечно отъ Царской милости оплучить, и сославъ изъ Москвы, безъ остатку раззорить.

Окольнічій же Василей Волынской, человекъ гораздо посредственнаго смыслу и легкомысленной совѣсти, и малограмотной мужъ, хотя иногда не въ великомъ кредитѣ у дѣлъ былъ, шокмо обыклымъ своимъ при всѣхъ дворѣхъ нахальствомъ и смѣлою наглостью у тогдашнихъ фаворитовъ, то есть временщиковъ, всегда по своему лицемерному похлѣбничеству, и супруги своей по всехвальному въ Москвѣ въ тѣ времена всякаго золошомъ и серебромъ

ромъ дорогаго шипья въ своемъ домѣ, гораздо знаменитыхъ швей художеству нашелъ себѣ не по разуму своему, но токмо по шой льсшивой и стекляннѣй форшунѣ збло свѣшное благополучіе; и посаженъ былъ на нѣкоторое время потомъ въ посольской приказѣ, которой пакъ вразумительно управленіе шакихъ государственныхъ и полишическихъ дѣлъ остро зналъ, сколько медвѣдь на органѣхъ играшь; но потомъ онъ Волынской на шарость произведенъ былъ при концѣ своемъ въ Бояре; и по природѣ своей яросной и злобной, за премногія показанныя при державѣ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Россіи, вѣчнодостойныя памяти, сильнымъ ходашайствомъ Боярина Артемона Сергѣевича, въ бѣдственныхъ его Волынского тогда по чину еще Окольнічаго прежде бывшихъ головныхъ злополучіяхъ, къ нему благодаренія. По той кончинѣ Его высокопомянушаго Царскаго Величества, умаля природнаго своего дворянства и палашную честь при дворѣ Царскомъ, почалъ на него

Боярина Артемона Сергѣевича наглымъ своимъ ошъ злодѣевъ его Боярскихъ наученнымъ и надмѣннымъ безспудшвомъ, видя его уже весьма несчастливой упадокъ, зѣвски успремляясь безумно и лаяшь съ такою неосмопрительною своею яроспїю, аки левъ гошовъ на ловъ, и ѣздишь по дворамъ и по частымъ пиршешвамъ вышеименованныхъ тѣхъ фаворитовъ, или припадочныхъ людей, и всякими ложными соспавы и вымыслы на негожъ Боярина Артемона Сергѣевича коварно ушничаешь и обносить, и разные ковы на него Боярина составляютъ, угождая онымъ заспольнымъ своимъ увеселеніемъ, и манствомъ легкоумнымъ и суешнымъ яѣмъ припадочнымъ людямъ ласкашь, ради одной маловременной своей пользы, но и къ тяжкому впредь своему предъ нелицемѣрнымъ и зѣло страшнымъ судомъ Божиимъ отвѣшу.

Вскорѣ по тому злонамѣренному и вымышленному совѣшу и навѣшу вышеименованныхъ особъ злодѣйственнаго ихъ сонмища не закоснѣло къ правосудному Вседержителю ошмщенію.

нiю. Скоропоспѣжное время и самымъ дѣйствительнымъ радостнаго желанiя ихъ сбытiемъ на немъ Бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ, безъ всякаго законнаго испытанiя, и безъ меньшей причины безвинно исполнится, по есть: сперва ссылкой его припворно, якобы въ Сибирь на Воеводство въ городъ Верхотурье; потомъ нѣкоторыми вымышленными оспановками на водяномъ пуши въ судахъ по присланнымъ къ нему Боярину указамъ въ городѣхъ, въ Казани и въ Лаишевѣ, и по нарочной присылкѣ изъ Москвы въ Лаишевъ Думнаго Дворянина Соковнина и Думнаго Дьяка Семенова, и послѣ того еще въ Казани Дьяка Ивана Горохова, съ отъязнѣмъ чести его Боярства, и съ точнымъ осужденiемъ, и весьма уже лишенiемъ всего его имѣнiя и вотчинъ и започенiемъ въ ссылку въ Пустоозерской острогъ, какъ подлиннѣе о всемъ о томъ ясно свидѣтельствуютъ съ полнымъ изъясненiемъ вышеписанныя шѣяри его Боярскiя къ Его Царскому Величеству изъ тогожъ Пустоозерскаго острога посланныя и поданныя челобитныя.

Оная причина присылки его Горохова въ Казань была отъ произволу и выбору тѣхъ злосклонныхъ и вышепомянутыхъ Боярѣ и непріятелей его Боярина Артемона Сергѣевича, съ вымышленнымъ ихъ произыскомъ для того, что при сидѣньѣ его Боярскомъ въ посольскомъ приказѣ, по нѣкошорому дѣлу въ перепискѣ тайной съ Донскими Козаками онъ Гороховъ въ розыскѣ былъ, и по тому своему воровству пытанъ, и послѣ того розыску за то свое воровство сосланъ былъ въ ссылку, и по кончинѣ Великаго Государя Царя Алексѣя Михайловича блаженныя памяти, а по заступленію вышеименованныхъ Боярѣ, его Боярскихъ внутреннихъ злодѣевъ, изъ ссылки вскорѣ онъ Гороховъ въ Москву былъ взятъ, и съ тѣмъ положеннымъ на него дѣломъ и указомъ онъ Гороховъ зло охотно побѣхалъ, чтобы и еще чрезъ тѣ опредѣлительные ему Горохову указы за ту свою злобу опущеніемъ, и по страсти человѣческой отъ себя озлобленіемъ, всевозможныя досады и пакости онъ Гороховъ, яко по своей природѣ весьма зло-

злосердой и безсовѣстной человѣкъ, ему Боярину Аршемону Сергѣевичу въ шомъ прїѣздъ свой учинилъ, какова по истинѣ зла, ругательства, посяжни, всемирнаго униженія и многопакостныхъ подысковъ и досадъ, при шакомъ бѣдственномъ и весьма упадомъ нещастіи его Боярскомъ, умился на невинность его ни самые варвары и Агаряне ни надъ кѣмъ не показали бы, какъ оной супосшатъ, и чуждой Христїанскаго имени членъ, надъ нимъ Бояриномъ Аршемономъ Сергѣевичемъ, а именно: больше мѣсячнаго времени будучи въ Казани при описи его Боярскихъ пожизковъ чинилъ, и въ прїѣздъ его Горохова съ тѣми описными его Боярскими пожизки въ Москву, яко изъ восточной Индіи Гишпанской, съ безцѣннымъ золоша и сребра караваномъ на корабляхъ приплылъ. За такую свою важную, многотрудную и вѣрную службу изъ Дьяковъ пожалованъ онъ въ Думные Дьяки, и дана ему изъ описныхъ егожъ Боярская вошчина въ Нижегородскомъ уѣздѣ село Папулово съ деревнями, больше

ста дворовъ крестьянскихъ; и тако
сбышья слово: кто пасеть стадо,
и отъ млека стада не ясть.

Нынѣ же откуду начнемъ плака-
ти о шѣхъ вышеименованныхъ по-
то времени правительствующихъ и
во власти государственной зѣло силь-
ныхъ бывшихъ вельможахъ, попомъ
же прупами своими въ прахъ и въ
пепелъ обращенныхъ, весьма чуждыхъ
всякой отъ всѣхъ помощи и заступле-
нiя чловѣческаго, и яко Евангельскiй
богачъ у святаго Авраама алчущей
сыи въ мукахъ, моляшъ, дабы хощя
малою каплею воды, конецъ омоча
персша своего, устудилъ горшанъ ихъ
мизерныхъ; ибо по ясному Божию по-
казанiю, и въ семъ маловременномъ
уже мiрѣ, окончанiя жизни шѣхъ выше-
объявленныхъ Боярѣ и вельможѣ свѣпло-
видимо есть и по писанiямъ святымъ
ясно свидѣтельствующимъ: не твори
зла, да не постигнешь ния зло; и еще:
нѣсть милости не сотворшему мило-
спи. Сiе же ушверждаетъ самый воз-
любленный Христовъ ученикъ, святѣй-
шiй Іоаниѣ Богославѣ въ первомъ сво-
емъ

емъ посланіи, въ зачалѣ 75, тако: всякъ не шворяй правды, нѣсть оупь Бога, и не любяй брата своего, яко сіе есть завѣщаніе, еже слышасше, да любимъ другъ друга, не якоже Каинъ отъ лукаваго бѣ, и уби брата своего; и за кую вину уби его, яко дѣла его лукава бѣша, а брата его праведна. Нынѣ самымъ дѣйствомъ сбытіе то достовѣрно уже безъ сомнительства всѣмъ зрящимъ людемъ, и свѣтло всѣхъ шѣхъ Боярѣ и вельможѣ прешедшихъ, скрытыя дѣла публичнымъ Вседержитель Богъ своимъ опшкровеніемъ явѣ на среду показуешъ. Бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославской, кошорой сверхъ вышеписанной учиненной невинно единыя ради шокмо зависши наглой и злобы напрасной, емужъ Боярину Артемону Сергѣевичу и смершней обиды, копя не шѣлеснымъ, но уже мысленнымъ, по шомужъ примѣру Каинову, человѣкоубійствомъ. И по шѣхъ его Боярскихъ вышеобъявленныхъ бѣдствахъ, не удоляся ими, еще горшимъ возбужденіемъ государственнымъ, во 190 году чрезъ шайный свой совѣтъ и наученіе,

ніе, купно съ такимъ же подобнымъ себѣ возмушителемъ и воромъ съ Пещромъ Андреевымъ сыномъ Толстымъ, послѣ юго своего ожидаемаго благовременства, не въ долгихъ лѣтѣхъ онъ Бояринъ Милославской внезапно оборотися къ сѣбѣ, не болѣвнуя ничѣмъ, безъ всѣхъ Христіянству надлежащихъ таинствъ, безъ покаянія и пречистыя Евхаристіи, смершною косою пораженной, не исчезъ ли безвременно въ животъ своемъ, какъ Евангельской угобженныхъ нивъ богачъ, и послѣ прехъ надесять лѣтъ за осужденное Богомъ опмщеніе того безчисленнаго злодѣйства своего, смрадной его шрупъ невреденъ и исполненъ червми, уже померзлыми въ то время зимнее, яко надмѣнной шимпанъ указомъ Царскимъ, изъ шрапезы святыя церкви свяшителя Николая, зовой у столпа на Покровкѣ, не выкопанъ ли, и всему роду ихъ на вѣрное позорище и безславіе въ Преображенской приказѣ на саняхъ, отъ чуцкихъ свиней, свыше казни инымъ ворами не везенъ ли былъ, и голова его Милославскаго и всѣ члены не раз-

раздроблены ли, и палачевскими руками подъ дыбами всѣхъ застѣнковъ въ Москвѣ и до нынѣ раздѣленные явѣ находятся.

Тотъ же его клеветѣ Петрѣ Толстой, хотя по многихъ долгошерпѣнія Божія ему лѣшѣхъ на гибель ему, или на покаяніе лучшее впредь за государственное своего воровства умышленіе, лишень всѣхъ чиновъ и чести, и по суду воровскую ту вину свою явно принеши, вмѣсто смерти сосланъ въ Соловецкой монастырь неисходимо, и замурованъ въ вѣчную шюрьму до самаго изхода жизни своей, о которыхъ его П пра Толстова воровскихъ умыслахъ обстоятельнѣе печашной манифестъ въ прошломъ 1727 году всенародно объявленъ есть: того ради не лѣшъ есть объ нихъ сказывати подробну. И тако по псаломнику онъ Толстой впадъ въ яму, юже содѣла, и купно съ нимъ Милославскимъ, начальнымъ предводителемъ своимъ, Давыдскій исполнили шѣмъ своимъ окончаніемъ глаголь шотъ псаломской: исчезающе, яко дымъ исчезающа.

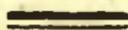
Дру-

Другій Бояринъ и дворецкой Богданъ Машвѣвичъ Хишрой не по долготѣ же времени, по усмотренію благоразсудному и истинному Великаго Государя Царя Θεодора Алексѣевича блаженныя памяти, во всѣхъ его прежнихъ коварныхъ пронырствахъ, въ лютыхъ злобахъ и лукавствахъ, во дни юностиныхъ государства своего лѣтъ, уже на остатокъ при прешружденной своей старости, прежняго доступа своего къ его Царскому дому со уничиженіемъ самымъ позбылъ, и при дворѣ его Царскомъ уже мало бывалъ, и послѣдней своей наслѣдницы дочери внезапно и безгодно лишился. И тако не въ маспитѣ, но не въ честной старости изчезе въ болѣзни живомъ его. Въ день же погребенія его Боярина Хишрова, по достовернымъ свидѣтельницамъ, чрезвычайно воздвигшаяся жестокая буря и зѣло свирѣпая при выносѣ тѣла его въ Новодѣвичій монастырь, такъ остро выдышала, что егда гробъ его на землю съ тѣломъ былъ не изпроверженъ. Домъ же его и до нынѣ безъ всякаго жилища запустѣлымъ всѣми видится,
по

по реченному псалмомъ : да будетъ домъ его пустыя, и въ жилищахъ ихъ да не будетъ живыхъ. Вотчины же его всѣ мимо сродниковъ его другимъ врознь розданы суть. И тако оставилъ онъ вышеименованной Бояринъ чуждымъ богатство свое, и труды его инѣи шу не восхишиша; и тако гробъ жилища его во вѣкъ себѣ наслѣдовалъ.

Сродникъ же его Александръ Хитрой не меньшій передъ нимъ дядею своимъ въ коварствѣ и въ злыхъ пакостяхъ народныхъ преуспѣвающій, и въ поже несчастливое время Боярина Артемона Сергѣевича и сына его изъ подмосковныхъ ихъ вотчинъ изъ села Спаскаго и Артемоновскаго хоромное строеніе и многіе пожизки, изъ всякихъ его Боярскихъ заводовъ, и не малое число изъ всякаго чину егожъ людей въ домъ свой похитя развелъ; но попомъ сыну его Андрею Артемоновичу съ стыдомъ возвращалъ, и по своимъ непопробнымъ дѣламъ вмѣсто ссылки посланъ былъ онъ Хитрой Воеводою на Терпи, и по своемъ опшуда поворотѣ въ великомъ до самой жизни своей оставленъ былъ уничиженіи и

спран-

странствѣ. И дѣши его два сына, одинѣ по другомѣ не въ долгихъ лѣтѣхъ померли. И тако шѣ чада его были въ погубленіе, и къ болѣзни язвѣ его скорбѣ приложиша, и жизнь свою суешно и неблагополучно совершилѣ.

Вышеименованная же сродница ихъ, Боярыня Анна Пешровна Хипрая, по кончинѣ его же Великаго Государя Царя Феодора Алексѣевича, за свои неописанныя злобы, яко древняя Езавель, гонительница на Свяшаго Илію, такѣ ша злая жена опѣ всѣхъ униженна на посрамленіе свое, что гнушно таскався въ старости своей и въ болѣзни изчезе животѣ ея.

Бояринѣ Василій Семеновичъ Волинской, яко бездна, наполненная всѣхъ золѣ, при смутномѣ времени 190 года будучи въ подмосковной вопчинѣ своей, залѣ душу свою изверже.

Думной Дьякѣ Иванѣ Гороховѣ, клятвенной егожѣ Боярина Артемона Сергѣевича злодѣи, не по долгихъ же лѣтѣхъ, внѣ всякаго порученнаго ему дѣла, предѣ его сверстниками волочась самѣ, и дѣши его, Иванѣ и Андрей, бывшіе уже въ Офицерахъ, без-

годно

годно перевелися , и сѣмя ихъ отъ сыновъ человѣческихъ попотребилося. И тако возлюбивый правду Всевышній Господь и ушвердивый ю во вселеннѣй, и изкоренитель всякія неправды, творящій же судъ истинный обидимымъ равномѣрное отмщеніе , паче человѣческой руки , всѣмъ тѣмъ вышеименованнымъ особамъ праведной своей судьбѣ благоволилъ неукоснительно воздашь по глаголу Псаломничу : Богъ отмщеній , Господь Богъ отмщеній не обинулся естъ. И паки : возвеселишся праведникъ , егда увидитъ отмщеніе.

Понеже въ семъ вышеписанномъ изъясненіи тѣхъ противныхъ случаевъ ясныя причины свидѣтельства совершеннаго и доказательства достовѣрнаго уже показаны сушь о главныхъ и внутреннихъ непріятеляхъ его Боярина Аршемона Сергѣевича , вышеименованныхъ Боярѣ и особѣ , отъ кошорыхъ онъ шокмо по враждотворной и отъ начала міра въ естествѣ человѣческомъ врожденной зависти и злопагубной ненависти безвинно поспрадалъ какъ невиннымъ и весьма безправосуднымъ

Щ

отъ-

опбѣтїемъ славы и чести своея, такъ
 приномъ и лишенїемъ отеческаго и
 своего движимаго и недвижимаго все-
 го имбнїя, службами, кровьюми, рабо-
 тами вбрными, долголбпно сстяжан-
 наго. Ибо честь и живопъ чедовбче-
 ской равномбрнымъ степенемъ ше-
 ствуюпъ, и по неповинное опбѣтїе-
 емъ оныя чести равномбрно сб дбї-
 ствительнымъ смертнымъ чедовбко-
 убїйствомъ отъ всбхъ Апостольскихъ,
 святишельскихъ, отеческихъ правилъ,
 и отъ политическихъ нравоченїй точ-
 но бытъ разсуждается, и суще право-
 судно вмбняется, какъ о томъ вся-
 кому благоразумному мужу и спра-
 стей лишенному свободно есть по
 свойству естества своего разсудитъ.
 Егда чедовбкъ оппадаетъ чести сво-
 ей, тогда и живопъ его, хотя не
 смертнымъ, но уже мрачнымъ откры-
 вается низверженїя своего весьма по-
 срамленнымъ покрываломъ. Оной же
 изъ смертныхъ грбховъ превосходящїй
 и неоппустишельной грбхъ судитъ
 отъ самыя свштыя и восточныя на-
 шея церкви, и по истинному всбхъ
 Богослововъ разсужденїю равномбрнымъ
 къ

къ хулѣ прошиву Духа Святаго; ибо жизнь человѣческая вдохновеніемъ самаго Духа Божія по безсмертной душѣ въ честнѣйшей твари, яко храмъ Божій, создана естъ, которая отъ смертнаго человѣка неповинно въ сущей его чести, яко разбойнически небрежше Содѣтеля своего и весьма уничижа всевышнюю и Божественную державу Его, и власть заповѣди Евангельскія, страшный и ужасный, нелицемѣрно угрожаемый и внезапно грядущій всѣмъ человѣкомъ судъ, такъ легкомысленно, яко самымъ острымъ и кровавымъ ножемъ яко весьма шучный агнецъ и сладостной вождельвному человѣчeskіа пищи употребленію закалается.

Иного же врачеванія и возможнаго къ шому вышепомянутому злопагубному и смертному грѣху по всѣмъ церковнымъ и отъ святыхъ отцевъ утвержденныхъ заповѣдямъ исцѣленія и прощенія таковымъ обидчикамъ и беззаконнымъ пресупникамъ инако опнюдь не имѣется, токмо оной: преобидивши невинно такового въ чести его той, обидимаго всенароднѣ пе-

редѣ всю церковь, то естъ передѣ
 всемъ Христіянскимъ собраніемъ, ко-
 лѣнопреклонно со слезами молиши и
 ошпущенія себѣ просиши явно истин-
 но покаянiемъ неизбышно должен-
 ствуешъ, изъясняя и точно безъ вся-
 каго ушаенія изобличая передѣ нимъ
 обидимымъ оной грѣхъ свой колѣно-
 преклонно, и при всѣхъ прежде бы-
 вшихъ объявити по Псаломнику, яко
 Богъ измелъ ихъ отъ грѣшникъ, и
 спасетъ ихъ. Инако же смерть грѣш-
 никовъ, люта, и далече отъ грѣшникъ
 спасеніе; ибо Господь праведенъ съче-
 выи грѣшниковъ, и путь нечестивыхъ
 погибнетъ.

Нынѣ же достойно и праведно естъ
 сущимъ и вѣщимъ долгомъ свѣтлыя
 истинны вѣдѣсь благодарственно и пре-
 прославленно съ подобающею честію
 воспомянути того же вѣка всечестную
 память, отъ другой стороны и о ве-
 ликомъ благодѣянiи нижеименованныхъ
 особъ, по завѣшу глагола Спасителе-
 ва: благосотворшихъ исполняя небес-
 ныхъ услъ повелѣніе, реченное во свя-
 томъ Евангеліи: якоже да шворятъ
 вамъ чловѣцы, и вы шворите имъ
 ша;

такожде. О томъ же и избранный Его сосудъ и вселенная учитель свя-
тый Апостолъ Павелъ внушаетъ та-
ко: благошворенія же и сообщенія не
забывайте: таковыми бо жертвами
благоугождается Богъ.

По сочетаніи вшорога брака благо-
честиваго и Великаго Государя Царя
Ееодора Алексѣевича, Самодержца
Всероссійскаго, на Великой Государы-
нѣ Царицѣ Марѣ Машвѣевнѣ изъ знаш-
ной фамиліи господъ Апраксиныхъ,
которая Государыня отъ самой юно-
сти своей воспитаніемъ во спрасѣ Бо-
жійи и во всѣхъ добродѣшелехъ Хри-
стіанскихъ, и во благонравномъ цѣло-
мудріи превосходящая была паче мно-
гихъ сверстницъ своихъ; и егда во-
царилася, по природному своему чело-
вѣколюбію всячески пощилася Ея
Величество супруга своего, Его высоко-
помянутое Царское Величество отъ
преждебывшихъ наносовъ и безсоюзствъ
обносимыхъ ложными и злыми кле-
вами и навѣтами, отъ тѣхъ же выше-
именованныхъ Боярѣ Милославскаго Бо-
гдана и сродницы его Боярыни вдовы
Анны Пешровны Хитрыхъ, которыя

несогласія еще до самаго того времени у Его Величества съ мачихою своею Великою Государынею съ Царицею Натальею Кириловною, и съ Великимъ Государемъ Царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ, брашомъ его, неукротимо продолжались; все то благоразумными совѣты и люборачительнымъ шщаніемъ Ея Величества Государыни Царицы Марѣи Матѣевны, по скоромъ времени въ любезное съ Его высокопомянутымъ Величествомъ и въ благопріятное согласіе произведено было, и о всѣхъ къ Дому Ея Величества Государыни Царицы Натальи Кириловны союзомъ кровнымъ и вѣрностію служебъ слученныхъ господъ Нарышкиныхъ, и его Боярина Артемона Сергѣевича, и сына его неповинно по разнымъ мѣстамъ и посылкамъ изъ Москвы разосланныхъ и разшоченныхъ, съ яснымъ показаніемъ неправой на нихъ отъ злодѣевъ ихъ клеветы и сущей невинности, безошсупно просила; что все крайнимъ Еяжъ Величества и безприкладнымъ милосердіемъ, и безошсупнымъ предшательствомъ не токмо ко всевѣрному очищенію

щенію злосоставныхъ тѣхъ непрія-
тельскихъ на нихъ люшыхъ наважде-
ній въ ихъ невинности, но и ко вся-
кому тѣхъ спраждущихъ предупло
въ пользу благополучію. Ибо въ тѣ
времена при Ихъ Величествахъ, при
Великомъ Государѣ Царѣ Ѳеодорѣ Але-
ксѣевичѣ, и при Великой его Госуда-
рынѣ Царицѣ, братіе ея Царицыны,
Петръ и Ѳеодоръ Машвѣвичи Апрак-
сины, особливо же причиною свойства
Бояринѣ и Оружейничій Иванъ Мак-
симовичъ Языковъ, глубокой Москов-
скихъ прежде площадныхъ, потомъ
же при томъ времени своемъ двор-
скихъ обхожденій проникатель, и
Посшельничій Алексѣй Тимоѣевичъ,
и Сиряпчій съ ключемъ братъ его
Михаилъ Тимоѣевичъ Дихачевы, осо-
бы великаго разума и самаго благоче-
стиваго состоянія исполненныя, въ
крайней близости и милости у Ихъ
высокоименованныхъ Величествъ обрѣ-
шались, и сильнымъ орудіемъ ко оправ-
данію совершенной невинности тѣхъ
оклеветанныхъ господъ Нарышки-
ныхъ и его Боярина Аршемона Сер-
гѣевича и сына его, своимъ крѣпкимъ

приносомъ , безспрашнымъ разсужде-
 ніемъ и благопріятною помощію , ку-
 пно же и къ награжденію всемилосер-
 дому Ихъ же Величествъ шѣмъ без-
 виннымъ особамъ взяпыхъ ихъ имѣ-
 ній и вошчинъ , неуспружденно отъ
 Христіанской своей любви спѣсобство-
 вали, и весьма въ томъ желаніи своемъ
 благосклонномъ щасливо такъ пред-
 успѣли, и шѣмъ человѣконенавистнымъ
 Бояромъ вышеименованнымъ Мило-
 славскому , Хишрому и сродницъ его ,
 оклеветающимъ шай искреннихъ сво-
 ихъ , онъ Бояринъ Иванъ Максимо-
 вичъ Языковъ такую жестокою браз-
 ду, или удило въ зубы ихъ положилъ,
 что уже и при жизни ихъ мадо прі-
 ѣдомъ своимъ Дворъ Царской знали,
 и при живомъ шѣмъ егожъ Хишрова и
 чинъ его Оружейничества ему Бояри-
 ну Ивану Максимовичу Языкову былъ
 отданъ. Того ради благоволеніемъ
 Вседержителя Бога оные господа, Язы-
 ковъ , Апраксины и Лихачевы , какъ
 въ живомъ своемъ благоволеніемъ благо-
 стыннымъ славословилися , тако и по
 кончинъ ихъ , яко доспойные и за-
 конные дѣлашели мзды своея, раз-
 умѣваю

умѣвающіи на нищихъ и убогихъ, въ вѣчныхъ обителехъ небесныхъ у Царя царствующихъ воспріимуть вѣнецъ доброты, купно со всѣми праведными отъ руки Господни во вѣкъ и во вѣкъ вѣка.

Послѣ же вышепомянутой кончины его благочестивѣйшаго Великаго Государя Царя Феодора Алексѣевича, Самодержца Всероссійскаго, въ томъ же 190 году мѣсяца Маія въ первыхъ числѣхъ, по указу тогдажъ воцарившагося благочестивѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Пепра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и матери его Царской, благовѣрной Государыни Царицы и Великія Княгини Нашалы Кириловны, изъ Москвы отъ Двора его Царскаго въ городъ Лухъ къ Боярину Аршемону Сергѣевичу присланъ былъ Спольшникъ Семенъ Ерофѣевъ сынъ Алмазовъ, по всемилосердому ихъ Царскому обыкновенію съ спросомъ о здоровьѣ его Боярскомъ и сына, отъоботихъ высокоименованныхъ Величествъ, и съ повелительнымъ къ нимъ указомъ, чшобы они, Бояринъ и сынъ его,

неукоснительно съ поспѣшеніемъ ѣхали въ Москву и Ихъ Царскихъ Величествъ очи видѣли, кошорую всемилошпивѣйшихъ Ихъ Царскихъ Величествъ высочайшую, по шакомъ горькослезномъ спраданіи и раззореніи своемъ, онъ Бояринъ Аршемонъ Сергѣевичъ и сынъ его къ себѣ всерадостно получа милость, по силѣ шого премилосшпиваго къ себѣ указу въ самыхъ скорыхъ числѣхъ, и при нихъ вышеименованный Стольникъ Господинъ Алмазовъ, изъ онаго города Духа спѣшно въ Москву предпріяли свой пушъ, не останавливаясь нигдѣ.

Въ прибытіе же его Боярское при шомъ егожъ пуши въ преименишую всесвяшья и живоначальныя Троицы и богоноснаго ошца нашего Сергія Игумена, Радонежскаго Чудотворца, обитель, отъ бывшихъ шого времени властей, высокочесшнаго ошца Архимандриша Викеншя, и предпочпенныхъ ошцовъ Келаря Прохора, Казначея Игнашя, и отъ всей брашяи обителитоя у свяшыхъ воротъ онъ Бояринъ и сынъ его съ великимъ почшеніемъ встрѣченъ, и по ошправленіи досто-

дод-

должномъ у гроба Чудотворцова все-
нощнаго бдѣнія, Божественныя литур-
гіи и молебнаго славословія, въ по-
кояхъ Келарскихъ отъ вышепомяну-
тыхъ оныхъ власшей преизобильнымъ
столомъ всепочтению удовольствованъ
былъ.

При той же самой его Боярской
бытности въ оной святой обители,
изъ Москвы отъ Двора Ихъ же Цар-
скихъ Величествъ присланъ былъ Ду-
мною Дворянинъ Юрій Петровичъ Лу-
тохинъ къ нему Боярину Аршемону
Сергѣевичу и къ сыну его Андрею
Аршемоновичу со здоровьемъ, и съ
объявленіемъ емужъ Боярину прежней
его чести Боярства, а сыну его Ком-
нашнаго Стольничества, къ неописан-
ной ихъ обоихъ и безприкладной по-
такомъ ихъ бывшемъ неповинномъ
овлобленіи и по горестномъ раззореніи
радости; и тогожъ Маія мѣсяца въ
11 день изъ вышепомянутой обители
они Бояринъ и сынъ его отправилися
къ Москвѣ въ настоящій путь свой.

Въ 12 день тогожъ Маія мѣсяца
въ прибытіе его Боярское шѣмъ же
пушемъ въ Государево Дворцовое село

Брашноч

Брашовщину, тамъ его Боярина отъ Ихъ же высокопомянушихъ Царскихъ Величествъ присланной Комнатной Стольникъ, Ея Величества Государыни Царицы Нашалии Кириловны родной братъ Аѳанасій Кириловичъ Нарышкинъ, съ чрезмѣрною любовію встрѣшилъ, отъ Ихъ же Величествъ о здоровьѣ его Боярскомъ и сына его спрашивалъ, и изъ того села Брашовщина отбѣжалъ онъ отъ того мѣста, и до самой Москвы всякаго чину люди въ безчисленномъ множествѣ на встрѣчу къ нему Боярину и сыну его съ поздравленіемъ выѣзжали.

Того же вышеозначеннаго числа ввечеру они Бояринъ и сынъ его Москвы доспигли, и съ горькими слезами вступили въ домъ свой, увидя его до конца опустошенна во всеконечномъ неустройствѣ во время того бывшаго ихъ дальняго заточенія.

Въ 13 день погожѣ мѣсяца они Бояринъ и сынъ его по седмилѣтнемъ своемъ оплученіи и всегорестномъ страданіи, не имѣя чести очей Ихъ Царскихъ высочайшихъ и къ себѣ всемилоствивѣйшихъ Величествъ видѣти, со
слезъ

слезною радостію поупру удостоилися въ чертогахъ ихъ Царскихъ предъ ногами Ихъ Величествъ упасъ, и всемилосердымъ объяшемъ ихъ Царскимъ руки ихъ цѣловашъ. Но какова тогда та всеблагополучнаго свиданія и приему ихъ Царскаго высокая милость и неизреченная радость была, и какъ всѣхъ присушествующихъ въ той комнатѣ ихъ Царской особѣ, причиною этого слученія взирающихъ съ радостными слезами видима зѣло чувственна была, что никакое человѣческое писало всего этого по достоянію исписати не возможетъ.

Тогожъ вышеписаннаго числа Его Царское Величество, по всемилосердому своему разсмотренію извѣстно вѣдая на него Боярина Артемона Сергѣевича отъ бывшихъ его злодѣевъ самое безвинное оклеветаніе ни за что ино, токмо ради человѣконенавистной зависти и по особой причинѣ, что онъ Бояринъ крайнею вѣрностію своей службы причастенъ былъ къ Дому Его высокопомянутаго Царскаго Величества, и матери его Государевой, Великой Государыни Царицы Нашальи

Ки-

Кириловны; и что въ томъ гоненіи его, въ ссылкѣ и раззореніи и въ злостраданіи его Боярскомъ ошѣ тѣхъ же непріятелей его начальной и пушій томъ былъ случай, указалъ всѣ подмосковныя и городовыя его вошчины, во время шого злополучія его Боярскаго въ роздачу всякаго чина людемъ розданныя, по прежнему ему Боярину и сыну его возвратишь. А о взятыхъ егожѣ пожизнкахъ, ради будущаго емужѣ Боярину награжденія въ скорости выпишашъ; а дому егожѣ служителей, кошорые во время той ссылки его не были по оппускнымъ распущены, и у Боярѣ, и всякаго чина у людей въ домѣхъ служили, по прежнему емужѣ Боярину отдашь; и по силѣ онаго именнаго Государева указа оныя его Боярскія вошчины шого же времени ошказашъ за него въ тѣ города къ Воеводамъ по грамотамъ посланы указы, и изъ нихъ нынѣ многіе подлинныя въ домѣ сына его Андрея Аршемоновича въ цѣлоспи явсипвуются; а служители шѣ его Боярскіе изъ всѣхъ домовъ къ нему Боярину въ домъ его были приве-

да-

дены и отданы. И тако сбысться непреложной Божественный глаголь Избавителя нашего Христа Господа въ утѣшеніе всѣмъ спраждущимъ и скорбящимъ: истинна свободитъ вы. И еще къ помужь: блажени плачущи, яко тѣи утѣшатся.

Въ тѣ же дни пребыванія своего въ Москвѣ при Царскомъ Домѣ всегда безошступная его Боярская бытность и сына его была въ крайней близости и въ ошмѣнной Ихъ Царскихъ Величествъ къ нимъ высокой милости.

Того же Маія мѣсяца въ 14 день онъ Бояринъ Аршемонъ Сергѣевичъ и сынъ его честь себѣ имѣли бысть у благословенія святѣйшаго Іоакима, Патріарха Московскаго и всея Россіи, и приняты отъ Его Святѣйшесства съ премногою отчелюбною милостию и со всеусерднымъ сорадованіемъ, по древнему его Патріаршу съ нимъ Бояриномъ при преждебывшемъ его Чудовскомъ Архимандричесствѣ и Новгородскомъ Архіерействѣ, по крайнему дружелюбію и на многъ часъ во внушренней его Патріаршей келии откровенно онъ святѣйшій Патріархъ съ
нимъ

нимъ Бояриномъ духовнѣ бесѣдовали, къ великому шѣхъ обѣихъ особъ удовольствію.

Всѣ же изъ первенствующихъ того вѣка изъ старшихъ Боярѣ и палатныхъ людей, кромѣ самыхъ престарѣлыхъ особъ, посѣщеніемъ своимъ повсѣвременнымъ ему; Боярину Аршемону Сергѣевичу со многимъ почтеніемъ и съ великою любовію честь учинили; и отъ него Боярина и отъ сына его съ надлежащею честью встрѣчены и до самага нижняго крыльца со всякою низостію провожены были.

Но изъ шѣхъ старшихъ Боярѣ древній и крайній ему Боярину Аршемону Сергѣевичу и въ самое то злополучное его несчастіе неотмѣнной благодѣтель Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой, отъ своей погорбленной и весьма пошружденной старости того времени уже параличною болѣзнію ошягченъ былъ: того ради не умедля, съ первыхъ же дней, онъ Бояринѣ Аршемонѣ Сергѣевичѣ въ домъ его и съ сыномъ своимъ пріятельское свое почтеніе ему Боярину учинилъ, и при-
томъ

помѣ зло радостно и слезно съ великимъ сожалѣніемъ и благопріятствомъ ошъ него Боярина Князя Юрья Алексѣевича были они приняты, и на долговременныхъ разговорахъ одинъ на одинъ они Бояре оба съ собою были.

Изъ тѣхъ же Боярѣ Иванъ Михайловичъ Милославской, прикинувся, яко бы случаемъ болѣзни своей, по дѣйствію же самой прилворной и злохитрой, и у него Боярина Аршемона Сергѣевича съ прочими Бояры въ домѣ не былъ и посѣщенія ему не учинилъ, ниже по обыкновенному челоѣколюбію спросилъ о прибытіи его въ Москву никого ошъ себя къ нему Боярину не присылывалъ.

Тотъ вышеименованной Милославской, врагъ челоѣковъ, алчной и неукропимой крови Христіанской кровонійца, видя благополучное до наслѣдственнѣйшей Всероссійскаго государства короны Высокодержавнѣйшаго Великаго Государя Царя Петра Алексѣевича, Монарха Всероссійскаго, ко всена-

родной радости и всежелаемое возвышение уже достигша, и зная внутрь въ себѣ владѣйственные преждебывшія и многообразныя къ высокопомянутому всему его Царскому дому, во время державы Великаго Государя Царя Феодора Алексѣевича вся Россіи блаженныя памяти, имѣ Милославскимѣ наносимыя премногія напасты и великія пакости; при томѣ же тогда наспоящемѣ случаѣ, усмотря прибытіе изъ заточенія въ Москву господѣ Нарышкиныхъ и его Боярина Артемона Сергѣевича, и видя по премногу ихъ сильныхъ при томѣ дворѣ Царскомѣ во всемѣ дѣйствительныхъ членовѣ, всемѣрно опасаяся за шѣ свои неистовыя и беззаконныя дѣла отъ онаго Царскаго дому достойнаго себѣ воздаянія, началъ тайно ковь чрезъ шонкія свои коварства промыслять къ будущей своей и надежной безопасности тогда бывшаго и старшаго, но всѣми скорбьми естественными отъ самыхъ младыхъ ногшей весьма опягченнаго Государя Царевича Іоанна Алексѣевича вся Россіи, и сестрѣ его Царевенѣ, снискашельницѣ склонныхъ и желатель-

шель-

пелъницѣ горячихъ къ дѣйствишель-
 ному изслѣдствію искомага себѣ благо-
 получія, того и всякими коварными и
 зло скрышными пронырствы своими,
 за долго до прибытія въ Москву его
 Боярина Артемона Сергѣевича купно
 съ своими клеветы, а именно съ пле-
 мянникомъ своимъ, съ Александромъ
 Ивановымъ сыномъ Милославскимъ, и
 съ Пешромъ Андреевымъ сыномъ Тол-
 сымъ, и съ Иваномъ Циклеромъ, вся-
 кими лукавства своего прелестными и
 самыми соспавными весьма ложными
 клеветами, аки Ахишофеловымъ совѣ-
 томъ, наговаривашь Московскихъ спрѣль-
 цовъ и возмутить къ бунту, якобы
 по законной причинѣ первенства его
 вышеименованнаго Царевича, что онъ
 Государь Царевичъ обойденъ къ воз-
 вышенію той короны Царской, а про-
 изшелъ къ ней меньшій Государь Ца-
 ревичъ Петръ Алексѣвичъ, и за то
 представлялъ имъ спрѣльцамъ много-
 прибыльные чины и великія передѣ
 прежнимъ въ годовомъ денежномъ жа-
 лованьѣ впредъ прибавки, токмо что-
 бы безопложно и неукоснительно при-

чиною того бунта его Государя Царевича Иоанна Алексѣевича на царство Россійское они стрѣльцы возвели. И по къ подвигу онаго бунта учрежденное орудіе и ихъ стрѣleckое оружіе въ совершенной уже готовности висѣло, но за однимъ обожданіемъ, паче всѣхъ усердно желаемымъ обожданіемъ прибышій въ Москву его Боярина Артемона Сергѣевича, зная высокой его разумъ и остроумное во всѣхъ дѣлахъ благоискусство, и за многія древнія и вѣрныя службы, а по сильному при Царскомъ Дворѣ кредитѣ, ошѣдимаго ему Милославскому его Боярскаго впредь жестокаго себѣ отмщенія, больше иныхъ особъ надобень былъ ко всебѣрному его искорененію.

Онъ Бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ по прибытіи своемъ изъ онаго седмицѣшняго зашоченія въ живопись своемъ шокмо при благополучные дня себѣ имѣлъ, высокопомянушою Царскою милостию и сладостию любезнаго своего и присножелаемаго отечества и наследственнаго своего дома радовашься.

Не-

Неиспытанныхъ судебъ Божіихъ
 глубина, челоѳческому разуму непо-
 сннжнмая, и таинъ Его сокровенныхъ
 бездна недовѳдомая и неиспышемая,
 нынѳ откровеніемъ уже явленнымъ
 шѳхъ отъ предувѳденія при прежде-
 бывшихъ многоразличныхъ горесняхъ
 и спраданіяхъ его Боярина Артемона
 Сергѳевича, яко злато въ горнилѳ все-
 совершенно искуся, и очнспя свяшую
 его душу отъ всѳхъ плотскихъ при-
 спрасній и злословныхъ пороковъ,
 яко отъ всенижайшія его Божія
 швари Содѳтелю своему, удостоился
 онѳ Бояринѳ послѳдовашъ наведеніемъ
 лживымъ отъ клеветниковъ и враговъ
 евоихъ общеспвомъ съ прокляшыми не-
 чиспными духи, яко рече свяшый Еван-
 гелистѳ Матѳей въ зачалѳ 130: Фэ-
 рисеи глаголаху, яко о Велзевулѳ Кня-
 зѳ бѳсовспѳмъ изгонилѳ бѳсы, чис-
 тымъ своимъ во время того седми-
 лѳшняго его злощаспня, крошкимъ жи-
 тіемъ, превосходящимъ монаховъ, не-
 молчнымъ пролишіемъ по вся часы те-
 плѳйшихъ его ко всевышнему Богу
 рыданій и слезъ, и непрестаннаго

колѣнопреклоннаго славословія и мо-
лишѣ съ долгошерпѣніемъ благодар-
ственнымъ, яко Іевлевымъ, за вся ша
приключшаяся ему злая за благая не-
препешно сущи въ надеждѣ непоколе-
бимой на правосудіе Божіе, впредь
грядущихъ себѣ свыше благъ милосер-
дымъ снабдѣніемъ отъ самой крайней
уже скудости своей убогихъ и ни-
щихъ шрудами рукъ своихъ безчислен-
ными въ писаніи Божественныхъ книгъ,
къ великому удивленію всѣмъ отъ ша-
кого долголѣтняго раззоренія въ домѣ
сына его Андрея Аршемоновича, даже
до сего времени, со многимъ почте-
ніемъ хранимыхъ, и прочими неопи-
санными егожѣ Боярскими и блумудри
и добродѣтелями: то всевидящее Бо-
жественное смотреніе предувѣдало и
предугощовало ему Боярину паче зем-
ныхъ благъ небесное селеніе то и рай-
ское наслажденіе; ибо угодна бѣ Го-
сподеви душа его, изъяти ю отъ
маловременнаго сего юдола и отъ сре-
ды лукавствія, да не како впредь
злоба измѣнишѣ разумъ его, или лествъ
прельспишѣ душу его, зане естество-
ное

ное пареніе похоши премѣняетъ умъ незлобивыхъ; и да не бы онъ Бояринъ; по стяженіи шаковыхъ вышешепомянутыхъ добродѣтелей обновленіемъ паки по плоти приключшихся ему чловѣческихъ спрасшей, лишилъ себя безсмертнаго и безконечнаго царствія по благовѣспію свяшаго Апостола Павла, рекшему къ Римляномъ въ главѣ 8, въ зачалѣ 99: Вѣмы, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое. Сущимъ по предувѣденію званымъ, кто поемлетъ на избранныя Божія? Богъ оправдай, кто осуждай?

Того ради низпослалъ на него кровавый мечъ, сравнительный мученикамъ, и злоспрананія и кончины его вѣнецъ неувядаемый, то есть того же 190 года и мѣсяца Маія того же въ 15 день, во время самое наченшагося опшъ Московскихъ стрѣльцовъ, въ вѣрности своей безбожныхъ воровъ и измѣнниковъ, безспрашнымъ самымъ безчеловѣчіемъ и лютымъ нападеніемъ изъ всѣхъ ихъ стрѣлецкихъ полковъ въ городъ Кремль звѣрски на самыя Царскія

скія палаты съ безстыдною и безобразною яростію и съ послѣднимъ озорничествомъ, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе и рабскую свою крайнюю низость, по самымъ вымышленнымъ и лживымъ причинамъ и наглымъ вопросамъ, пришедъ ко Красному крыльцу, куда Его Царское высокопомянутое Величество и мать его Государева Царица Государыня, и братья его Государь Царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ, принуждены были къ одному варварскому извѣстничью сонмищу нарочнымъ своимъ выходомъ выше Царскаго своего чину выступить и себя показать, дабы тѣ злодѣи, усрамяся подвигомъ тѣмъ высочайшихъ Ихъ Царскихъ Величествъ, укротились отъ того начинанія ихъ и ужаснаго бунту, и перестали отъ онаго злаго возмущенія. Но тѣ воры, яко львы, изъ неукрошимаго и безобразнаго пьянства всего рыкающіе и свирѣпѣющіе, поставя дѣшницы на то Красное крыльцо, перваго отъ просимыхъ ими на выдачу имъ Бояръ его Боярина Артемона Сергѣевича, съ наглымъ и жестокимъ

стокимъ ярости своей стремленіемъ
 изъ рукъ ихъ Царскихъ похитивши,
 жестокосердо, уподобяся иноплемен-
 никамъ лютымъ, бросили его, яко агнца
 неповиннаго, отъ стороны Благовѣ-
 щенской церкви на площадь, и при-
 нявъ на копья, ужаснымъ и спраш-
 нымъ мученическимъ страданіемъ на
 мѣлкія части шло его Боярское раз-
 сѣкли. Потомъ и прочихъ Бояръ не-
 повинныхъ шаковой же предаша зло-
 сердой смерти, при немолчномъ звукѣ
 Кремлевскаго великаго набашу и при
 непрестанномъ бою барабаномъ, о
 которой трагедіи не лѣшь есть при
 семъ случаѣ обширно разпроспранять;
 понеже не токмо на Россійскомъ, но
 и на другихъ уже иностранныхъ язы-
 кахъ исторіи не токмо письменныя,
 но и печатныя съ довольнымъ изъ-
 ясненіемъ о кровавомъ и ужасномъ помѣ-
 буншѣ отъ разныхъ авторовъ и спи-
 сателей достовѣрныхъ обстоятельно
 собранныя, не въ одномъ Россійскомъ
 государствѣ, но и по всему уже все-
 ленныя умному свѣту сказуютъ. И ша-
 ко сей блаженный, долгошерпѣливый,
 и по бѣдности страдалецъ Бояринъ

Артемонъ Сергѣевичъ, Божіимъ предувѣ-
деніемъ званный, непорочно добрый
подвигъ своея благочестивыя вѣры и
мучениколюбно скончавъ, вѣнецъ отъ
самаго жизнедавца Бога свѣпло вос-
пріялъ подвигоположно и непреложно,
воистинну съ соборомъ мученическимъ
причтенъ есть, по реченію Псаломни-
ка: оружіемъ благоволенія, славою и
честію вѣнчалъ еси его, вѣ надеждѣ
вѣрной гласа Господня, реченнаго во
святомъ Евангеліи: Блажени есте,
егда поносятъ вамъ, изженутъ и ре-
кутъ всякъ золь глаголь на вы, лжу-
ще мене ради: радуйтесь и веселите-
ся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ.
Блажени же, яже избра Господь и
пріялъ ихъ, и память ихъ въ родъ
и родъ. Богъ же, Господь отмщеній,
взыскауй крови ихъ, помяну отмще-
ніе то крове рабовъ своихъ пролитыя
яко воду. Насупрошивъ же того, по
глаголу Псаломскому, тѣ злоухищрен-
ные враждотворцы, возмутили, яко
пси, алчущіе тѣхъ неповинныхъ кро-
вей, на беззаконное пролитіе злокоз-
ненные началоводцы и Христіянско-
му оному поколенію виновники и пре-
да-

дателье, и ихъ все орудіе и оружіе, и воры и бунтовщики и истинные опстунники Христіянскія вѣры, кровопійцы, Московскіе стрѣльцы, яко дымъ со всемъ сѣменемъ своимъ уже изчезшіе, и съ памятью ихъ до конца погибшіе законнечестивіи, сидушъ во адъ къ древнему предводишелю, издревле челоукоубійцу и Христіянскому супосшашу и своему проклятому ошцу сашанъ, и останцы ихъ нечестивыхъ уже пошребилися, на безсмершную имъ всѣмъ, яко древнимъ злодѣямъ Дафану и Авирону, на вѣки безконечныя опъ всея православныя Каѳолическія и восшочныя цѣркве, благочестивыхъ Христіянъ матери, и на приснопоминаемую кляшву и анаѣему, по глаголу Божешшвеннаго Апостшолѣ Павла, реченному къ Коринѣяномъ въ главѣ 6, въ зачалѣ 134: Не льсштите себѣ, ни лишоимцы, ни шашіе, ни пьѣницы, ни досадишели, ни хищницы, царствія Божія не наслѣдшѣ. И по Псаломнику: Останцы нечестивыхъ пошребшѣся.

В Ъ Д Е Н І Е.

Въ которыхъ годѣхъ, и отъ кого Само-
державнѣйшихъ Великихъ Государей Ца-
рей Самодержцевъ Всероссийскихъ съ на-
чала службы Боярина Артемона Сер-
гѣевича Мамшѣва онъ пожалованъ
былъ чинами и повышенъ честию
Боярства, списанное съ соб-
ственной его Боярской руки,
слѣдующее ниже сего.

Въ 7146 (1638) году, Іюля въ
день Великій Государь Царь и Великій
Князь Михаилъ Феодоровичъ, вся
Россіи Самодержецъ, пожаловалъ Арше-
мона Мамшѣва въ Жишье.

Въ 7150 (1642) году, Марта въ
25 день, онъ Великій Государь Царь
пожаловалъ его въ Стряпчіе.

Въ томъ же вышеписанномъ году,
Февраля въ 3 день, онъ Великій Го-
сударь Царь пожаловалъ его въ Голо-
вы стрѣлецкіе, и въ Посольскомъ при-
казѣ въ записной книгѣ о томъ на-
писано.

Въ 7162 (1674) году, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожаловалъ его въ Стольники и Полковники.

Въ 7177 (1669) году, Апрѣля въ 9 день, по указу Его высокопомянушаго Царскаго Величества ему Аршемону Сергѣевичу, будучи Стольникомъ и Полковникомъ, велѣно приказъ Малыя Россіи вѣдать.

Въ 7179 (1671) году, Ноября въ 27 день, на праздникъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, онъ же Великій Государь пожаловалъ Стольника и Полковника и Голову Московскихъ стрѣльцовъ его Аршемона Сергѣевича Думнымъ Дворянствомъ.

Въ томъ же 7179 (1671) году, мѣсяца Генваря въ 22 день, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, изволилъ сочеташься законнымъ бракомъ съ благовѣрною Государынею Царицею и Великою Княгинею Нашалиею Кириловною.

Въ томъ же вышепомянутомъ году, Генваря въ 23 день, онъ Великій Государь, Его Царское Величество, для своей Государской радости, его Думнаго Дворянина Аршемона Сергѣевича пожаловалъ въ Комнашу, и въ Думныхъ Дворянѣхъ онъ Аршемонъ Сергѣевичъ былъ 6 мѣсяцовъ и 3 дни.

Въ 7179 (1671) году, Февраля въ 22 день, емужъ Аршемону Сергѣевичу, будучи въ Думныхъ Дворянѣхъ, велѣно Государшвенной Посольской приказъ вѣдать.

Въ 7180 (1672) году, Маія въ 30 день, когда Господь Богъ даровалъ ему Великому Государю, Его Царскому Величеству, отъ благочестивыя Великія Государыни Царицы и Великія Княгини Нашальи Кириловны наслѣдника, благороднаго Государя Царевича и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи: въ то время послѣ молебнаго пѣнія онъ Великій Государь, Его Царское Величество, пожаловалъ его Думнаго Дворянина Аршемона Сергѣевича честию Окольниковомъ, и былъ онъ въ
Околв-

Окольничихъ 2 года и 4 мѣсяца,
8 дней.

Въ 7182 (1674) году, Августа мѣ-
сяца въ 26 день, на праздникъ сезо-
именишства благовѣрныхъ Государыни
Царицы и Великія Княгини Нашалыи
Кириловны, его Боярина Артемона
Сергѣевича сынъ, Андрей Артемоно-
вичъ, чрезъ всѣ чины къ Егожѣ Цар-
скому высокопомянутому Величеству
пожалованъ въ Комнашу.

Въ 7183 (1675) году, Октября
въ 8 день, на праздникъ явленія образа
Пресвятыя Богородицы, именуемая
Казанскія, онъ же Великій Государь,
Его Царское Величество, пожаловалъ
его Окольничаго Артемона Сергѣевича
Боярствомъ.

Въ 7200 (1692) году, Великіе Го-
судари Цари и Великіе Князи Іоаннъ
Алексѣевичъ; Петръ Алексѣевичъ, всея
Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Само-
держцы, его Андрея Артемоновича при
бытности Воеводства его на Двинѣ,
пожаловали изъ Комнатныхъ Спольни-
ковъ честию Окольничества.

Въ 1712 году, Ноября въ 13 день,
Всепресвѣтлѣйшій Великій Государь
Царь

Царь и Великій Князь Пётръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, будучи въ своемъ Государевъ воинскомъ походѣ въ городъ Дрезденъ, столицу Саксонской, по прибытіи его Спольшника Андрея Артемоновича съ посольства изъ Гравенгаги, столицы высокомоцныхъ Господъ Штаповъ Генераловъ, пожаловалъ его изъ Окольниковъ въ Тайные Совѣтники.

Въ 1714 году, при посольствѣ въ Вѣнѣ у Двора Всепресвѣтлѣйшаго Карла VI Цесаря Римскаго, онъ Тайный Совѣтникъ Андрей Артемоновичъ почтенъ его Царскою милостію дипломною Цесарственнаго Графа, данною ему и всей его фамиліи за собственною Его Цесарскаго Величества рукою и за Цесарственною вислою печатію.

Въ 1719 году, по указу Его высококореченнаго Царскаго Всероссійскаго Величества велѣно ему Графу и Тайному Совѣтнику въ Правительствующемъ Сенатѣ бысть Сенашоромъ, и въ Государственной Коллегіи Юстиціи Президентомъ.

Въ 1724 году, мѣсяца Марша въ 16 день, когда Его Императорское Величество соизволилъ изъ Санктпетербурга итти въ Москву ради коронаціи супруги своей Государевой, благовѣрной Государыни Императрицы Екашериныхъ Алексѣевны, тогда ему Графу и Тайному Совѣтнику повелѣно бысть при Сенатскомъ управленіи, и дѣти ихъ Императорскія, а именно благовѣрная Государыня Цесаревна Наталья Петровна, и благородные, Государь Великой Князь Пётръ Алексѣевичъ, и сестра его Государева, Государыня Великая Княжна Наталья Алексѣевна, поручены были ему, и надъ всѣми Коллегіями вѣдалъ онъ же Графъ. И по пришествіи изъ Москвы въ Санктпетербургъ Ихъ высокопомянушихъ Императорскихъ Величествъ имяннымъ указомъ (которой Графу объявилъ Оберъ - Маршалъ Господинъ Олсуфьевъ) при публичномъ Ихъ же Величествъ съ паруснымъ флотомъ, на яхтахъ, ко пристани большой Святыя Троицы приходѣ, они высокоименованныя, Государыня Цесаревна, и Государь Великій Князь, и Го-

сударыня Великая Княжна, Ихъ Императорскимъ Величествамъ со всеподданнѣйшею покорностію отъ него Графа вручены ко всемилосерднѣйшему Ихъ Императорскихъ Велиествъ ошой его Графской службѣ удовольству.

Тогожъ 1724 года, мѣсяца Маія въ послѣднихъ числѣхъ, по указу Егожъ Императорскаго Величества, присланному изъ Москвы изъ Правительствующаго Сената въ Санктпетербургъ, велѣно ему по обожданіи Ихъ же Велиествъ пришествія въ Санктпетербургъ же, быль въ Москвѣ въ Сенатской Конторѣ ради тогожъ управления настоящихъ государственныхъ дѣлъ годъ, на мѣсто Тайногожъ Совѣтника и Сенатора Князя Димитрія Михайловича Голицына, и съ нимъ въ товарищахъ Генералу Маіору и Московскому Вице-Губернатору Ивану Лукину сыну Воейкову, да двумъ Полковникамъ, Московскому Оберъ-Комманданту Ивану Петрову сыну Измайлову, Григорью Терентьеву сыну Ергольскому. А по исходѣ того года пере-

перемѣнилъ его Графа и Тайнаго Совѣтника по прїѣздѣ изъ Санктпетербурга Дѣйствишельный Тайный Совѣтникъ и Сенапоръ Графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ - Пушкинъ.

1726 Года, Ноября въ 24 день, Всепресвѣтлѣйшая и Высокодержавнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, на торжествѣ пресвѣтлаго своего тезоименитства, пожаловала его Графа Андрея Аршмоновича изъ Тайныхъ Совѣтниковъ въ Дѣйствишельные Тайные Совѣтники, и на ту честь его данъ ему Графу патентъ за собственною Ея Императорскаго Величества рукою и за Государственною печашью.

Тогожъ 1726 года, мѣсяца Февраля въ 8 день, изъ Правительствующаго Сенаша, по указу изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества, и по данной за собственною Еяжъ высокопомянутаго Величества рукою, ему Дѣйствишельному Тайному Совѣтнику инструкціи, былъ онъ Графъ для рас-

правы государственныхъ дѣлъ со всякою
 полною мочью въ Переславской
 Залѣсской, въ Юрьевской Повольской,
 въ Суждальской, въ Володимирской,
 въ Костромской Провинціяхъ годъ и
 при мѣсяца; и при немъ у шѣхъ
 дѣлъ Государственной Камеръ - Кол-
 легіи Совѣтникъ и Полковникъ Ва-
 силій Степановъ сынъ Башуринъ, и
 Государственной же Коллегіи Юспиціи
 Ассессоръ Князь Алексѣй Князь Сте-
 пановъ сынъ Львовъ.

Въ 1727 году, мѣсяца Іюня въ
 первыхъ числахъ, по указу Всепре-
 свѣтлѣйшаго и Высокодержавнѣйшаго
 Великаго Государя нашего впораго
 Петра Алексѣевича, Императора и
 Самодержца Всероссійскаго, изъ Вер-
 ховнаго Тайнаго Совѣта присланному
 къ нему Графу, а по челобитью егожъ
 Графскому, за долголѣшныя его служ-
 бы уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, и жить
 ему Графу, гдѣ онъ похочетъ.

НАДПИСИ (*),

*Находящіяся при надгровіяхъ умершихъ
особъ изъ рода Матвѣевыхъ.*

НАДПИСЬ I.

*Вырѣзана на стѣнѣ при гробѣ Блж-
наго Боярина Артемона Сергѣеви-
ча Матвѣева.*

7190 (1682) Года, Маія въ 15
день, на память убіенія свяаго
Благовѣрнаго Царевича Димитрія Мос-
ковскаго и всея Россіи, волею все-
могущаго и всесильнѣйшаго Царя Ца-
ремъ и Бога, въ смутное время ошъ
воровъ и бунтовщиковъ убіенъ бысть
рабъ Божій шестилѣтній спрадалецъ,
скончався мученически, ближній Боя-
ринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣ-
евъ, при дни пребывъ въ царствую-
щемъ

Ы 3

щемъ

(*) Сіи надписи находятся вырѣзанными на
стѣнѣ и камняхъ надгробныхъ въ особой
палаткѣ, въ приходѣ церкви Николая Чудо-
творца, что въ Щолпахъ,

щемъ. градъ Москвѣ, свободяся изъ общаго соблюденія и изъ заточенія изъ Пустоозерскаго острога, въ 4 день убо скончася вънцемъ страданія. Поживе всѣхъ отъ рожденія своего лѣтъ 57; погребенъ бысть мѣсяца тогожъ въ 18 день, на память святыхъ мученикъ Петра и Діонисія и иже съ ними, въ лѣто отъ сотворенія міра 7190, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1682 года.

НАДПИСЬ II.

Вырѣзана на надгробіи супруги Ближняго Боярина Матвѣева.

Гробъ супруги блаженнаго Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, Боярины Евдокіи Григорьевны; а преставленіе ея во 180 (1672) году, Августа въ 24 день, на память преставленія честныхъ мощей иже во святыхъ отца нашего Петра Митрополита Кіевскаго и всея Россіи Чудотворца.

НАДПИСЬ III.

*Вырѣзана на надгровіи сына Ближняго
Боярина Матѣепа.*

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ, Графъ Андрей Артемоновичъ Матѣевъ; а рожденіе его 7174 (1666) года, Августа въ 15 день; пезоимеништво его тогожъ Августа въ 19 день; а преславися 1728 года, Сентября въ 16 день. Всѣхъ лѣтъ пезиве 63 лѣта.

НАДПИСЬ IV.

*Вырѣзана на надгровіи супруги Графа
Андрея Артемоновича Матѣепа.*

Лѣта 7207 (1699), Октября въ 4 день, прошиву 5 числа, во 2 часу ноши, во 2 чешверти, на память святаго священномученика Іерофея, Епископа Аѳинскаго, преславися рата Божія ближняго Окольничаго А. д. М. супруга, Анна Стефановна, дщерь

Дщерь Спольника Стефана Алексан-
дровича Аничкова. Поживе во благо-
честивомъ и цѣломудренномъ си супру-
жествѣ 15 лѣтъ и 4 мѣсяца и 5
дней; всѣхъ же жизни 33 лѣта отъ
рождества своего, и проч.

К О Н Е Ц Ъ.

57

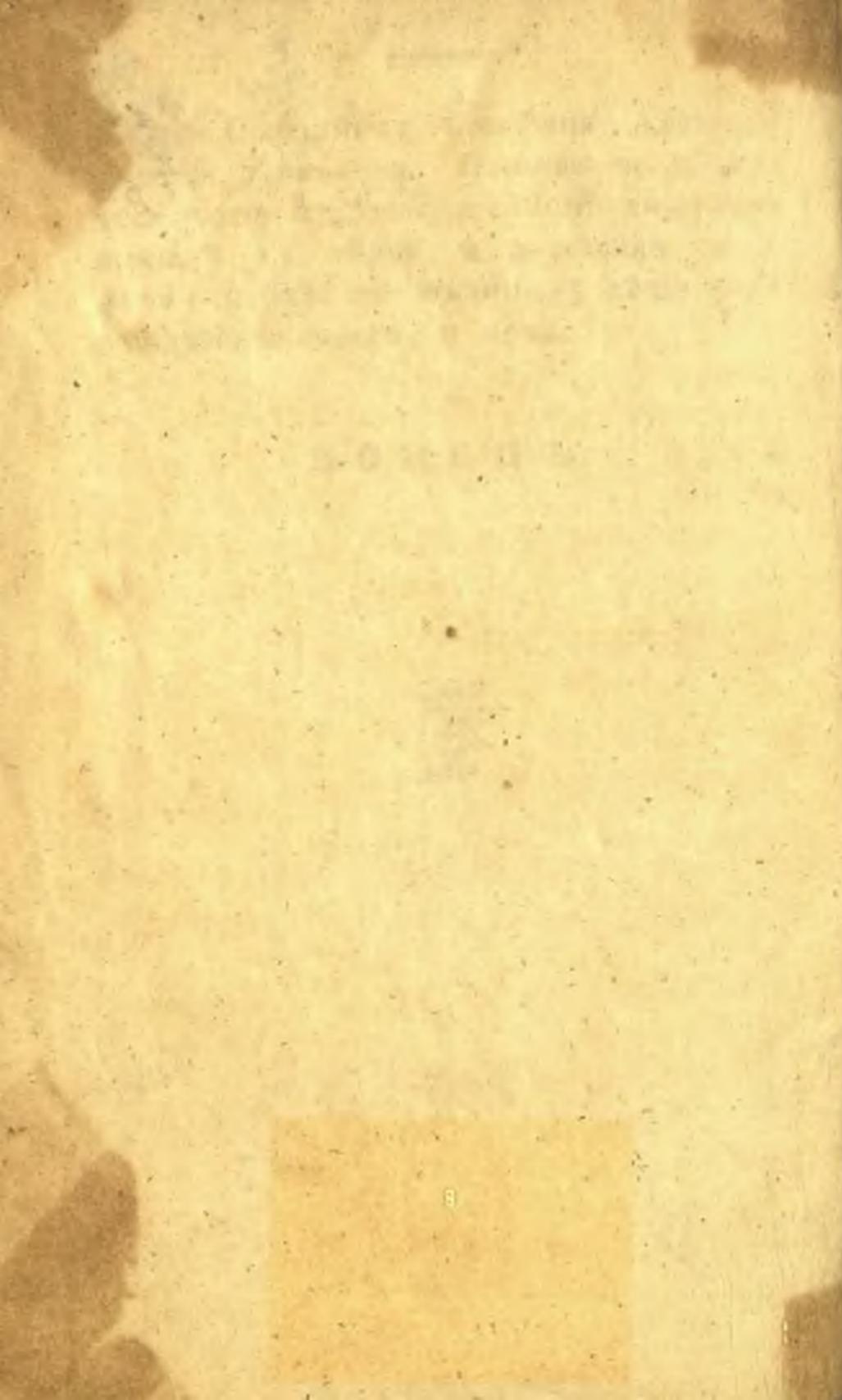
307

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000002 076797

суд на 8 р

г- Траугера

гн. Рамон 30

